

СОЦИ ДИГГЕР

18+

ВЦИОМ

УЧАСТВУЮТ:

философ, преподаватель,
зам. руководителя Школы философии
и культурологии НИУ ВШЭ

Анна Винкельман

стажер-исследователь ЛССИ НИУ ВШЭ,
редактор-переводчик ВЦИОМ

Илья Ломакин

муниципальный депутат г. Москва,
куратор программы в МВШСЭН,
внештатный преподаватель ИГСУ РАНХиГС

Александр Замятин

приглашенный редактор выпуска,
автор книги «Любовь. Сделай сам.
Как мы стали менеджерами своих чувств»

Полина Аронсон

и другие эксперты

1989

2022

ТЕМА ВЫПУСКА

ЛЮБОВЬ (НЕ) ДОЛЖНА

ВЦИОМ
• Основан в 1987 году •

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово	3	Меньшикова Е. Е. «Никто никому не должен» — это «мне все должны»	91
Аронсон П. «Говорят, эту фразу придумали психологи»	5	Рубцова А. Любовь меняется только на любовь	95
 Восприятие населением проблематики ответственности и долга в отношениях: актуальные тренды, данные опросов ВЦИОМ... 16	16	Миняев Д. Е. Жизнь после развода.....	98
 I. Теоретико-аналитическая часть. Понятия долга и обязательств в интимных отношениях: в чем их содержание		Жукович В. К. Культура договора в семье и бизнесе	101
Винкельман А. М. Господин Никто: возможно ли, что в отношениях никто никому ничего не должен?	27	Епископ Бендас К. Неверный в малом неверен в большом: брак, семья и доверие глазами протестанта....	103
Лернер Ю. Психологизация русской любви? Размышления о терапевтическом повороте и эмоциональном социализме.....	36	Хасьминский М. И. Традиционное и современное общества: проблема переноса концепта ответственности.....	108
Михайлова Е. А. Любовь не по правилам.....	46	Аляутдинов И. Р. Настоящая ответственность — в ее осознании (взгляд на проблему с точки зрения ислама)	110
Годси К. Инвестировать в отношения.....	53	 III. Текущая любовь: секс, интимность, близость за пределами брака и моногамии	
Носкова А. В. Многоликость любви в социальной науке и жизни.....	57	Травкова М. Р. Минимальные обязательства возникают в абсолютно любом человеческом контакте	114
Мерзлякова В. Н. Любовь к себе: между долгом, трендом и культом эгоизма	64	Лунин И. И. Подходит ли слово «измена» для описания внебрачных отношений?	124
Вилейкис А. И. Dr. Merkwürdigliebe. Почему медиа конструируют образ завершенной любви?	73	Ломакин И. В. Однополые союзы: некоторые особенности.....	127
 II. Взаимные обязательства и долг в семье, браке, родительских отношениях		Карандашев В. Н., Лайт Э. Эффект Ромео и Джульетты и эффект социального окружения в любовных отношениях: культурное разнообразие	135
Исупова О. Г. Материнская любовь: еще один вид долга, основанного на любви.....	79	Ильин В. И. Модель сетевых отношений	140
Соленов Ю. В. Ответственность через призму отцовства.....	83	 IV. А теперь: любовь к Родине!	
Маховская О. И. Трансформация понимания ценностей долга и ответственности в семье: мнение семейного психолога.....	87	Замятин А. А. Что стоит за словосочетаниями «любовь к Родине» и «гражданский долг»?	146
		Омельченко Е. Л. Молодежь, Родина и государство — (не)взаимная любовь	151

**ПОДБОРКА ДАННЫХ ВЦИОМ
«Любовь (не) должна»**

СКАЧАТЬ

**САЙТ СОЦИОДИГГЕРА.
ВСЕ ВЫПУСКИ**

SOCIODIGGER.RU

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Развивая тему любви, которую задал отмечавшийся недавно День всех влюбленных и, несомненно, продолжит уже близкая весна, мы решили посмотреть на любовь в контексте долга и ответственности. И пригласили в качестве редактора выпуска СоциоДиггера «Любовь (не) должна» Полину Аронсон, известную книгами «Любовь: сделай сам. Как мы стали менеджерами своих чувств», «Сложные чувства. Разговорник новой реальности: от абьюза до токсичности».

При всей кажущейся легкости темы, материалы номера выявляют важнейшие тренды в развитии ключевых социальных институтов, таких как семья, брак, родительство и т.д., и в изменении социального профиля современного общества. При этом выпуск поднимает весьма сенситивные и дискуссионные вопросы. Что есть сегодня любовь к своей стране, как понимают долг друг перед другом полиаморы, как современные медиа принуждают нас демонстрировать любовь к себе, почему поменялись представления о материнской привязанности к детям, что влияет на прочность отношений в однополых союзах?.. Разговор о любви на страницах выпуска состоялся без сантиментов и без купюр.

При подготовке номера весьма спорным оказался вопрос, а кто может рассуждать о любви на страницах экспертно-аналитического издания? Кто имеет моральное право и чья экспертность достаточно экспертна, когда речь идет о такой неуловимой материи, как любовь? В результате нам удалось представить самую широкую палитру взглядов от крайних консервативных до крайних либеральных, собрав уникальный состав авторов — психологов, священников, общественных деятелей, юристов, культурологов, философов, социологов. Все они так или иначе выступают экспертами по вопросам отношений, причастны к их зарождению, оказываются рядом в моменты кризисов, помогают идти вперед или просто делают мир объяснимее, помогая бороться со стереотипами, предрассудками.

Под любовью мы все понимаем очень разное. Уверена, читая выпуск «Любовь (не) должна», вы не единожды подумаете: «А что, так можно было?!». Во всяком случае, пока шла работа над выпуском, фраза «Живут же люди!» в самых крайних коннотациях была наиболее часто произносимой среди участников рабочей группы:-) Как обычно, номер сопровождают подборки опросных данных ВЦИОМ, в том числе на базе новой интернет-панели «ВЦИОМ-онлайн».

Желаю приятного и полезного чтения,

Анна Кулешова,
главный редактор СоциоДиггера

P.S. Если вы готовы поделиться экспертизой и стать автором СоциоДиггера, пишите на kuleshova@wciom.com или nnsedova@wciom.com. С нас — данные!

ПОЛИНА АРОНСОН

автор книги «Любовь. Сделай сам.
Как мы стали менеджерами своих чувств»,
редактор сборника «Сложные чувства. Разговорник
новой реальности от абьюза до харрасмента»

«ГОВОРЯТ, ЭТУ ФРАЗУ ПРИДУМАЛИ ПСИХОЛОГИ»

«Если мне что-то непонятно — я задаю вопросы. Она говорит: „А вот я думала...“ — „А почему ты так думала?“ — „Ну, потому что ты должен...“ — „Кому, что и как давно должен? (...) Почему? Объясни“. Я всегда задаю вопрос: „Что должен, как давно и сколько платить процентов, если долг не выполняется?“ 90 % людей не отвечают на эти вопросы, соответственно, диалог не продолжается. Нет никакого морального долга».

Эта цитата — отрывок из интервью с тридцатилетним Павлом¹, жителем одного российского города-миллионника. По просьбе интервьюера Павел рассказывает о своей «личной жизни» — и ближе к середине разговора формулирует один из главных принципов, на которых он строит отношения с людьми — в первую очередь с женщинами: «Нет никакого морального долга».

Павлу вторит его ровесница, москвичка Аня:

«Мы ничего друг другу не должны. Если я влюблюсь в кого-то другого, я просто сольюсь. Я всегда так делаю. Просто пропадаю. Тут нет позиции. Может быть, сейчас мы нет, а через месяц снова да. Может быть, мне надо подумать. А может быть, я хочу на месяцок отвлечься на что-то другое. Спишемся потом — вдруг ты еще да и я еще да».

И Павел, и Аня — успешные молодые люди, занимающиеся предпринимательством. Они читают литературу по методам управления, посещают бизнес-

¹ Имена изменены.

тренинги, хорошо знакомы с многочисленными рекомендациями на тему личного роста. «Никто никому ничего не должен» — это максима, почерпнутая ими из разных источников; максима, на которую они ориентируются в поисках если не счастья, то, как минимум, удовлетворения от жизни.

«Эта фраза звучит из каждого утюга»

Конечно, представления Павла и Ани сформированы средой, в которой они живут и работают, — их уровнем достатка и образования, сферой занятости, семейным положением (оба не состоят в браке) и, наконец, возрастом. Вполне можно предположить, что их суждения следует рассматривать как личное мнение — и не более. В конце концов, мало ли кто что себе думает об «отношеньках»; в этой области каждый готов считать себя экспертом. И, тем не менее, позволю себе предположить, что речь идет о бóльшем — не о частном, едва ли не случайном суждении, а о вербализации новой культурной нормы, нового морального кодекса.

Эта норма и этот кодекс во многом формируются в русле жанра поп-психологии и селф-хелпа. Тиражи подобной литературы в России постоянно растут; к переводным авторам добавляются и русскоязычные². По данным Российского книжного союза, на литературу по саморазвитию и психологии российские читатели тратят 59,4% от общей выручки книг, вошедших в рейтинг³. Растет и индустрия самопомощи, консультирования по вопросам отношений и саморазвития — популярные блогеры и поп-психологи собирают не только многотысячные читательские аудитории, но и целые стадионы.

О том, что идея «никто никому ничего не должен» стала в этом жанре едва ли не главной, свидетельствует хотя бы то, что ее начинают оспаривать уже изнутри самой селф-хелп индустрии: «Сегодня в популярной психологии все чаще можно встретить фразу о том, что в этом мире никто никому ничего не должен. <...> Многие современные психологи и коучи настаивают на том, что люди не обязаны что-то „отдавать“ в отношениях, а также вольны делать все, что им хочется», — пишет журнал *Marie Claire*, и предлагает «разобраться вместе с психологом,

² Смирнова М. Как устроен рынок литературы для саморазвития и помогают ли эти книги в жизни // LiveLib. URL: <https://www.livelib.ru/articles/post/41552-kak-ustroen-rynok-literatury-dlya-samorazvitiya-i-pomogayut-li-eti-knigi-v-zhizni>.

³ Всероссийский книжный рейтинг — 2021: лидируют книги по саморазвитию, манга и романы Бакмана, Пелевина и Яхиной // Российский книжный союз. URL: https://bookunion.ru/news/vserossiyskiy_knizhnyy_reyting_2021_lidiruyut_knigi_po_samorazvitiyu_manga_i_romany_bakmana_pelevina/.

почему это неверно»⁴. Вслед за Marie Claire о «массовой распространенности» установки «никто никому ничего не должен» пишет и сайт об отношениях и психологии Liwli: «Никто никому ничего не должен. Говорят, эту фразу придумали психологи. Сейчас она звучит из каждого утюга и написана едва ли не каждом рулоне туалетной бумаги. Это чудное выражение призвано освободить человека от долженствования, сделать свободной, целостной личностью»⁵. Разбор установки на свободу от долгов перед другими предлагают своим читателям и другие популярные издания и платформы: Лайфхакер⁶, Econet⁷, Психологос⁸, Yandex Question⁹.

Предположение, что «эту фразу придумали психологи», не лишено оснований — производители популярного контента на тему отношений, саморазвития и самопомощи прибегают к квазитерапевтическому языку и терапевтической экспертизе, чтобы обосновать свои идеи. Практикующие специалисты нередко видят в их рекомендациях больше вреда, чем помощи — особенно если речь идет о людях, оказавшихся в кризисных ситуациях¹⁰. Однако то, что обсуждается в профессиональном сообществе, и то, что отражается в публичном дискурсе, — это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Принцип «никто никому не должен» получает легитимность за счет реальной — или мнимой — экспертизы тех, кто его высказывает на языке психологических терминов. Так, в качестве надежного аргумента против идеи долга и каких-либо обязательств в отношениях многие авторы цитируют так называемую молитву гештальтиста¹¹:

«Предал самый близкий человек? Пережили расставание? Недооценил начальник? Не поняли родные? Что это? Они не оправдали наших ожиданий? А должны были? Они родились на этот свет оправдывать наши ожидания?»

⁴ «Никто никому ничего не должен»: что не так с этой установкой // Marie Claire. URL: <https://www.marieclaire.ru/psychology/nikto-nikomu-nichego-ne-dolzhen-cto-ne-tak-s-etoi-ustanovkoi/>.

⁵ Никто никому ничего не должен? // Liwli.ru. URL: <https://liwli.ru/reactions/nikto-nikomu-nichego-ne-dolzhen/>.

⁶ «Никто никому ничего не должен»: как работает эта установка на самом деле // Лайфхакер. 18.11.2021. URL: <https://lifehacker.ru/nikto-nikomu-nichego-ne-dolzhen/>.

⁷ Когда «никто никому ничего НЕ должен» // Econet. URL: <https://econet.ru/articles/kogda-nikto-nikomu-nichego-ne-dolzhen>.

⁸ Козлов Н. И. Никто никому ничего не должен? // Психологос. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/nikto-nikomu-nichego-ne-dolzhen-vop-zn->.

⁹ Действительно ли никто ничего никому не должен? Как правильно понимать эту фразу? // Yandex Question. URL: https://yandex.ru/q/question/deistvitelno_li_nikto_nichego_nikomu_ne_4a0019c5/.

¹⁰ Эти вопросы обсуждались, например, на конференциях, где присутствовал автор: «Семья в современном мире. Трансформация психотерапии» (Москва, 28—19 сентября 2019), «Гештальт: актуальная психотерапия» (Москва 15—17 ноября 2021), и на многих других площадках.

¹¹ Некоторые принципы гештальт-терапии, изложенные в предельно сжатой форме одним из основателем метода, Фредериком Перлзом.

Есть одна экзистенциальная формула, которая помогает пережить подобного рода стрессы. <...> Она известна как гештальт-молитва:

Я делаю свое дело, а ты делаешь свое дело.

Я живу в этом мире не для того, чтобы соответствовать твоим ожиданиям.

А ты живешь в этом мире не для того, чтобы соответствовать моим.

Ты — это ты.

А я — это я.

Если мы случайно встречаем друг друга — это прекрасно.

А если нет — так тому и быть.

Произнесите ее вслух... Приходит ощущение легкой исцеляющей одиночества... примирение с этим миром...

Каждый раз, когда чувство обиды будет переполнять ваше сердце, просто вспомните эти слова...

Ты — это ты. А я — это я...»¹²

Популярная блогерша Эволюция — автор многочисленных советов в вопросах личных отношений, — также ссылаясь на молитву гештальтиста, формулирует послание к читателю в еще более жесткой форме¹³:

«Вы не ждете ничего от другого человека! Все, чего вы хотите, надо ждать от себя, помогая себе. От других — нет! Ничего не надо ждать. Ни просить, ни ждать. Тем более от того, кто ушел от вас. А лучше вообще ни от кого».

Самый популярный российский психолог Михаил Лабковский к понятию гештальта не прибегает — ему достаточно простых, всем понятных слов, ведь его книги, лекции и тренинги рассчитаны на многомиллионную аудиторию. В «Правилах успешной женщины» (само по себе удивительно, что «правила успешных женщин» в России до сих пор составляют мужчины средних лет) Лабковский среди прочего отмечает:

«— Она с самых ранних лет привыкла рассчитывать только на себя...

— Она самодостаточна...

— Она независима во всех смыслах этого слова...

¹² Ты — это ты. А я — это я. Гештальт-молитва // Вечная молодость. URL: <https://marina-haifa.livejournal.com/23826.html>.

¹³ Гимнастика для закрытия гештальта // Эволюция. URL: <https://evo-lutio.livejournal.com/712354.html>.

- Она не просит помощи...
- Она не идет на компромиссы...
- Она никогда ни с кем себя не сравнивает...
- Она довольна своей внешностью...»

Не просить помощи, рассчитывать только на себя, ни о чем договариваться.

«Не верь, не бойся, не проси» — из-под глянцевых обложек неумолимо выпирает знакомая трехчленная формула. Но ориентируется на нее далеко не только образованный городской класс, читающий советы Лабковского и Эволюции. Люди в малых городах, в массе своей далекие от тренингов личностного роста, тоже часто верят в то, что в жизни можно полагаться только на самого себя. Об этом свидетельствует исследование «Жизнь в долг», проведенное в 2020 году Высшей школой экономики совместно с Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом¹⁴. Прочная убежденность в том, что рассчитывать им не на кого и незачем, ведет людей в микрокредитные организации, где они нередко «падают на счетчик». Авторы исследования отмечают¹⁵:

«Именно в малых городах несколько лет назад распространились микрофинансовые организации, где можно занять небольшую сумму до получки под высокий процент. Такие организации реже встречаются в мегаполисах, так как их успех основывается как раз на том, что они становятся внешним источником денег для индивида, который испытывает давление со стороны сообщества в малом городе».

В этом выпуске Социодиггера мы попытались разобраться в том, насколько норма «никто никому ничего не должен» стала общепринятой в российском обществе. В первую очередь нас интересовало бытование этой нормы в интимных — дружеских, любовных, семейных, гомо- и гетеросексуальных, моногамных и полиаморных — отношениях. Совместимы ли в представлениях современных россиян любовь, сексуальная близость и долг? Насколько они готовы согласиться — или не согласиться с тем, что взаимные обязательства убивают романтические чувства? И можем ли мы помыслить долг и обязательства вне «духовных скреп», охраняемых религией и патриотическим воспитанием?

¹⁴ Жизнь в долг: Моральная экономика долговых практик в жизни сообществ в России / науч. ред. Г. Б. Юдин. М.: Изд-во ПСТГУ.

¹⁵ Там же. С. 24—25.

Кому мы должны?

Опрос, проведенный ВЦИОМ¹⁶ специально к выходу этого номера, показывает: с тем, что «никто никому ничего не должен» — в том смысле, что никто никому просто так ничем не обязан, — согласны 29 % респондентов, из них полностью согласны 7 %¹⁷. Большинство согласившихся с этим утверждением — люди молодого возраста: 18—24 и 25—34 лет (ровесники Ани и Павла, процитированных выше). Не согласны 68 % (из них совершенно не согласны 31 %); при этом чем старше люди, тем сильнее степень их несогласия.

Однако даже 29 % респондентов, убежденных в «никто-никому-ничего-не-должности», готовы были бы в трудной жизненной ситуации как оказать помощь, так и принять ее от родственников или друзей. Кажется, на практике мы все еще нуждаемся друг в друге и готовы к взаимной поддержке, но, тем не менее, наши представления о взаимных обязательствах и чувстве долга по отношению к любимым, родным, к детям, родителям, Родине и к государству претерпевают серьезные изменения.

«Как Вы думаете, а кому вообще человек сегодня что-то должен, перед кем он все-таки может чувствовать обязательства?»¹⁸ — три первые позиции в ответе на этот вопрос предсказуемо занимают родители (52 %), дети (44 %) и родственники (43 %). Друзьям и родственникам мы, впрочем, не только «должны» — именно от них в первую очередь мы ждем помощи, когда она нужна нам самим: в сложной жизненной ситуации к родственникам готовы обратиться 65 % респондентов, к друзьям — 36 % и 24 % — к любимому человеку. Этот «любимый человек» вовсе не обязательно должен быть официально зарегистрированным супругом: с тем, что и «в отношениях вне брака между людьми возникают обязательства», согласны 60 % респондентов, мужчины и женщины — в равной степени.

На четвертом месте — «обязательства перед Родиной, государством, гражданский долг». Такой патриотический энтузиазм может показаться несколько удивительным в обществе, где даже явка на выборах в 2021 году составила не бо-

¹⁶ Опрос на базе «ВЦИОМ-онлайн» — всероссийской вероятностной интернет-панели, рекрутируемой в ходе телефонных опросов «Спутник» по случайной (RDD) общероссийской выборке. Опрос проведен в январе 2022 г., опрошено 1600 респондентов в возрасте от 18 лет и старше.

¹⁷ Автор благодарит Григория Юдина за помощь с анализом количественных данных, собранных ВЦИОМ в ходе опроса для этого выпуска Социодиггера.

¹⁸ Открытый вопрос; респонденты могли назвать любое число ответов.

лее 40,49%¹⁹ (для сравнения: в США в 2020 году на выборы пришли 66,9%²⁰ населения, а в Германии — в 2017 и 2021 годах — около 76%²¹). Возможно, этот результат — не более чем статистический артефакт: при количественном анализе данных «Родина», «государство» и «гражданский долг» оказались объединены в одну общую категорию. Авторы выпуска — социолог Елена Омельченко и независимый депутат, политолог Александр Замятин — помогают разобраться в том, какие именно смыслы люди вкладывают в эти понятия, и объясняют, что нередко они используются в разных, едва ли не противоположных контекстах: «я люблю свою Родину, но ненавижу свое государство».

Как мы должны?

Похоже, что самую большую трансформацию претерпевают именно значения категорий «обязательства» и «долг» — а не сама по себе убежденность в том, что человеческие отношения подразумевают эти самые обязательства и этот самый долг.

С одной стороны, понятие «долг» нередко оказывается встроено в целый континуум ценностей, связанных с патриархальным укладом, с жестким гендерным порядком, с поколенческими иерархиями. В этой перспективе взаимные обязательства людей друг перед другом определяются религиозными или идеологическими предписаниями: зачем изобретать колесо, когда и так понятно, что женщина должна вот то, а мужчина — вот это, родители обязаны детям тем, а дети родителям — сем? Антрополог Дэвид Гребер, автор замечательной книги «Долг: первые 5000 лет истории», называет такую систему представлений «долговой моралью иерархии»²². Такая мораль основана на идее прецедента — нередко мифического, — раз и навсегда определившего роли и обязанности сторон. Например, если миллионы лет назад мужчины охотились на мамонтов, а женщины стерегли очаг, то и сегодня одни должны зарабатывать на гелендваген, а другие — «дышать маточкой».

С другой стороны, представления о взаимном долге и обязательствах сегодня могут рождаться не из готовых формул, а из сложных попыток договариваться о совместной жизни здесь и сейчас. Мы «должны» — но не кому-то условному,

¹⁹ Явка на выборах в Госдуму по всей России составила 40,49% // ТАСС. 19.09.2021. URL: <https://tass.ru/politika/12444993>.

²⁰ Явка на выборах в США оказалась самой высокой за 120 лет // Lenta.ru. 04.11.2020. URL: <https://lenta.ru/news/2020/11/04/yavilis/>, последний доступ к источнику 14.02.2022.

²¹ Явка на выборах в Германии может составить 76% // DW. 26.09.2021. URL: <https://www.dw.com/ru/yavka-na-vyborah-v-germanii-mozhet-sostavit-76/a-59318058>.

²² Гребер Д. Долг: первые 5000 лет истории. М.: Ад Маргинем, 2015.

а лично друг другу. Именно так вырабатываются нормы в полиаморных и в ЛГБТ+ сообществах, о которых рассказывают в этом номере Владимир Ильин, Марина Травкова и Илья Ломакин, — но и не только в них. Сегодня представления о взаимном долге пересматриваются и в моногамном гетеросексуальном браке, а «традиционное» распределение ролей и ожиданий становится лишь одним вариантом из многих, — но далеко не единственным.

В разделе «Взаимные обязательства и долг в семье, браке, родительских отношениях» мы собрали самые разные точки зрения — в чем-то даже радикально противоположные друг другу. О том, как устроены взаимные обязательства в интимных отношениях, на страницах СоциоДиггера высказываются и представители различных религиозных конфессий (Константин Бендас, Михаил Хасьминский, Ильдар Аляутдинов), и психотерапевты (Анастасия Рубцова, Ольга Маховская, Елена Меньшикова), и юристы (Дмитрий Миняев) — то есть те, к кому люди нередко обращаются за помощью, когда им нужно определиться с тем, в чем заключаются их обязательства перед другими, — и наоборот. Этот спектр представлений, на наш взгляд, отражает и разнообразие современных идей о долге, и демонстрирует зарождение нового тренда — поиска альтернатив долговой морали иерархии.

Одна из этих альтернатив — долговая мораль обмена, основанная на идее не просто равного, но симметричного исполнения обязательств, исключающего возможность — даже временную — зависимости одних людей от других²³. Под «никто никому ничего не должен» можно понимать не столько стремление избавиться от любых обязательств, сколько стремление к тому, чтобы абсолютно все обязательства были компенсированы другой стороной. Возможность самопожертвования, возможность некомпенсированных «инвестиций в отношения» видится с этой позиции как «неграмотная», «незрелая» растрата жизненно важных ресурсов, недостаточная «любовь к себе». Размышления о том, как переход к новой долговой морали выглядит в России, и о его сути мы собрали в теоретико-аналитической части выпуска (см. статьи Юлии Лернер, Виктории Мерзляковой и Кристен Годси).

Брать или давать?

Страх оказаться в долгу, однако, вовсе не отменяет готовности помогать — или дать в долг. Подавляющее большинство респондентов нашего опроса дали бы займы родственникам (89 %) и друзьям (75 %) без дополнительных условий.

²³ Гребер Д. Долг: первые 5000 лет истории. М.: Ад Маргинем, 2015.

Но вот брать у них же мы готовы в два раза меньше. На вопрос «Если бы Вам необходимо было взять деньги в долг, куда бы Вы лично скорее обратились?» лишь 40 % ответили «к друзьям и родственникам», а почти столько же респондентов — 39 % — предпочтут обратиться в кредитную организацию.

Важно отметить: долговая мораль обмена требует от каждого актора, каждого участника интеракции «быть в ресурсе», то есть обеспечить себе такую степень суверенности и автономности, чтобы в любой момент иметь возможность получить все необходимое самостоятельно, не прибегая к помощи других людей. Однако именно это стремление к абсолютной независимости — вспомним правила успешной женщины Михаила Лабковского, — нередко загоняет людей в самое настоящее долговое рабство. Авторы исследования «Жизнь в долг» считают, что кредитная зависимость — это результат неготовности людей объясняться с близкими, показывать себя с уязвимой стороны, давать им понять, что тебе чего-то не хватает²⁴:

«Усвоив, что жизненного успеха можно достичь, только полагаясь на самого себя, индивид стремится сделать все, чтобы сохранить свою автономию. Постоянный страх попасть в зависимость развивает недоверие и нежелание договариваться, если возникают проблемы и конфликты. В этих условиях удовлетворение любой возникшей у индивида потребности становится „делом чести“, так как в противном случае он чувствует свою автономию уязвленной. <...> Как ни странно, именно стремление не быть никому должным и ни от кого не зависеть приводит потребителя к решению взять кредит на возникшие нужды. Преимущество кредита перед займом у родственников или знакомых состоит в том, что отношения с банком или другой финансовой организацией являются формальными, безличными».

Особенно страшно показать свою уязвимость, мнимую неполноценность, неспособность добиться всего исключительно своими силами там, где социальные связи рвутся и люди чувствуют, что им и вправду не на кого положиться. Наш опрос подтверждает выводы, к которым пришли авторы исследования «Жизнь в долг»: в микрокредитные организации — нередко ставящие на редкость невыгодные условия для займов, — обратятся в первую очередь жители малых городов и поселков городского типа в возрасте от 45 до 59 лет. То есть речь идет о людях трудоспособного возраста, проживающих в местах, где уровень социальной и экономической депривации особенно высок. И именно эти люди, согласно тому же опросу, считают, что в целом просить о помощи в последние годы стало тяжелее. Стереотипное пред-

²⁴ Жизнь в долг: Моральная экономика долговых практик в жизни сообществ в России / науч. ред. Г. Б. Юдин. М.: Изд-во ПСТГУ. С. 19—26.

ставление о «провинциальном городке, где все друг друга знают и всегда помогут» разбиваются о реалии российского социального и демографического кризиса.

o Долг разговора

Не верь, не бойся, не проси — максима, сложившаяся на ледяном ветру под вой лагерных овчарок. Убеждение в том, что «никто никому ничего не должен», возникает не от хорошей жизни — не от избытка ресурсов, а от страха их потерять. Оно рождается там, где люди перестают верить в возможность договориться друг с другом, где диалог заблокирован различными формами неравенства или депривации и где единственной формой агентности становится — пользуясь терминологией экономиста Альберта Хиршмана, — exit, то есть способность быстро и при минимальных потерях для себя выходить из любых отношений²⁵. Возвращаясь к началу этой статьи и к поп-психологии как жанру, наиболее емко отражающему (и одновременно формирующему) нормы «правильной» субъектности, отметим, что поп-психологический дискурс первых постсоветских десятилетий формировал у субъекта способность к voice — в прямом смысле слова к гласности, способности участвовать в диалоге и озвучивать свои потребности и переживания²⁶.

Сегодня, со все большим укреплением «вертикали власти» и усечением гражданских прав, российская власть, дискурс прогосударственных СМИ и организаций с нарастающей агрессией требуют от граждан страны loyalty — лояльности любой ценой, готовности «служить Родине», сформированной долговой моралью иерархии. В этих же категориях формируются и представления о долге и обязательствах, которые граждане должны нести друг перед другом в семейных, брачных, интимных отношениях.

Но для многих современных мужчин и женщин идея обмена, то есть долгового равноправия, безусловно, выглядит более привлекательно, чем идея иерархии — вмененного «сверху» неизвестно кем и неизвестно когда долга. Попытка строить отношения на основаниях долговой морали обмена — это первый шаг к демократизации личного, частного, интимного пространства.

Однако до какой степени возможно реализовать подобные требования к себе и к партнеру? Всегда ли мы можем быть в состоянии «свести баланс»? Императив

²⁵ Hirschman A. (1970) Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. Cambridge, MA: Harvard University Press.

²⁶ Matza T. (2018) Shock Therapy: Psychology, Precarity, and Well-Being in Postsocialist Russia. Duke University Press.

абсолютно равноценного обмена может, как мы видим, повлечь за собой новые формы несвободы — не только материальной (как показывает исследование «Жизнь в долг»), но и экзистенциальной. Философ Анна Винкельман в своей статье обращается к практической философии Иммануила Канта и показывает, что отказ от долга перед другим в отношениях — это отказ от понятия человека и субъекта в отношениях, создающий лишь иллюзию свободы и выбора.

Реализация императива «никто никому ничего не должен» на деле нередко превращается в exit. Именно exit — это наиболее рациональная форма поведения в предельно агрессивной социальной среде. Человек, единственной опорой в жизни которого может быть только он сам, — это человек, воспитанный страхом рейдерского захвата со стороны более сильных или, как пишет антрополог Томас Матца, страха *dispossession*²⁷. Жизненный опыт этого человека показывает, что в любой момент он может быть лишен прав, имущества, всего, что ему принадлежит, — и именно поэтому технологии, «прокачивающие» автономность, становятся и технологиями «выживания». В этой перспективе долг — это действительно чрезвычайно обременительная конструкция. Чтобы уходить быстро — «не липнуть к ручке двери», как пишет Эволюция, необходимо полностью свести баланс с окружающим миром и никогда ни в чем не быть ни от кого зависимым.

Настоящая свобода, настоящая эмансипация — это свобода не обмена, но дара; свобода не только давать, но и принимать. Дэвид Гребер называет эту форму взаимодействия между людьми, отмеченную простыми, само собой разумеющимися актами солидарности, «повседневным коммунизмом». Подавляющее большинство людей, считает Гребер, способно к этому «бытовому коммунизму» и в повседневности нередко полагается именно на него: мы покажем дорогу прохожему, дадим прикурить незнакомцу, одолжим зарядник для телефона коллеге. Последняя книга Гребера, опубликованная уже после его смерти, показывает, что в истории человечества существовали крупные общества, в которых вся социальная, экономическая и политическая жизнь была организована на этих же основаниях²⁸. Самоуправление в этих обществах чем-то напоминает самоуправление в полиаморных поликулах: на первом месте — договорной процесс, основанный на принципе «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Любовь, смелая и щедрая, прорастает там, где есть voice. Возможно, главный долг, который у людей есть друг перед другом, перед родиной, перед самими собой — это долг честного разговора.

²⁷ Matza T. (2018) *Shock Therapy: Psychology, Precarity, and Well-Being in Postsocialist Russia*. Duke University Press.

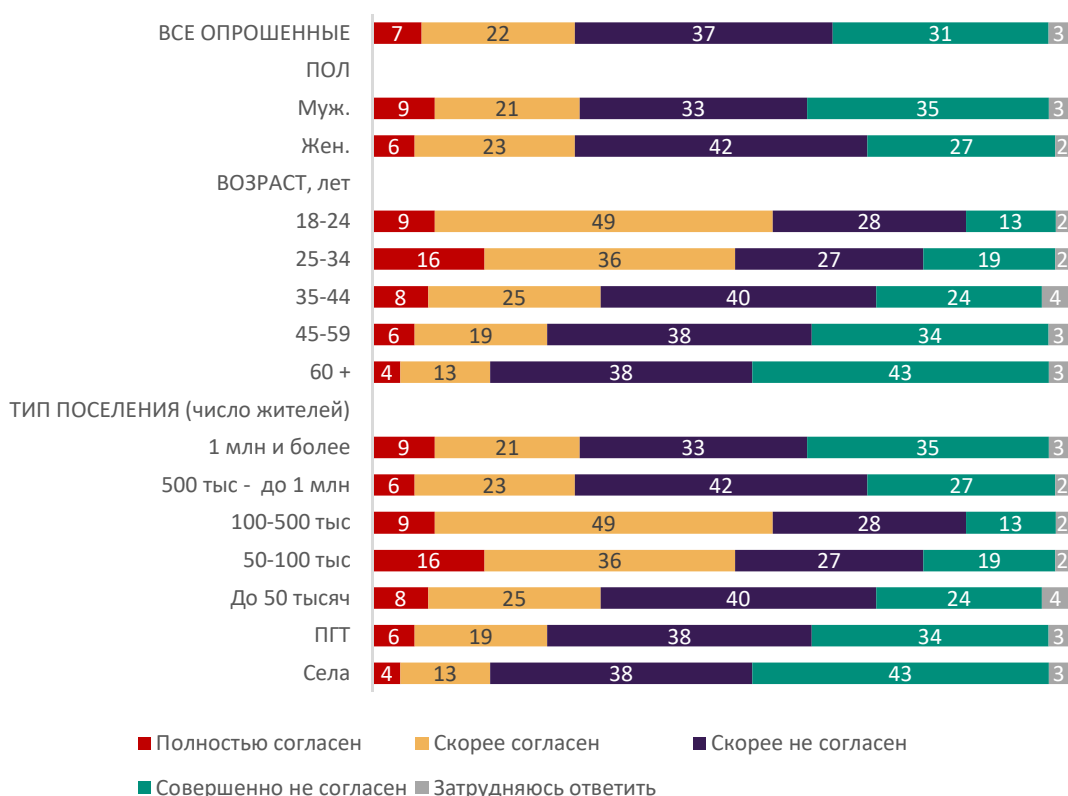
²⁸ Graeber D., Wengrow D. (2021) *The Dawn of Everything: A New History of Humanity*. Macmillan.

ВОСПРИЯТИЕ НАСЕЛЕНИЕМ ПРОБЛЕМАТИКИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ДОЛГА В ОТНОШЕНИЯХ: АКТУАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ, ДАННЫЕ ОПРОСОВ ВЦИОМ

Данные опросов на базе вероятностной всероссийской интернет-панели «ВЦИОМ-онлайн»¹

Диаграмма 1. Сегодня нередко звучит мнение, что «Никто никому ничего не должен» — в том смысле, что никто никому просто так ничем не обязан. А Вы лично с этим мнением согласны или нет?

(закрытый вопрос, один ответ, %, январь 2022)

¹ Новый опросный инструмент «ВЦИОМ-онлайн» — всероссийская интернет-панель с постоянно пополняемым составом участников (на январь 2022 г. около 63 000 человек). Панель вероятностная, рекрутируется в ходе телефонных опросов «Спутник» по случайной (RDD) общероссийской выборке. В настоящем материале приведены данные онлайн-опроса, проведенного на базе панели в январе 2022 г. Опрошено 1600 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, пользующихся интернетом.

Диаграмма 2. Как Вы думаете, а кому вообще человек сегодня что-то должен, перед кем он все-таки может чувствовать обязательства?

(открытый вопрос, любое число ответов, %, представлены позиции, набравшие 2 % ответов и более, январь 2022)

*) По 1 % набрали позиции: «перед учителями, наставниками»; «перед соседями»; «перед окружающим миром, природой»; «каждый сам решает, кому он обязан»; «перед конституцией, законами»; «перед теми, кто попал в трудную ситуацию»; «перед банком (кредитный долг)»; «перед теми, кому дал обещание»; «перед теми, от кого получил помощь»; «договорные обязательства»; «перед ветеранами».

Таблица 1. Как Вы думаете, а кому вообще человек сегодня что-то должен, перед кем он все-таки может чувствовать обязательства?

(позиции приведены выборочно; % выбравших данные позиции среди представителей групп, выделенных по полу, возрасту и типу поселения)

	Перед родите- лями	Перед детьми, будущим поколением	Перед родственниками, семьей	Перед государством, Родиной	Перед собой, своей совестью
Все опрошенные	52	44	43	32	5
Мужчины	47	35	48	36	4
Женщины	59	56	36	28	5
18—24 лет	43	21	32	19	15
25—34 лет	39	33	41	24	5
35—44 лет	53	45	46	28	3
45—59 лет	56	46	43	32	5
60 лет и старше	52	47	42	44	4
От 1 млн жителей	52	44	43	33	5
500 тыс. — 1 млн	52	42	43	29	5
100—500 тыс.	50	41	39	33	4
50—100 тыс.	53	45	45	33	4
До 50 тыс.	54	40	40	38	3
ПГТ	55	55	43	22	2
Села	54	47	46	33	5

Диаграмма 3. Если у Вас возникают тяжелые жизненные ситуации, проблемы, которые трудно решить в одиночку, к кому Вы обычно обращаетесь за советом, поддержкой в первую очередь?

(закрытый вопрос, до двух ответов, %, январь 2022)

Таблица 2. Если у Вас возникают тяжелые жизненные ситуации, проблемы, которые трудно решить в одиночку, к кому Вы обычно обращаетесь за советом, поддержкой в первую очередь?

(позиции приведены выборочно; % выбравших данные позиции среди представителей групп, выделенных по полу, возрасту и типу поселения)

	К родственникам, членам семьи	К друзьям	К любимому человеку	Не нуждаюсь в посторонней помощи или стимуляторах, самостоятельно ищу выход из сложных ситуаций
Все опрошенные	65	36	24	19
Мужчины	60	37	24	24
Женщины	72	35	25	14
18—24 лет	62	43	28	21
25—34 лет	66	33	37	16
35—44 лет	66	31	32	15
45—59 лет	63	39	20	22
60 лет и старше	68	38	18	21
От 1 млн жителей	64	39	26	19
500 тыс.— 1 млн	62	38	23	22
100—500 тыс.	66	39	26	19
50—100 тыс.	62	32	27	21
До 50 тыс.	63	36	19	22
ПГТ	55	37	27	18
Села	71	31	23	17

Диаграмма 4. Как Вы считаете, за последние годы стало ли людям сложнее или проще обращаться за помощью к другим людям (знакомым, друзьям, соседям, родственникам и т. д.)?

(закрытый вопрос, один ответ, %, январь 2022)

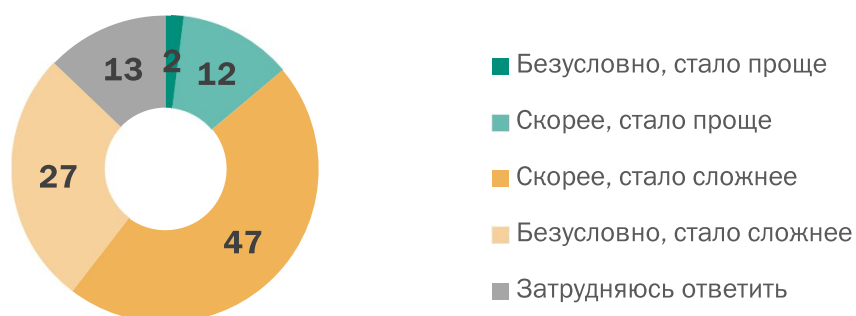

Диаграмма 5. Как Вы считаете, за последние годы стало ли людям сложнее или проще обращаться за помощью к другим людям (знакомым, друзьям, соседям, родственникам и т. д.)?

(закрытый вопрос, один ответ, %, январь 2022)

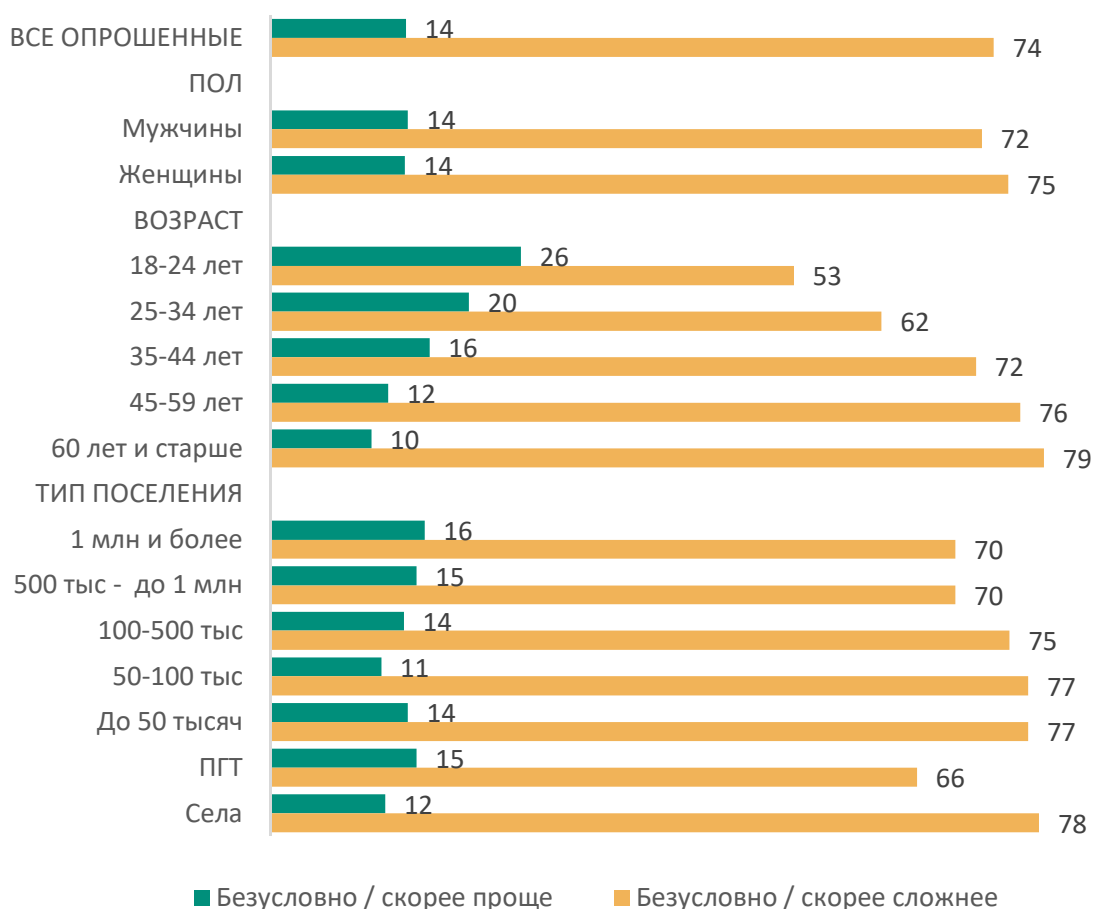

Таблица 3. Если к Вам обратятся с просьбой дать денег в долг, то кому и на каких условиях, скорее всего, Вы дадите займы?

(закрытый вопрос, один ответ по каждой позиции (строке), % от всех опрошенных)

	Без условий	С процентом	С долговой распиской	С ценным залогом	Ни при каких условиях	Трудно ответить
Близким родственникам	89	1	2	0	4	4
Очень хорошим друзьям	75	2	6	1	9	8
Коллегам по работе	39	2	13	1	24	21
Знакомым	17	3	14	2	40	25
Людам, в чьей надежности и платежеспособности не сомневаетесь	39	3	14	1	25	18
Любому, кто нуждается в помощи	18	1	6	2	29	45

Диаграмма 6. Если бы Вам необходимо было взять деньги в долг, куда бы Вы лично скорее обратились?

(закрытый вопрос, один ответ, %, январь 2022)

- Скорее, в кредитные организации (банк, микрокредитные организации)
- Скорее, попросил бы у родственников
- Скорее, попросил бы у знакомых, коллег, друзей

Диаграмма 7. Сегодня все чаще люди вступают в интимные, сексуальные, романтические отношения вне брака. Как Вы считаете, накладывают или не накладывают отношения вне брака какие-либо обязательства на партнеров?

(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

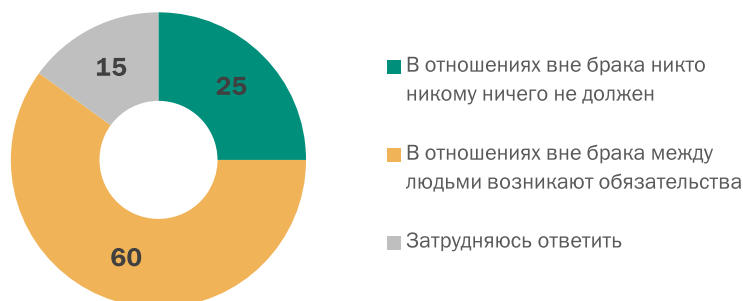

Диаграмма 8. Сегодня все чаще люди вступают в интимные, сексуальные, романтические отношения вне брака. Как Вы считаете, накладывают или не накладывают отношения вне брака какие-либо обязательства на партнеров?

(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

- В отношениях вне брака никто никому ничего не должен
- В отношениях вне брака между людьми возникают обязательства
- Затрудняюсь ответить

Таблица 4. Как Вы думаете, какие именно обязательства возникают между людьми в отношениях вне брака?

(открытый вопрос, до 3-х ответов, %, январь 2022)

	Все опрошенные	Пол		Возраст, лет				
		Муж.	Жен.	18–24	25–34	35–44	45–59	60+
Оказание поддержки, взаимопомощь	19	18	20	26	20	16	20	19
Финансовые	14	11	19	11	7	11	15	20
Родительские обязанности	12	11	14	2	4	10	14	16
Сохранение верности	9	7	11	28	23	9	6	3
Честность, откровенность	7	7	7	15	8	7	7	6
Ответственность	6	5	8	6	9	5	7	4
Уважение	6	5	7	11	8	4	5	6
Внимание, забота, совместное времяпрепровождение	6	4	7	0	3	6	6	6
Доверие, сохранение общих тайн	4	5	3	0	5	4	5	4
Забота о здоровье, гигиена	4	4	3	0	4	5	4	2
Обязанности в быту, ведении хозяйства	3	2	5	2	2	2	4	3
Имущественные обязанности	3	2	3	0	2	4	2	4
Те, о которых договорились с партнером	2	2	2	2	4	3	1	1
Проявление любви, чувств	2	2	1	2	1	2	2	1
Те же, что и в браке	4	3	4	6	3	2	3	6
Никаких обязанностей	5	5	5	2	5	4	4	7
Другое*)	3	3	2	0	1	3	3	3
Затрудняюсь ответить	34	36	31	36	37	38	32	31

*) По 1 % также набрали позиции: «семейные обязанности»; «сексуальные обязанности»; «защита»; «думать о последствиях»; «заклучить брак»; «дружба»; «соблюдение границ, личного пространства».

Теоретико-аналитическая часть.
Понятия долга и обязательств
в интимных отношениях:
в чем их содержание

**ВИНКЕЛЬМАН
АННА МИХАЙЛОВНА**

философ, преподаватель, заместитель
руководителя Школы философии
и культурологии НИУ ВШЭ (Москва)

ГОСПОДИН НИКТО: ВОЗМОЖНО ЛИ, ЧТО В ОТНОШЕНИЯХ НИКТО НИКОМУ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖЕН?

Сегодня мы с ужасом думаем о браке как об исключительно контрактной форме взаимоотношений, хотя совсем недавно никакой общественно неприцаемой альтернативы этой модели в Европе просто не существовало. В конце XVIII века отношения между полами строго регламентировались институтом брака со всеми его формальностями. Звучит это, конечно, для жителя XXI века пугающе, но брак — это не свободное решение любящих сердец, а узаконенное половое общение, которое определяется как «взаимное использование одним человеком половых органов и половой способности другого»¹. Вступая в брак, люди договариваются о том, кто и что кому должен. Все обязательства четко прописаны. Если договор нарушен — санкция. Неверных жен карали страшно; даже вдова могла лишиться вдовьей пенсии, если была замечена в романтическом приключении.

Но как можно свободно желать подписаться на исполнение каких-то обязательств, на регулярное исполнение долга в эпоху, когда по большому счету каждый может — и должен — обеспечить себя всем необходимым сам? Это кажется безумием, даже неуважением.

Для принципа «никто никому ничего не должен» понятие уважения чрезвычайно важное. Мейнстрим четко диктует, что самоуважение и любовь к себе освобождают меня от долга. Главное — договориться о правилах, а если их не получается придумать, то можно обратиться к поп-психологии. Но отношения так не работают. Этому нас учит и жизнь, и философия. Так, Иммануил Кант пишет, что

¹ Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Соч. в 8 томах. Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 304.

«любить ближнего — значит охотно исполнять по отношению к нему всякий долг»². При этом сам долг определяется как «необходимость [совершения] поступка из уважения к закону»³.

О различии между *Schuld* и *Pflicht*

В выражении «никто никому ничего не должен» следует разделять два возможных вида долженствования — долг как *Schuld* (вина и ответственность) и долг как *Pflicht* (моральный долг).

Первый касается социальных, политических и экономических отношений. Если мы говорим о долге в значении *Schuld*, то перемещаемся в измерение реальности кредиток, брачных договоров и взаимных правовых обвинений. Если же мы находимся в области *Pflicht*, то там кредитки уже не работают. Эта область бесконечно далека от мира столов, стульев, транспортного кольца и даже лесных опушек. Именно в этой области, области этического, только и возможна и свобода, человек, а не господин Никто.

Теперь нужно выяснить, откуда это различие происходит и что оно значит, как эти измерения связаны и, конечно, что делать.

Чтобы ответить на эти вопросы, начнем с заключительной части «Критики способности суждения». Этот текст доставил множество страданий как самым первым последователям Канта, так и самым знаменитым авторам XX века (например, Ханне Арендт и Карлу Ясперсу).

Дело в том, что, и так уже предварительно перевернув ход развития науки с ног на голову в своих ранних работах, Кант в заключительной части своей критической трилогии скромно и мимоходом анонсировал порядком затрудняющее нашу повседневную жизнь открытие: природа — не ресурс и не объект, не пассивная материя (хотя это было бы удобно человеку; именно на это уповали ученые, как только стал плавно опускаться занавес средневековья). Природа — живой организм и у него, по всей видимости, есть какая-то своя цель и внутренняя логика развития. Ее мы, скорее всего, никогда не постигнем. Продвигаться человек может только в познании внешних проявлений природы, ведь нужно же ему как-то более или менее успешно в ней существовать.

² Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч. в 8 томах. Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 473.

³ Кант И. Основоположения к метафизике нравственности // Кант И. Соч. в 8 томах. Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 169.

Но что значит «успешно»? Прежде всего, это значит — разумно. Поэтому для начала нужно понять, что такое разумность и чем она отличается от всего остального.

Как природные существа мы подчинены природным закономерностям. Какие-то из этих законов очевидны (то есть их в прямом смысле видно глазами), а какие-то глазами не видно. Вот их-то и нужно разгадать посредством *рассудка* (*Verstand*), особой способности человека оперировать понятиями и формулировать правила. Кроме рассудка, человек имеет от природы потребности. В цивилизованном мире мы, начиная с Канта, иногда осторожно называем их *склонностями*: «Зависимость способности желания от ощущений называется склонность, и склонность, следовательно, всегда указывает на потребность»⁴. Половое влечение, голод, радостные эмоции — все это, если следовать Кантовой логике, находится в области природы и склонности.

Но человек при всей своей природности *разумен*. Именно это в конечном счете и является поводом для всех наших дискуссий, ведь, как справедливо отметил немецкий философ Франц Баадер (1765—1841), человек не может быть равен животному (то есть иметь только склонности). Он — в силу как раз своей разумности — всегда либо выше, либо ниже его⁵.

Разумность нужно бдительно отличать от рассудительности. Рассудительность возвращает нас в область долга как *Schuld* — то есть именно способность к формированию понятий и, впоследствии, выстраивания системы правил из понятий обеспечивает возможность межчеловеческих отношений, основанных на рассудке. Это нам подсказывает и обыденное словоупотребление. Например, рассудительный человек предпочтет не нарушать закон (социальный, уголовный, ПДД и проч.), так как он знает, что если его действие «не впишется в понятие», то ему придется иметь дело с системой правил. При этом его мотивация, скорее всего, еще не *разумна*. По сути дела, быть рассудительным (пользоваться рассудком как способностью) означает лишь то, что мы реагируем на что-то или поступаем определенным образом, пользуясь способностью, которая всего на один шаг превосходит инстинктивную.

Итак, рассудительность — это способность формировать правила, а разумность — способность формировать принципы. Принцип всегда шире правила; в идеале

⁴ Кант И. Основоположения к метафизике нравственности // Кант И. Соч. в 8 томах. Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 186.

⁵ Шеллинг Ф. В. И. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Шеллинг Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. / сост., ред. А. В. Гулыга; прим. М. И. Левиной и А. В. Михайлова. М.: Мысль, 1989. С. 120.

разные правила могут быть подчинены какому-то одному общему принципу. Например, есть правила дорожного движения, правовые системы⁶, они разные и варьируются в разных странах, но все они подчинены принципу движения. Или язык — во всех языках есть грамматические правила, они разные, их можно обсуждать, они могут даже меняться, но вот сам принцип языка — он лежит в основании любого грамматического правила.

Кроме того, в принципе всегда содержится момент целеполагания, мотивации. Сам Кант сказал бы, что у правила «гипотетическая форма» (если так, то сядь), а у принципа — категорическая (вот так!). Например, если нужно сбросить пару килограммов, то можно придерживаться кучи разных правил — выбирай любое. Но есть и принцип, лежащий в основе похудения (потреблять меньше, чем тратишь). В целях похудения я могу выбрать любую диету, любую систему правил. То, почему я выбираю такую, а не другую, — вопрос вкуса. Ну, не люблю я кефир, зато люблю груши. Но если эти правила не подчинены принципу, то успеха можно не ждать. Принцип при этом только один, он и есть — целевая причина, конечная мотивация.

Если дальше в рассуждениях идти некуда — вероятно, мы дошли до высшего принципа. Условно можно сказать, что принцип — это метапозиция и конечная мотивация. Это снова слышится и в языке. Принципиальный человек — тот, у кого невозможно убить мотивацию, не отнять целеполагания, в какой бы системе правил он ни находился бы. Такой человек не нарушит своего запрета на аморальный поступок (например, убийство или насилие) даже в обстоятельствах, где правила изменились или перестроились (как в революционную эпоху).

Получается, что разумность (принципиальность) — это способность занять метапозицию по отношению к правилам. Она же и позволяет человеку подняться над своей перспективой, увидеть себя не как уникальное проявление, а как реализацию человека вообще. Именно на уровне этого осознания и появляется сама возможность формулировать законы вообще и говорить о чувстве долга.

Никто — это вообще кто?

Способность иметь долг есть высшее проявление человечности и разумности. По сути, следовать долгу — значит принять решение так подчинить волю, чтобы

⁶Остроумный Кант говорит, что «можно провести аналогию между правовым отношением человеческих поступков и механическим отношением движущих сил». Цит. по: Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Кант И. Соч. в 8 томах. Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 123.

на нее не воздействовало ничего из природы, никакая склонность. По этой самой причине, в кантовской логике, сохранить верность партнеру из чувства страха или даже любви не есть моральный поступок. Ведь и страх, и половое влечение идут от природы. Моральным в любви является даже не столько конкретный поступок, сколько твердое и непоколебимое удерживание определенной позиции и отношения к другому⁷. Иными словами, правило — это вообще не из области морали, максимум речь может идти о правовых отношениях и договоренностях о понятиях. Моральным может быть только принцип. Например, если вы храните верность партнеру, потому что в отношениях было оговорено такое правило, то никакой этики здесь пока нет. Но если вы храните верность потому, что уважаете другого человека, то есть руководствуетесь принципом, то здесь можно обсуждать этическую сторону отношений.

Получается, что когда в так называемых «никому-ничего-не-должных» отношениях полная свобода, «открытость», «пусть кто делает что хочет и идет куда хочет» продается под видом любви к себе и уважения, на деле происходит ровно обратное. Уважать можно только человека и именно за его разумность, то есть за способность сознательно и целенаправленно покидать пределы природного. Нельзя уважать склонности человека. Максимум, что можно испытывать к склонностям, — симпатию.

Я должен потому что уважаю, а не уважаю потому что должен. Сама идея долга есть нечто потрясающее и захватывающее дух. Поражает и потрясает, что мы можем мыслить целую сферу отношений, целый мир над природой.

В этой связи Кант пишет, что любовь — это не чувство, не эмоция. Любовь «должна мыслиться как максима благоволения (практическая), имеющая своим следствием благодеяние»⁸. То есть отношение любви предполагает, что мы ограничиваем себя признанием того, что другой — человек, что и он может покидать порядок природы, а самое главное — иметь свою систему мотиваций и ценностей.

В практическом отношении это означает способность сделать цель (мотивацию) другого человека своей целью. Только при таком раскладе выполняется вторая редакция категорического императива — никогда не относиться к другому только как к средству, но всегда еще и как к цели. На «языке отношений» это значит, что

⁷ Только здесь важно не путать любовь как отношение и половую любовь (ее Кант скупно описывает пространственным абзацем и утверждает, что она нужна только для продолжения рода).

⁸ Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч. в 8 томах. Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 495.

я готов строить с Другим отношения, учитывая его мотивации, то есть причины и основания его поступков.

Свобода долга

Один из информантов в исследовании Полины Аронсон сформулировал свою позицию по поводу долга в личных отношениях так: «Я считаю, что нет такого понятия, как „долг“. Есть понятие „выбор“. Слово „долг“, оно обременяющее. Это очень тяжелое слово, и чаще всего оно подразумевает нежелание делать то, что ты делаешь»⁹ (Глеб, 24). Что за «выбор» имеет в виду Глеб? Для того чтобы разобраться в этом вопросе, нужно помнить, что мы очень часто путаем мотивации и вкусы. Если два человека любят Тарковского и просекко, из этого следует лишь то, что они симпатизируют склонностям друг друга. О ценностях пока не сказано ничего. Тогда *выбор* чего собственно происходит? Не оказывается ли так, что, выбирая себе партнера на основе вкуса, исключительно по склонности, мы впадаем в иллюзию взаимности?

Отношение любви, таким образом, начинается вовсе не с разговора о взаимной любви к шаурме и Врубелю, а с разговора о человеке и возможности увидеть в нем существо со своим целеполаганием. Опираясь на уже проговоренное разделение между «правилом» и «принципом», можно сказать, что мало разделять правила, надо разделять и принцип. Трудность в том, что принцип нельзя разделять, его никак нельзя сообщить другому, ему нельзя научить. Он вообще не находится в мире столов и стульев, как и понятие долга. Но как тогда возможна взаимность?

В большом и ставшем каноническим тексте Марселя Энаффа «Дар философов» были рассмотрены все существующие на сегодняшний день подходы к тому, как вообще можно мыслить *взаимные* отношения. Методологически Энафф пытается разобраться с этим сюжетом через понятие *дара*¹⁰. Например, он спрашивает, можно ли сказать, что «Взаимность отменила бы дар»¹¹.

Пафос книги примерно такой: с одной стороны, мы мыслим *дар* как чистое и безвозмездное отношение и соединяем его по этой самой причине с любовью.

⁹ Аронсон П. «Никто никому ничего не должен»: как устроена «свободная любовь» в современном мире // InLiberty. 27:44. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iubQoi-g5Fs>.

¹⁰ Энафф М. Дар философов: переосмысление взаимности. М.: Издательство гуманитарной литературы. 2015.

¹¹ Там же. С. 12.

С другой стороны, культура всегда показывает нам, что дар an sich невозможен, так как это сразу погружает нас в практику символического обмена¹².

Энафф пишет, например, что о любви можно говорить как о союзе. При этом, согласно Канту, «союз не есть договор: он даже противостоит ему. Союз есть рискованное решение соединить Я с Другим, собственный привычный мир — с неизвестным миром другого, две инаковости — в неуверенности относительно их будущего»¹³. Но почему так? Ведь «договор» — это тоже понятие, которое буквально трепещет перед натиском природных импульсов. Договор тоже можно заключить добровольно.

Эта путаница возникает как раз с обозначенным в начале разделением на Schuld и Pflicht. За нарушением договора следуют очевидные последствия. А нарушение союза чревато осознанием того, что ты не удержал собственно человеческое, то есть моральный долг. В этом смысле говорят, что свобода — это осознанная необходимость. Я позволю себе поправку в классическую формулу: свобода (в том числе в отношениях) — это непрерывно осознаваемая необходимость.

*«Исполняя долг любви к кому-нибудь, я в то же время обязываю другого; я, таким образом, имею перед ним заслугу. Соблюдением же долга **уважения** (курсив мой. — А. В.) я обязываю исключительно самого себя, — я удерживаю себя в соответствующих рамках, дабы ничего не отнять у другого от того достоинства, которое он как человек вправе сам себе придать»¹⁴.*

Получается, что тема долга неразрывно связана с темой субъектности. Если всерьез говорить о том, что никто никому ничего не должен, то это значит не то, что все свободны, а то, что никого в отношениях просто нет. Человека нет.

Любовь и уважение (долг) неразрывны:

«Когда речь идет о законах долга (а не о законах природы), и именно во внешних взаимоотношениях людей, то мы рассматриваем себя в некоем моральном (умопостигаемом) мире, в котором по аналогии с физическим миром связь разумных существ (на Земле) между собой вызывается притяжением и отталкиванием. Принцип взаимной любви учит постоянно сближаться

¹² Энафф М. Дар философов: переосмысление взаимности. М.: Издательство гуманитарной литературы. 2015. С. 36.

¹³ Там же. С. 41.

¹⁴ Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч. в 8 томах. Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 495.

между собой; принцип уважения, которое они обязаны оказывать друг другу, держаться в отдалении друг от друга, и если бы одна из этих великих нравственных сил ослабла, то <...> (аморальное) ничто с разверстой пастью как каплю воды проглотило бы все царство (моральных) существ»¹⁵.

Соблюдать законы природы несложно хотя бы потому, что варианта их не соблюдать у нас нет. Соблюдать законы свободы — самое трудное, что только выпало на долю человека. Более того, я рискну сказать, что и сама человечность определяется сообразно тому, может ли некто соблюдать закон свободы, то есть долг.

Но всегда ли отношения природы и свободы конфликтны? Всегда ли, как сказал респондент Глеб, слово *долг* — обременяющее? Немецкие философы считали, что мир природы влияет на мир свободы, а мир свободы должен влиять на мир природы. Но воинственное противопоставление здесь возникает только при условии, что мы не допускаем никакой свободы в самой природе. А это может быть и не так. Соединение природы и свободы возможно как минимум в человеке, культуре, искусстве. И в любви.

Любовь и долг (Pflicht) — это не экономические отношения, это этические отношения. Этической сферы здесь требует сама разумность человека. В разумность же человек, по меткому замечанию Канта, попадает не по своей вине. Такова его природа.

Если подумать об этом всерьез, то такая перспектива вовсе не отменяет любви как яркого события, как самого важного переживания, как смыслообразующего сюжета в жизни. А ведь именно этого мы, положив руку на сердце, боимся — нам страшно, что долг отменит любовь как событие. Мы боимся, что любовь станет не интимным событием, а просто эмпирическим фактом, или же без всякого романтического остатка растворится в правовой форме — в браке. Что она не более, чем понятие, чем какой-то природный механизм, которому мы должны просто подчиниться. Словно все так, как описывает С. Жижек в статье о «Философии права» Гегеля: «Хочешь разлюбить — выходи замуж»¹⁶.

Из этого текста вполне можно сделать самые апокалиптические и алармистские выводы. Разврат, распад личности, разложение культуры. И да, и нет. Уверена, что решение самого конфликта между культурой и природой только сегодня приняло такую форму, а не другую. Надеяться на это позволяет сама

¹⁵ Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Соч. в 8 томах. Т. 6. М.: Чоро, 1994. С. 494.

¹⁶ Žižek S. (2012) Hegel on Marriage. URL: <https://www.e-flux.com/journal/34/68365/hegel-on-marriage/>

история культуры и природы. Более того, то, что в отношениях сейчас популярен подход «недолженствования», я бы стремилась рассматривать прежде всего как событие культуры, как симптом, как момент. Для меня здесь нет интриги или загадки, куда более интересно попробовать угадать, какое событие будет следующим — окончательного разрыва или же, наоборот, — любви.

ЮЛИЯ ЛЕРНЕР

антрополог, преподаватель кафедры социологии
и антропологии университета им. Бен-Гуриона

ПСИХОЛОГИЗАЦИЯ РУССКОЙ ЛЮБВИ? РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТЕРАПЕВТИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНОМ СОЦИАЛИЗМЕ

Когда универсалисты и конструктивисты спорят об эмоциях, «русская любовь» часто выступает примером того, как культура и история определяют любовные сценарии¹. «Русская любовь» — даже если это скорее культурный штамп, чем отражение многоплановой реальности русских любовных историй, — показывает один из доминантных сценариев русско-советской эмоциональной жизни. Этот классический любовный сценарий мы находим в одном из главных романов современности о любви, счастье и страдании — «Анне Карениной» Толстого. Здесь любовь — это судьба, моральное свершение, ценность и грех; любви невозможно противиться, она требует жертв и предполагает страдания и боль. Именно такое понимание любви задавали и поддерживали основные институты русской и советской культуры: литература и философия, искусство — а позже и медиа, православная теология и, впоследствии, советские идеологии, как официальная, так и неофициальная.

Что же будет происходить с «русской любовью» в меняющемся эмоциональном климате, когда в постсоветской России распространяется новый стиль приватной жизни? Он складывается за счет того, что в постсоветский контекст импортируются модели частной жизни и отношений, присущие западной позднекапиталистической модели эмоциональной культуры с ее доминирующим «терапевтическим

¹ Lindquist, G. (2007) *Perilous Passions: Romantic Love and Love Magic in Russia*. In: H. Wulff (ed.) *The Emotions: A Cultural Reader*. Oxford and New York: Berg. P. 153–170.

габитусом»². Терапевтический стиль проявляется в способах понимания и говорения об эмоциях и межличностных отношениях, уходящих корнями в понятийный аппарат популяризированной психологии и дискурсивные практики психотерапии. Этот стиль предполагает работу над собой, в ходе которой индивидуум обнаруживает свои подлинные эмоции, исследует их и распознает их значение, а затем учится ими управлять.

Через призму антропологии знания в своей работе я стараюсь проследить за «терапевтическим поворотом» в постсоветской культуре, который, как предлагает думать Франк Фуреди³, происходит тогда, когда все основные сферы частной и публичной жизни начинают подчиняться терапевтической логике. Недавние исследования подтверждают, что в постсоветской популярной культуре распространяются терапевтические интерпретации межличностных отношений и эмоциональной жизни индивидуума⁴. Тут нельзя не задуматься о том, как постсоветская поп-культура имитирует терапевтическую логику и ее эмоциональные модели. Принимает ли Россия этот новый для нее модус терапевтической любви? Можно ли считать, что русская любовь уже полностью психологизировалась?

Терапевтическая любовь и эмоциональный капитализм

Критики терапевтической культуры видят ее истоки в переплетении рационализма Нового времени, капиталистической экономики и психологизированных способов эмоционального самоконтроля⁵. Эмоции стали предметом рационального управления и оказались переведены на язык рыночной экономики, положив начало «эмоциональному капитализму», как его называют критически настроенные исследователи⁶.

²Furedi F. (2004) *Therapy Culture: Cultivating Vulnerability in an Uncertain Age*. London; New York: Routledge; Illouz E. (2008) *Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions and the Culture of Self-Help*. Berkeley: University of California Press.

³Furedi F. (2004) *Therapy Culture: Cultivating Vulnerability in an Uncertain Age*. London; New York: Routledge.

⁴Лернер Ю. Теле-терапия без психологии, или как адаптируют self на постсоветском телеэкране // *Laboratorium*. 2011. № 1. С. 72—95, 73; Matza T. (2009) *Moscow's Echo: Technologies of the Self, Publics, and Politics on the Russian Talk Show*. *Cultural Anthropology*. Vol. 24. No. 3. P. 489—522; Salmenniemi S., Vorona M. (2014) Reading Self-Help Literature in Russia: Governmentality, Psychology and Subjectivity. *The British Journal of Sociology*. Vol. 65. No. 1. P. 43—62.

⁵Cushman Ph. (1995) *Constructing the Self, Constructing America: A Cultural History of Psychotherapy*. Reading, MA: Addison-Wesley Publishing Company; Hochschild A. R. (1983) *The Managed Heart: Commercialization of Human Feelings*. Berkeley: The University of California Press; Illouz E. (2007) *Cold Intimacies: the Making of emotional Capitalism*. Cambridge: Polity Press; Lasch Ch. (1984) *The Minimal Self: Psychic Survival in Troubled Times*. New York: W. W. Norton; Rieff Ph. (1987) *The Triumph of the Therapeutic: Uses of Faith after Freud*, Chicago: University Of Chicago Press; Rose N. (1990) *Governing the Soul: The Shaping of Private Self*. London: Routledge.

⁶Illouz E. (2007) *Cold Intimacies: the Making of emotional Capitalism*. Cambridge: Polity Press; Illouz E. (2008) *Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions and the Culture of Self-Help*. Berkeley: University of California Press.

Ева Иллуз⁷ уделяет особое внимание роли любви в программе эмоционального капитализма. Более того, для нее любовь — это эмоциональный ключ к культурному коду модернизма и способ раскрыть институциональные рамки романтических переживаний⁸. Иллуз утверждает, что понимание любви сегодня в корне отличается от взглядов, принятых в XIX веке, и что фрейдистская культура и психология сыграли в этой трансформации ведущую роль. В новом понимании любовь, особенно несчастливая, является «результатом неправильного или неполного развития психики». Объяснения нужно искать в «психологической истории индивидуума», а эмоции тем самым переходят «в сферу его или ее контроля. <...> Муки любви теперь рассказывают только о Self, о его частной истории и о его способности самого себя формировать»⁹.

В рамках терапевтического нарратива аутентичный, автономный субъект становится ответственным за управление эмоциями. Эмоции, которые всегда коренятся в подсознании, становятся индикаторами внутреннего мира индивидуума. Так, страдание и боль — признаки неудовлетворенного желания, а любовь одновременно и причиняет боль, и играет ключевую роль в субъектности современных мужчин и женщин.

В терапевтическом нарративе успешный благополучный субъект любит «здоровой любовью». Неспособность найти и удержать любовь указывает на патологию; она связана со страхом близости и проистекает из раннего травматического опыта. Но чрезмерная любовь тоже подозрительна: это обсессивное поведение, которое пытается компенсировать недостаток любви в детстве. Правильная же любовь не связана с болью; ранит только нездоровое чувство. Поэтому терапевтическая любовь порождает «практически бесконечный поток толкований, цель которых — и понять, и искоренить порождающие боль причины»¹⁰.

Для Иллуз и других критиков эмоционального капитализма западный терапевтический эмоциональный габитус представляется неотъемлемой частью капитализма и культурной программы модернизма, приветствующей рациональность, индивидуальную автономию и избавление от страданий. Поэтому, с ее точки зрения, эта эмоциональная модель «применима для большинства стран, участвующих в проекте модернизма на основе равенства, контрактуализма, интегра-

⁷ Illouz E. (1997) *Consuming the Romantic Utopia: Love and the Cultural Contradictions of Capitalism*. Berkeley: University of California Press.

⁸ Illouz E. (2012) *Why Love Hurts: A Sociological Explanation*. Cambridge: Polity Press.

⁹ Там же. P. 3—4.

¹⁰ Там же. P. 2.

ции мужчин и женщин, институализации прав человека и центральной роли личности»¹¹. Иными словами, практически неоспоримая повсеместно доминирующая терапевтическая модель индивидуума и его/ее эмоций в границах западного модернизма и в квази-европейских обществах принимается как данность — причем как ее критиками, так и адептами. То же касается распространения глобальной позднекапиталистической эмоциональной культуры и терапевтического восприятия любви как ее части.

Но окажется ли это верным для русской, советской и российской культуры в прошлом и настоящем?

Русская любовь и эмоциональный социализм

В отличие от терапевтической модели любви, любовь в российском социалистическом сценарии — это не «отношения», над которыми можно работать; она и не может быть здоровой и гармоничной. Любовь — не проект, а состояние.

И русская литературная традиция, и русская философская мысль XVIII и XIX веков занимались идеей любви как чувства и нравственного опыта, проводя различия между истинной любовью и разрушительной страстью¹². В каноническом сценарии поэтической (литературной) любви она всегда предстает воплощением судьбы; ее сопровождают лишения и страдания, самоотверженность и самопожертвование. Более того, в этой традиции еще не завершилась секуляризация божественной любви, и парадоксальным образом любовь предстает одновременно как священное и профанное переживание. Отношение к любви и как к роковой страсти и болезни, и как к нравственной ценности, безусловно, не уникально для России, оно многократно высказывалось европейскими мыслителями и литераторами эпохи раннего, допсихоаналитического модернизма¹³. Однако в России идея любви как нравственного и метафизического опыта и ценности была тесно связана с православным богословием и риторикой¹⁴, и эта связь существует

¹¹ Illouz E. (2012) *Why Love Hurts: A Sociological Explanation*. Cambridge: Polity Press. P. 12.

¹² Crone A. L. (2010) *Eros and Creativity in Russian Religious Renewal*. Brill: Leiden; Sobol V. (2009) *Febris Erotica: Love Sickness in the Russian Literary Imagination*. Washington: University of Washington Press.

¹³ Altbauer-Rudnik M. (2006) *Love, Madness and Social Order: Love Melancholy in France and England in the Late Sixteenth and Early Seventeenth Centuries*. *Gesnerus*. Vol. 63. P. 33–45; Sobol V. (2009) *Febris Erotica: Love Sickness in the Russian Literary Imagination*. Washington: University of Washington Press.

¹⁴ Crone A. L. (2010) *Eros and Creativity in Russian Religious Renewal*. Brill: Leiden; Lindquist G. (2007) *Perilous Passions: Romantic Love and Love Magic in Russia*. In: H. Wulff (ed.) *The Emotions: A Cultural Reader*. Oxford; New York: Berg. P. 153–170; Matich O. (1994) *The Symbolist Meaning of Love: Theory and Practice*. In: I. Paperno, J. Grossman (eds.) *Creating Life. The Aesthetic Utopia of Russian Modernism*. Stanford: Stanford University Press.

и сейчас, по восстановлении религиозных институтов¹⁵. Антропологический лингвистический анализ Анны Вежбицкой рассматривает идейно-семантические поля эмоций «счастье», «любовь», «судьба» и «радость» в русском языке в сопоставлении с другими и отмечает как иррациональность и неуправляемость, так и нравственную природу этих чувств в русском языке¹⁶.

Любовь как индивидуальная и коллективная эмоция была одной из ключевых категорий словаря еще одного исторически сложившегося нормативного культурного стиля размышления и говорения об индивидууме, его или ее внутреннем мире и эмоциональной жизни. Этот стиль я предлагаю называть «эмоциональным социализмом». Как и эмоциональный капитализм, эмоциональный социализм является продуктом взаимодействия социальных институтов и переплетения больших культурных нарративов. Эмоциональный капитализм строится на принципах самой капиталистической структуры и усиливается чертами американской культуры. Точно так же при формировании социалистического эмоционального стиля был важен экономический режим, а также такие определяющие дискурс институты, как русская литературная традиция, православная вера и, впоследствии, советская идеология. Все они формулировали смыслы и сценарии любви как часть коллективной и индивидуальной эмоциональной культуры.

Идеал советской цивилизации призывал к созданию нового социального опыта и обязывал советского человека и думать, и чувствовать по-другому¹⁷. Советский человек не только знал что-то, что находилось за пределами понимания человека буржуазного общества, но и отличался от него эмоционально. Эмоциональная культура постепенно формировалась на всех стадиях советской истории, и ее характеризовали разнообразные, часто противоречивые интерпретации любви. В некоторые периоды любовь рассматривали как освобождающую эмоцию, а в другие, наоборот, любовь представлялась буржуазной иллюзией; она эротизировалась — а затем деэротизировалась и, наконец, полностью лишалась сексуального и телесного измерения¹⁸. Параллельно этим процессам понятие любви, абстрактно возвышенное, стало идентифицироваться с общим стрем-

¹⁵ Zigon J. (2013). On Love: Remaking Moral Subjectivity in Postrehabilitation Russia. *American Ethnologist*. Vol. 40. No. 1. P. 201–215.

¹⁶ Wierzbicka A. (1997) Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. Oxford: Oxford University Press; Wierzbicka A. (1998) Russian Emotional Expression. *Ethos*. Vol. 26. No. 4. P. 456–483; Wierzbicka A. (1999) Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals. Cambridge: Cambridge University Press; Wierzbicka A. (2003) Russian Cultural Scripts: The Theory of Cultural Scripts and Its Applications. *Ethos*. Vol. 30. No. 4. P. 401–432.

¹⁷ Steinberg M. D., Sobol V. (2011) Interpreting Emotions in Russia and Eastern Europe. DeKalb: Northern Illinois University Press.

¹⁸ Борисова Н., Богданов К., Мурашов Ю. СССР: территория любви. М.: Новое издательство, 2008; Steinberg M. D., Sobol V. (2011) Interpreting Emotions in Russia and Eastern Europe. DeKalb: Northern Illinois University Press.

лением к коммунизму как идее и образу, вплоть до обожания вождей, которое обозначалось как любовь — так же, как и чувства вождей к народу¹⁹.

Понимание любви, типичное для эмоционального социализма, выражено в специфически советских сценариях любви и брака, дружбы и семейных отношений. Эти сценарии воспроизводились в литературе и кинематографе, они же отражены в позднесоветских и постсоветских личных нарративах и биографиях²⁰. В позднесоветский период дискурс романтической любви лежал в основе повседневных, расхожих интерпретаций житейских событий и личных отношений. Автобиографические нарративы советских мужчин и женщин изобилуют рассказами о роковых неуправляемых страстях²¹.

Однако эмоциональный стиль социализма переживает в последние 30 лет свою собственную перестройку — в чем-то он был отвергнут, в чем-то переосмыслен и обогащен новыми эмоциональными категориями, моделями чувств и их словесного или иного символического интерактивного выражения. Этот сдвиг затрагивает освоение и перевод дискурсивных форм терапевтической культуры: ее сценарии эмоционального благополучия, ее рецепты счастья и любви. Поэтому вопрос о том, как местная культура усваивает новый для нее эмоциональный репертуар позднего капитализма, получает особую остроту.

Постсоветские альтернативы терапевтическому стилю

Еще недавно в российском языке чувств не было основных элементов эмоционального капитализма и терапевтического габитуса, а были альтернативные русско-советские модусы субъектности и эмоций. В течение первых двух десятилетий XXI века исследователи российской семьи и брака, сексуальности, родительства и просто «личной жизни» описывают появление и развитие нового языка описания

¹⁹ Plamper J. (2012) *The Stalin Cult: A Study in the Alchemy of Power*. New Haven: Yale University Press; Sosnina O. (2004) *The Faculty of Useless Things: Gifts to Soviet Leaders*. In: K. Heller, J. Plamper (eds.) *Personality Cults in Stalinism*. Gottingen: V&R unipress Gmb H. P. 277—300.

²⁰ Бороздина Е. Грамматика любви: описание чувств в сексуальных биографиях // *Здоровье и интимная жизнь: социологические подходы*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 241—259; Field D. A. (2007) *Private Life and Communist Morality in Khrushchec's Russia*. New York: Peter Lang; Lindquist, G. (2007) *Perilous Passions: Romantic Love and Love Magic in Russia*. In: H. Wulff (ed.) *The Emotions: A Cultural Reader*. Oxford; New York: Berg. P. 153—170; Shlapentokh V. (1984) *Love, Marriage and Friendship in the Soviet Union: Ideals and Practices*. New York: Praeger; Zigon J. (2013) *On Love: Remaking Moral Subjectivity In Postrehabilitation Russia*. *American Ethnologist*. Vol. 40. No. 1. P. 201—215; Тёмкина А. *Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.

²¹ Здравомыслова Е., Роткирх А., Тёмкина А. *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности*. СПб.: ЕУ СПб, 2009. С. 221; Роткирх А. *Мужской вопрос: любовь и секс в автобиографиях трех поколений петербуржцев*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

и объяснения себя и межличностных отношений как в повседневности, так и в новых медиапространствах²². Этот язык завязан, с одной стороны, на эмоциональных понятиях психологического знания, с другой стороны — на экономической рыночной логике. В рамках этого языка переосмыляется и понятие, и состояние любви как ключевого сценария эмоциональной культуры. На экране появляются как современные прочтения оригинального сюжета «Анны Карениной», так и просто новые киноверсии историй недозволенных любовных отношений, измены. Эта тема во многом начинает определять сюжеты телешоу и сериалов, блогов и форумов поп-психологического толка. В каких-то версиях любовь понимается как «роковая страсть», в иных она уже становится «отношениями», «связью» или даже токсической зависимостью, а где-то понимается как иллюзия и ложный «эротический перенос»²³. Действительно, некоторые постсоветские версии любви уже психологизируют ее в понятиях отношений, рационализированной работы над ними как ресурса саморазвития. Однако анализ современных нарративов любви показывает, как новый язык остается продуктом двойного перевода — как кросс-культурного, так и исторического, во времени. Логика эмоционального социализма и российско-советское понимание любви выступают в этих версиях точкой отсчета, или значимого отрицания, иногда артикулированно, а иногда по умолчанию. Таким образом, современный анализ разных версий классического любовного сценария на российском экране, в соцсетях и интервью обнаруживает, что в постсоветской культуре по-разному подходят к любви как концепции, практике и чувству. Это разнообразие помогает размышлять над вопросом, как психологизируется постсоветская любовь, но не дает простого ответа.

Многообразие постсоветских любовных модусов требует обсуждения результатов одновременного сосуществования конкурирующих моделей любви. Параллельное присутствие разных эмоциональных моделей присуще большинству культурных состояний, но каждое из них организует эту множественность иначе. В России раннего постсоветского периода переплетение различных дискурсов и их авторитетных позиций отвечает культурному состоянию дискурсивного сдвига. Эклектичность характерна для постсоветского общественного и академического дискурса, а также дискурса популярной культуры, который иногда

²² Аронсон П. Любовь сделай сам. М.: Индивидуум, 2020; Бороздина Е. Грамматика любви: описание чувств в сексуальных биографиях // Здоровье и интимная жизнь: социологические подходы. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 241—259; Чернова Ж., Шпаковская Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // *Laboratorium*. 2010. № 3. С. 19—43.

²³ Аронсон П. «Отношения», «Созависимость». Сложные Чувства: разговорник новой реальности. М.: Индивидуум, 2022; Аронсон П., Лернер Ю. Психолог на экране: разговор по душам? // Сеанс. 2019. № 73; Lerner J. (2015) *The Changing Meanings of Russian Love: Emotional Socialism and Therapeutic Culture on the Post-Soviet Screen. Sexuality and Culture*. Vol. 19. No. 2. P. 349—368.

понимается как всеядный или хаотичный²⁴. Такое состояние — результат важного сдвига в производстве авторитетного социального знания институтами, считавшимися ответственными за производство нормативных идей и моделей, и обрыва дискурса, который Сергей Ушакин обозначил как «постсоветская афазия»²⁵. В раннем постсоветском дискурсе советская идеология и научный коммунизм как авторитеты были по большей части аннулированы, и сильные позиции русского литературного дискурса были утрачены.

По-видимому, в условиях этого дискурсивного сдвига одним из сильнейших кандидатов на роль авторитетного дискурса выступает глобализованная западная позднекапиталистическая культура популярных медиа. Дискурсы популярной психологии и нью-эйдж внедрены в форматы и жанры глобального телевидения. Первичная адаптация дискурсивных форм терапевтической культуры, ее сценарии эмоционального благополучия и диагностики здоровой любви фактически разворачиваются в рамках медийных технологий и жанров.

Однако в ходе своей имитации жанр склонен выпячивать свои глобально узнаваемые элементы, и исследователи попадают в ловушку: не замечают разрывов и нарушений, не видят альтернатив и конкурентов, сопротивляющихся доминированию импортированного жанра. Реальная культурная работа существующих одновременно моделей и стилей нуждается в пристальном анализе, здесь недостаточно идентификации сильных моделей-гегемонов, видимых всем. Мы должны осознавать мощное влияние существующих, привычных форм на процессы понимания и принятия новых идей²⁶. Иными словами, важно следить за поведением старых моделей в процессе адаптации новых, стремиться к лучшему раскрытию теоретического потенциала параллельного существования конкурирующих эмоциональных моделей в постсоветской России.

Во-первых, в русско-советском контексте не так уж очевидны присутствие и преобладание терапевтического нарратива и его модели субъективности. Из-за отсутствия институтов капитализма и массовой практики постфрейдистской

²⁴ Oushakine S. (2000) In a State of Post-Soviet Aphasia: Symbolic Development in Contemporary Russia, *Europe-Asia Studies*. Vol. 52. No. 6. P. 991—1016; Дубин Б. Интеллектуальные группы и символические формы. М.: Новое издательство, 2004; Etkind A. (2009) Stories of the Undead in the Land of the Unburied: Magical Historicism in Contemporary Russian Fiction. *Slavic Review*. Vol. 68. No. 3. P. 631—658; Липовецкий М., Эткинд А. Возвращение Тритона: советская катастрофа и постсоветский роман // НЛО 2008. № 94. С. 194—202.

²⁵ Oushakine S. (2000) In a State of Post-Soviet Aphasia: Symbolic Development in Contemporary Russia, *Europe-Asia Studies*. Vol. 52. No. 6. P. 991—1016.

²⁶ Лернер Ю. Телетерапия без психологии, или Как адаптируют Self на постсоветском телеэкране // *Laboratorium*. 2011. № 3. С. 116—137; Lerner J., Zbenovich C. (2013) Adapting the Therapeutic Discourse to Post-Soviet Media-Culture: The Case of «Modniy Prigovor». *Slavic Review*. Vol. 72, No. 4. P. 828—849.

терапии новый постсоветский эмоциональный стиль лишен терапевтического понимания субъекта, эмоций и отношений. Имитационные формы популярно-психологического дискурса массовой культуры здесь адаптируются на фоне отсутствия повсеместного психологического знания и неимения общепринятой психологической практики. Повторяя за Светланой Бойм, что «русская душа — это Психея без психологии»²⁷, я хотела бы предположить, что терапевтическая эмоциональная культура развивается в сегодняшней постсоветской России до психологии и, самое главное, не является производной непосредственно профессионального психологического знания. То есть формы терапевтической культуры стали привычными в России без поддержки профессионального психологического дискурса и практик. Или, говоря проще, здесь существует терапевтическая культура без психологии, и этот разрыв повышает степень свободы в переосмыслении импортированного популярно-психологического репертуара.

Во-вторых, в России популярный терапевтический дискурс конкурирует с местными альтернативами и культурными категориями «эмоционального социализма». Интерпретации русской любви, укорененные в культуре, религии и идеологии, вряд ли исчезнут. Наоборот, они продолжают активно соревноваться с новым культурным репертуаром. Более того, вакуум, создавшийся отторжением или утратой русско-советских моделей, временами может быть более ощутимым и влиятельным, чем импортированный терапевтический контент.

Таким образом, постсоветская версия терапевтической культуры как бы «смешивает карты» почти полностью сложившегося проекта интеллектуальной критики доминирования западной психологии. Она подрывает концепцию терапевтической культуры как необходимого продукта взаимодействия модернизма, психологии и капитализма. Когда Ева Иллуз критикует гегемонию терапевтической, здоровой безболезненной жизни и любви в западной культуре, она приводит в пример любовный нарратив литературного дискурса XIX века как раннюю альтернативу или даже возможную меру интеллектуальной профилактики²⁸. В случае с русской постсоветской культурой мы видим вполне современный любовный дискурс, который проходит путь от доминирования литературных любовных сценариев к доминированию терапевтической модели говорения, думания и чувствования в популярной медиакulturе. На примере русской популярной культуры можно четко проследить переход от любви к благополучию, от литературы к психологии, от чувств к эмоциям, от идеи судьбы к подлежащим исправлению

²⁷ Бойм С. Общие места: Мифология повседневной жизни. М.: НЛО, 2002.

²⁸ Illouz E. (2012) *Why Love Hurts: A Sociological Explanation*. Cambridge: Polity Press. P. 18—58, 238.

ошибкам и сбоям. Этот переход может быть описан, если проследить интерпретации семейных отношений, брака и супружеской неверности.

Однако русская терапевтическая культура, по-видимому, отклонилась от оригинала. Постсоветские версии «Анны Карениной» показывают нелинейность и недихотомичность постсоветского эмоционального стиля. Существующие в нем модели открывают двери терапевтическому стилю, но могут и встать на его пути. Соответственно, есть вероятность, что русский национальный идеологический проект мобилизует терапевтическую любовь для работы по нормативной реконструкции семьи и индивидуальной морали, которые воспринимаются как поврежденные советской властью. Возможно также, что в медиа, куда транслируется терапевтическая культура, мы увидим, как новые формы заполняются старыми смыслами и существующими нарративами эмоционального социализма, и что в конечном счете постсоветская терапевтическая любовь сохранит свой русский характер.

**МИХАЙЛОВА
ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА**

кандидат социологических наук,
советник генерального директора ВЦИОМ

ЛЮБОВЬ НЕ ПО ПРАВИЛАМ

*Твоя роза так дорога тебе,
Потому что ты отдавал ей всю душу.
Антуан де Сент-Экзюпери*

Любовные отношения в современном «текуче»-рациональном мире с постоянной сменой статусов в разных сферах постоянно подвергаются стресс-тестированию на устойчивость, рискам перейти в категорию динамичных. Однако «любовь до гроба» все еще остается мечтой и пожилых и молодежи. «Невозможность достичь ее делает ее еще более вожаделенной», — утверждает Зигмунт Бауман, ссылаясь на теорию бельгийского светила психологии Пауля Верхаге¹. Однако существенно изменились стратегии достижения заветной цели, они стали более вариативны и во многом коррелируют с принятием человеком на себя ответственности в отношениях.

Ответственность выбора: в поисках идеала

Сегодня выбор партнера часто лежит в плоскости практик, ранее относившихся к девиантным. *Гостинг* (ghosting) — тренд, набирающий обороты и перешедший из плоскости виртуальных коммуникаций в сферу реальных. Но если внезапное исчезновение «виртуального друга» было не столь заметно, то аналогичный сценарий в «реале» ведет к куда более серьезной эмоциональной и сенсорной депривации партнеров. *Мостинг* (mosting) — обещания светлого будущего в браке с десятком ребятишек, внезапно завершающиеся полным «игнором», — явление, с которым сталкивались и до эпохи интернета. Сегодня для него созданы почти идеальные условия: контент в социальных сетях можно удалить, скрыть, скор-

¹ Бауман З. Ретротопия. М.: ВЦИОМ, 2019. С. 135.

ректировать, а статус «абонент недоступен» продублировать в реальной жизни. Ответственность за обещания нивелируется, сами отношения воспринимаются как «воспроизводимые», стоит лишь обновить свой статус. Стратегия «временной парковки» (lay-bay) стала распространенной, привычной даже для пар, длительное время проживающих совместно. Ежедневные сторис в Instagram в эротичном белье, активный флирт с новыми знакомыми, регистрация на сайтах знакомств и т. п. пользователей со статусом «в отношениях», но все еще сомневающих и питающих надежды на обретение некой идеальной «вечной любви», — становятся массовыми и нейтрально воспринимаемыми практиками.

Как ни парадоксально, подобные модели поведения становятся нормативными и могут свидетельствовать не только о стремлении людей уйти от ответственности, но, напротив, об усилении индивидуальной ответственности человека за принимаемые ими решения. Еще полтора века назад груз ответственности за выбор ложился на окружение, договорный характер браков нередко выступал оправданием неудачно складывающихся отношений. Четыре-пять десятилетий назад настойчивые напоминания окружения о необходимости «создать, наконец, ячейку общества» подвигали человека соответствовать этим ожиданиям и социальной норме. Сегодня же синглизм, стигматизация одиноких людей стремительно уходит в прошлое, человек свободен и одновременно ответственен за собственный выбор — создавать семью или жить соло. Общество дистанцируется от вмешательства в сферу интимных отношений — решения о возрасте вступления в сексуальные отношения или заключения брака, критерии выбора партнера и т. п. становятся зоной индивидуальной ответственности. Однако долгожданное невмешательство общества в личное пространство человека не только дает ему свободу, но и дезориентирует, усиливает желание «подстраховаться». Превращения партнеров в «призраки» или поддержание отношений «про запас», хоть и являются травмирующими, но могут рассматриваться как попытки избежать ошибок в проектировании своего будущего, как повышение индивидуальной ответственности за принимаемые решения — по крайней мере, за себя любимого.

Сегодня поиск «единственного» происходит в условиях быстро меняющихся и развивающихся форматов коммуникаций. В геометрической прогрессии увеличивается многовариативность выбора партнера за счет новых технологических решений — социальных сетей, специализированных платформ и сервисов и т. п. Никогда раньше человек не мог одновременно поддерживать активные контакты с таким количеством потенциальных партнеров без видимого и осознаваемого риска разоблачения (хотя каждый второй автор эротических фото и/или видео сохраняет их на устройствах или в облачных хранилищах, а 42 % из них не забо-

тятся о защите этого контента даже паролем)². Казалось бы, выбирай — не хочу. Однако появление широкого спектра новых технологичных помощников (пришедших на смену упраздненным институциональным практикам выбора партнеров) не ведет напрямую к заветной цели найти любовь. Несмотря на усилия разработчиков по созданию новых приложений, только 12 % россиян верят в то, что знакомства в сети могут привести к серьезным отношениям на всю жизнь, и за последнее десятилетие восприятие потенциала интернет-знакомств практически не изменилось³. Большинство же считают, что настоящую любовь лучше искать в кругу общих друзей (48 %), на работе или учебе (30 %). Примерно каждый пятый россиянин имеет опыт личных знакомств в интернете⁴, однако только 5 % познакомилась со второй половинкой в интернете, большинство же — как раз в кругу знакомых или на работе. Иными словами, в обретении «любви до гроба» по-прежнему «рулит реал», хотя именно его возможности в эпоху виртуализации, усиленной пандемическими ограничениями личных контактов, драматически сокращаются.

Семья «в контексте»

Важнейшие трансформации претерпевает характер отношений между партнерами, ведущими семейную жизнь / имеющими постоянные отношения. Сегодня как никогда актуальна драматургическая теория Ирвинга Гофмана, помогающая взглянуть на семью и отношения в ней через призму контекста, в котором эта семья существует.

Одна из важнейших тенденций в отношениях между партнерами — переплетение сценариев семейных и деловых отношений, наложение друг на друга ролевых масок, соответствующих установкам и поведению человека в семье и в деловой среде. Пандемия усугубила ситуацию, вживив «чип» профессиональных коммуникаций в домашние практики: в семейные отношения приходят подходы к постановке и достижению целей, заимствованные из деловых отношений. Так, многочисленные тренинги личностного роста, нацеленные на решение вопросов в сфере деловых коммуникаций, ретранслируют свой эффект дальше, дотягиваясь до семьи. Неслучайно семейные психологи отмечают рост количества обращений, связанных с газлайтингом (gaslighting), когда один партнер заставляет другого

² Проект «Мы СЧИТАЕМ». «Демография и секс: что думают 18+» // Михайлов и партнеры. URL: <https://m-p-a.ru/proekt-%C2%ABmyi-schitaem%C2%BB.-%C2%ABdemografiya-i-seks-cto-dumayut-18%C2%BB.html>.

³ Как россияне строят крепкие отношения // ВЦИОМ. 14.02.2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10160>.

⁴ Любовь нечаянно нагрянет? // ВЦИОМ. 30.08.2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9278>.

сомневаться в собственной адекватности, подавляет волю, демонстрируя определенные знания и навыки подобной модели поведения.

Внешняя среда сегодня практически сняла с себя контроль за внутрисемейными процессами — никто не осуждает пары, в которых жена давно забыла рецепт масленичных блинов, а муж в кресле-качалке вяжет уютные новогодние носки. Однако внутрисемейные трансформации (как любая кардинальная перестройка социальных систем и процессов) сопровождаются системными перекосами. Например, в представлениях россиян типовая современная семья наделяется такими характеристиками как совместное выполнение хозяйственных обязанностей (так считают 71 %), равное участие в воспитании детей (82 %), но при этом 59 % убеждены, что финансовое обеспечение семьи должно быть обязанностью мужчины⁵. На фоне декларируемых стремлений к равноправному партнерству в действительности мы наблюдаем смену модели «нетрадиционной эксплуататорской семьи» советского периода «женским реваншем».

Хотя отсутствие детей сегодня не осуждается столь явно, как раньше, и напоминания, что «часики тикают», вышли за рамки этических норм, тем не менее наличие детей остается важным атрибутом счастливой семьи. Несмотря на тренд чайлд-фри, 86 % россиян разделяют точку зрения, что семьи должны иметь детей⁶. Этот факт, особенно в условиях массового использования контрацептивных средств и отсутствия четко выраженной позиции государства по отношению к абортам, можно расценивать как показатель высокой ответственности супругов за принимаемые решения.

Роспуск организации

Согласно данным Европейского социального исследования 2018 г.,⁷ Россия наравне с Эстонией и Великобританией возглавляла антирейтинг по доле граждан, имеющих опыт развода: об этом заявили 23 % в каждой из стран. Безусловно, для каждой из стран в основе этих значений лежат свои причины, однако для россиян данный показатель однозначно является следствием постперестроечной аномии, реакции на резкое снятие запретов и ограничений. Тяготевающая к энтропии закрытая система внезапно получила выход, воздушный шарик любви стреми-

⁵ Лидерство: гендерные стереотипы отстают // ВЦИОМ. 26.11.2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10026>.

⁶ Семья и дети: установки и реалии // ВЦИОМ. 02.12.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-deti-ustanovki-i-realii>.

⁷ Европейское социальное исследование в России. URL: <http://www.ess-ru.ru/index.php?id=330>.

тельно стал метаться, выпуская мощный поток социальных норм. Сегодня отношение в обществе к разводам более взвешенное. Доля сторонников сохранения брака любой ценой постепенно снижается, хотя и незначительно (с 13 % до 9 % за период с 1990 г.). В то же время более устойчивой стала позиция, что целесообразность расторжения брака зависит от конкретных обстоятельств — такой точки зрения придерживается более половины (56 %) россиян⁸.

Период, когда на чаши весов ложится будущее семьи с учетом актуальных сложных обстоятельств (не важно, по чьей вине возникших), становится стресс-тестом на уровень ответственности — за тех, с кем многие годы связывали общие цели, планы, мечты. Предметом споров и одной из наиболее проблемных зон при расставании является принятие решения о том, с кем будут проживать дети. С позиции теоретиков неопрецидизма материнская любовь по своей природе является безусловной, а отцовская — «заслуженной», основанной на соответствии ожиданиям. Однако современные социальные практики, активное включение мужчин в воспитательный процесс с первых дней жизни ребенка (и даже до его появления на свет) заставляют задуматься об актуальности таких выводов. Тренд на ответственное отцовство набирает обороты, кардинально меняя отношение мужчин к детям.

Ситуации наказания «бывшего» запретом на общение с ребенком свидетельствуют о незавершенности развода, неудачности выхода из отношений. Важность общения детей с биологическим отцом признают 82 % россиян⁹, и только 7 % считают, что его участие в жизни бывшей семьи должно ограничиваться исключительно выплатой алиментов.

Рассуждая о том, с кем должны оставаться дети после развода (с отцом или матерью), все чаще обращается внимание на необходимость учета индивидуальных ситуаций, личностных характеристик конкретных людей. Если в 2007 году 38 % россиян считали, что матери воспитывают детей лучше отцов, то сегодня такую точку зрения разделяют лишь 22 %. При этом с 43 % до 58 % увеличилась доля тех, кто считает важным при принятии решения ориентироваться не на гендерные характеристики партнеров, а оценивать всю совокупность факторов, потенциально способных влиять на будущее детей¹⁰.

⁸ От брака до развода: 1990—2021 // ВЦИОМ. 11.08.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ot-braka-do-razvoda-1990-2021>.

⁹ Отцы нашего времени // ВЦИОМ. 19.06.2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10333>.

¹⁰ От брака до развода: 1990—2021 // ВЦИОМ. 11.08.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ot-braka-do-razvoda-1990-2021>.

Под вуалью будущего

Стремительно вырвавшись из бронированного бункера норм, традиций и запретов, любовь промчалась под руку с сомнительной подругой «свободой» — и вновь захотела домашнего уюта. Но новый хрустальный дом хрупок и уязвим, в нем постоянно живут «чужие» (в виде виртуальных профилей, совещаний в Teams, обучающих манипуляциям бодрых коучей, секс-инструкторов и других забавных субъектов). В бункере было все понятно и просто, в нем любовь направлялась и контролировалась. Хрустальный мир открывает бесконечные горизонты многовариантных сценариев, однако ответственность за выбор тысячекратно возрастает. В условиях хрупкости ошибки становятся гораздо более опасны для любви — ни многочисленная родня со строгими нравами, ни председатель парткома уже не смогут залатать появившуюся трещину.

«Все мы должны принять участие в „планировании и построении“ культуры диалога, способной исцелить раны нашего мультикультурного, мультиполярного и мультikonфликтного мира»¹¹, — это не только и не столько о диалоге культур и геополитических процессах, но и о том, что происходит в «микрогосударствах», мирах, создаваемых партнерами.

Работодатели бьют тревогу, обращая внимание на дефицит коммуникативных навыков у современных выпускников. Но если отсутствие таких компетенций можно компенсировать, выполняя индивидуальные задачи под руководством наставника, то в паре это вряд ли получится. Пока неуверенность, стеснительность, непонимание, как действовать, прячется за ширму фаббинга (когда мобильный телефон становится «спасительной палочкой» в коммуникациях, за которую хватаются при любой неопределенности), а от решения возникающих проблем партнеры стремительно убегают в виртуальные миры, любовь будет находиться в зоне высокого риска. Ответственность за любовь «часто понимается как налагаемая обязанность, как нечто, навязанное извне. Но ответственность в ее истинном смысле — это совершенно добровольное действие; это мой ответ на выраженные или невыраженные потребности другого человеческого существа. Быть „ответственным“ значит быть способным и готовым „отвечать“»¹², — сигнализировал Эрик Фромм в прошлом веке. Однако с тех пор любовь вышла из-под контроля и пристальной заботы многочисленных нянек, а количество вызовов возросло.

¹¹ Бауман З. Ретротопия. М.: ВЦИОМ, 2019. С. 155.

¹² Фромм Э. Искусство любить. АСТ, 2021.

Заглядывая в будущее, следует обозначить: «вечная любовь» продолжит существовать, но она как никогда ранее будет зависеть от индивидуальной ответственности за принимаемые решения. И будет высшей наградой для тех, чья стратегия успеха связана не столько с бегом по головам конкурентов, но с серьезной внутренней работой, позволяющей защитить хрупкий дар любви.

КРИСТЕН ГОДСИ

этнограф, профессор славистики
(Russian and East European Studies)
Пенсильванского университета

Перевод Анны Шур

ИНВЕСТИРОВАТЬ В ОТНОШЕНИЯ¹

В электричке² по дороге в Филадельфию я часто подслушиваю разговоры. Особенно хорошо слышно пассажиров помоложе, вопящих в свои смартфоны. Меня неизменно поражает, с какой легкостью представители поколений Y и Z делятся самыми интимными подробностями своей личной жизни с десятками сограждан в общественном транспорте. И очень часто в этих подслушанных рассказах об отношениях мелькают слова «вклад» и «инвестиция». «Поверить не могу, что я так вкладывалась в эту дружбу!», «Похоже, мои инвестиции в эти отношения ничего не принесли», «Чтобы это сработало, надо вкладывать больше времени и внимания».

То, как мы сегодня говорим по-английски про отношения, во многом определяется имеющимися в языке товарно-денежными метафорами для любых эмоциональных связей. Мы «тратим время», а не «проводим» его вместе с кем-то, а когда отношения заканчиваются, мы снова оказываемся «на рынке», чтобы найти новые. Но сама идея отношений как инвестиции, как вклада, предполагает, что мы считаем их способом получить некие блага, и неважно, как именно мы эти блага определяем. Американский журнал *Psychology Today* открыто признает монетизацию наших привязанностей — статья 2018 года так и называется: «Как инвестиции в отношения приносят финансовую выгоду»³. В докладе британского Фонда психического здоровья под названием «Отношения в XXI веке: забытая основа здоровья и благополучия»⁴ также говорится о «вложениях»:

¹ Текст был впервые опубликован в составе сборника «Сложные чувства. Разговорник новой реальности: от абьюза до токсичности» под ред. Полины Аронсон (М.: Индивидуум, 2021). Публикуется с разрешения издательства.

² Речь идет об электричке SEPTA, которая курсирует между Филадельфией и окрестностями. (Примеч. пер.)

³ Miller D. (2018) The Financial Benefit of Investing in Relationships. *Psychology Today*. URL: <https://www.psychologytoday.com/us/blog/the-human-side-finance/201805/the-financial-benefit-investing-in-relationships>.

⁴ Relationships in the 21st Century: The Forgotten Foundation of Mental Health and Wellbeing. URL: <https://www.mentalhealth.org.uk/publications/relationships-21st-century-forgotten-foundation-mental-health-and-wellbeing>.

«И общество в целом, и отдельные его члены должны как можно скорее начать вкладываться в выстраивание и поддержание здоровых отношений и в устранение препятствий, которые этому мешают».

В американской поп-культуре язык «инвестиций» глубоко проник в дискуссии о том, какие отношения можно считать здоровыми, а какие — нет. Например, в статье 2019 года с популярного сайта *Oprah Daily*⁵ сообщается, что если партнер «ни о чем вас не предупреждает заранее и не замечает, что у вас тоже много дел, значит, он недостаточно эмоционально вкладывается [в эти отношения]». Женский журнал *Bustle* публикует статьи вроде «11 признаков того, что вы вкладываете в отношения больше, чем ваш партнер»⁶, то же можно встретить и на сайте *Bonobology*: «Что если ваш вклад в отношения больше, чем у партнера?»⁷. Во всех описанных случаях инвестиции партнеров рассматривают под лупой — в равной ли степени они вкладываются, одинаково ли расходуют свои эмоциональные ресурсы? Все оказывается взвешенным и подсчитанным, этот язык распространился и на ток-шоу, и на таблоиды, и на весь интернет.

Почему мы используем финансовую лексику для описания ценности дружбы и любви? Что это говорит о том, как мы определяем ценность самых важных вещей в жизни? Согласно Оксфордскому словарю английского языка, слово «инвестировать» означает «Вкладывать деньги в имущество, чтобы получить выгоду», и впервые это слово появилось в языке еще в 1696 году. В 1804 году возникло новое значение: «Тратить (деньги или капитал) на предмет, деятельность, проект и т. д., которые могут принести пользу или выгоду самому человеку или обществу, не рассчитывая на прибыль», а к 1837 году понятие стало еще более растяжимым: «Посвящать (время, усилия и т. д.) какой-то конкретной цели, ожидая, что она принесет пользу или выгоду».

Во всех описанных случаях в основе лежит идея, что у человека есть определенный объем ограниченных ресурсов (денег, капитала, усилий и т. д.), и он должен продумать стратегию их распределения, понимая, что эти вклады и инвестиции принесут ему хорошее вознаграждение в будущем. «Инвестиция» предполагает, что вы даете что-то в надежде со временем получить что-то большее. В идею

⁵ Mateo A. (2019) 10 Signs Your Partner Is Emotionally Unavailable. *Oprah Daily*. URL: <https://www.oprahdaily.com/life/relationships-love/a27899292/signs-emotionally-unavailable-partner/>.

⁶ Steber C. (2018) 11 Signs You Might Be More Invested In Your Relationship Than Your Partner. *Bustle*. URL: <https://www.bustle.com/p/11-signs-you-might-be-more-invested-in-your-relationship-than-your-partner-8422886>.

⁷ Anish A. R. (2022) Are You More Invested In The Relationship Than Your Partner? *Bonobology*. URL: <https://www.bonobology.com/invested-relationship/>.

вклада всегда встроена идея вознаграждения — что прямо противоречит идеалу бескорыстной и безусловной любви к нашим близким.

Современное употребление слов «вклад» и «инвестиция» для описания отношений подчеркивает, что в нашей излишне коммерциализированной жизни внимание и привязанность стремительно становятся товаром. Понятие «инвестиции» назначает нашим чувствам потребительскую стоимость и обменный курс, и все чаще люди рассматривают любовь и сострадание как товар, которым можно торговать на рынке с ценой, определяемой изменениями спроса и предложения.

Единицу любви, которую можно было бы разделить с другом, нуждающимся в утешении, можно гораздо выгоднее вложить в богатого незнакомца в баре. Единицу близости с нынешним партнером, может быть, стоит инвестировать в поиск будущего любовника с более впечатляющими ресурсами.

Если доводить эту мысль до крайности, то и время в матке, где растет ваш ребенок, может быть выгоднее инвестировать в выращивание чьего-то еще ребенка — за гарантированное вознаграждение. Повышенный спрос на эмоциональные ресурсы создает рынки там, где их раньше не было, и мы все оказываемся вовлечены в мир, где все — вклад и никто ничем не делится, если за это не будет награды.

Возможно, мы все чаще употребляем слова «вклад» и «инвестиция», говоря об отношениях с людьми, потому что пытаемся назначить цену вещам, которые мы обычно воспринимаем как данность. Нет никаких сомнений, что наши связи с друзьями, семьей, коллегами и возлюбленными требуют заботы, и эта забота часто уходит на второй план в бесконечной суете, к которой нас принуждает современный капитализм.

Когда вы день за днем выбиваетесь из сил, чтобы на столе была еда, а счета были оплачены, самые простые проявления доброты или время, которые нужны, чтобы поддерживать отношения с людьми, могут показаться расточительством. В своем докладе об отношениях в XXI веке британский Фонд психического здоровья призывает граждан считать здоровые социальные контакты более ценными, чем новая машина или просторная квартира: «Собранный массив данных подтверждает, что качественные отношения могут помочь нам прожить более длинную и счастливую жизнь и снизить количество проблем с психикой. Близкие позитивные отношения могут дать нам чувство принадлежности и цели».

В этом случае финансовые термины используются для того, чтобы дать конкретную цену (продолжительность жизни, здоровая психика, понимание своих целей) отношениям, которыми в повседневной суете часто пренебрегают, и таким образом убедить читателей в том, что нужно быть менее меркантильными.

Но что если такое внимание к ценности человеческих отношений, наоборот, еще быстрее превратит их в товар? Нужно ли будет платить за чувство принадлежности и целеустремленность? Не рискуем ли мы оказаться в мире, где богатые и власть имущие смогут наслаждаться более здоровым уровнем человеческих отношений, а бедные и социально неадаптированные окажутся в одиночестве и изоляции? Не начнем ли мы в будущем обвинять оказавшихся в одиночестве людей в том, что они просто недостаточно разумно «вложили» свои эмоциональные ресурсы? И хотим ли мы жить в обществе, где лексика финансового рынка продолжает определять то, как мы думаем о наших близких?

Уже сейчас представители молодых поколений все чаще считают детей плохой инвестицией. А женщины все чаще приходят к выводу, что мужчины редко оправдывают вложенные в гетеросексуальные отношения эмоциональные ресурсы; на подруг чаще можно положиться, они надежнее и не столь требовательны — это более выгодная «инвестиция» ограниченного времени.

В 1848 году два знаменитых немца заявили, что капитализм «не оставил между людьми никакой другой связи, кроме корысти, бессердечного „чистогана“»⁸. Продолжая использовать слова «вклад» и «инвестиция», когда мы говорим о самой главной нашей потребности в человеческой близости и сочувствии, мы превращаем красоту и взаимность товарищества в товарно-денежные отношения и приближаем наступление мира, где корысть главенствует не только в общественном пространстве, но и в личном.

⁸ Речь идет о «Манифесте коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, где говорится о буржуазии и «голом интересе». «Буржуазия <...> не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного „чистогана“». (Примеч. пер.)

**НОСКОВА
АНТОНИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА**

доктор социологических наук, профессор
кафедры социологии МГИМО МИД России

МНОГОЛИКОСТЬ ЛЮБВИ В СОЦИАЛЬНОЙ НАУКЕ И ЖИЗНИ

*Любовь подобна айсбергу:
на поверхности лишь ее малая часть,
и даже эта видимая часть малоизвестна.*

Питирим Сорокин

Любовь как дискурс в социальном знании

Для социальной науки тема любви — самостоятельная сфера научного поиска, стимулом развития которой в XX веке, по словам П. Сорокина, послужили гигантские катастрофы и бедствия, начавшиеся после 1914 г.¹

Каждое новое поколение ученых открывает соответствующие духу времени методологические и социальные ракурсы изучения феномена любви, обрамляя понятие «любовь» оригинальными коннотациями и смыслами. Накопленное социальное знание о любви предстает в виде *дискурсивных пластов*, скрепленных осевым вопросом о сущности любви и ее значении для индивида и общества. При этом словом «любовь» обозначаются множественные социальные феномены и психологические состояния личности. Понятие любви многолико — это чувство, эмоция, энергия, символ, социальные отношения. Виды любви по-разному интерпретируются в зависимости от мировоззренческой и научной позиции ученых. Так, религиозный философ В. Соловьев наибольшую значимость приписывает половой любви как любви между мужчиной и женщиной и называет ее идеа-

¹ Сорокин П. А. Таинственная энергия любви // Социологические исследования. 1991. № 8. С. 121 — 137. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/562/943/1216/16Sorokin.pdf>.

лом всякой другой любви². При этом половая любовь в трактовке В. Соловьева не сводится к сексуальным взаимоотношениям и стремлению к продолжению рода. Отвечая на вопрос о смысле любви, философ пишет, что «любовь важна не как одно из наших чувств, а как перенесение всего нашего жизненного интереса из себя в другое, как перестановка самого центра нашей личной жизни»³. В диалоге с философско-религиозной традицией зародился интегральный подход к научному познанию любви Пителима Сорокина, сочетающий в себе элементы мистицизма и стремление к эмпирическому обоснованию феномена. «Любовь, — пишет П. Сорокин, — это опыт, который аннулирует индивидуальное одиночество, наполняет пустоту нашей изоляции наиболее значимой ценностью, разбивает и преодолевает стены нашего эгоизма, делает нас соучастниками высшей жизни человечества и космоса, раздвигает нашу подлинную индивидуальность до неизмеримых границ Вселенной»⁴. Для Пителима Сорокина высшее проявление любви — «бескорыстная», «альтруистическая» любовь. Она семантически сближается с долгом и моральной связью, вне зависимости от того, идет ли речь о родительской или сексуальной любви. «Если партнеры рассматривают друг друга и обращаются друг с другом как с высшей ценностью, тогда сексуальная любовь становится одной из форм альтруистической любви»⁵. Сила такой любви способна преодолеть разного рода кризисы — внутриличностные, семейные, социальные. Связь любви с альтруизмом и долгом можно найти в текстах Николая Бердяева, Василия Розанова, Эриха Фромма и других мыслителей. Согласно Э. Фромму, способность к самопожертвованию различает зрелую и незрелую, безусловную материнскую и обусловленную отцовскую любовь. При этом долг в любовных отношениях воспринимается социальным субъектом не как внешнее принуждение, но как внутренняя потребность, без которой жизнь теряет свое смыслополагание.

В то же время П. Сорокин интерпретировал любовь как социально-психологическое свойство социального субъекта, проявляемое в социальных взаимодействиях: «Как социальное отношение любовь участвует во всех взаимодействиях между двумя и более субъектами, где ценностные стремления и реальные нужды одного разделяются и поддерживаются другими»⁶. П. Сорокин предлагает методологию эмпирического изучения любви. Любовь, по П. Сорокину, можно измерить с помощью шкал интенсивности, экстенсивности, чистоты, длительности, адекватно-

² Соловьев В. Смысл любви. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17159183.

³ Соловьев В. Смысл любви. С. 55. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17159183.

⁴ Sorokin P. (1954) *The Ways and Power of Love: Types, Factors, and Techniques of Moral Transformation*. Boston: BeaconPress. P. 11.

⁵ Сорокин П. А. Указ. соч. С. 125.

⁶ Там же.

сти. В зависимости от степени проявления этих признаков определяются разные виды любви. Так, по шкале «чистота» любовь поляризуется на чистую/грязную. «Чистая любовь» исключает любые утилитарно-рациональные мотивы, в отличие от «грязной любви», которая связана с эгоизмом и стремлением к индивидуальному удовольствию⁷.

Методологические разработки П. Сорокина нашли свое применение в эмпирических исследованиях современных социологов Джеффа Левина и Берта Каплана⁸, изучающих различные проявления любви в американском обществе. Ученые подтвердили эвристический потенциал подхода П. Сорокина, предложив Сорокинскую многомерную матрицу проявлений любви (в англ. версии сокращается до аббревиатуры SMILE).

Любовь, секс и семья

Значимым дискуссионным направлением как в науке, так и в общественной повестке является вопрос о соотношении любви, семьи, сексуальности: возможна ли семья без брака, сексуальная жизнь без любви, а любовь — без обязательств?

В социально-философском знании любовь имплицитно позиционируется как высшая по отношению к семье ценность, вне зависимости от воззрений ученых на сущность любви. Такая интенция прослеживается во взглядах как упомянутых выше социальных мыслителей конца XIX — первой половины XX века, так и влиятельных социологов современности, например Э. Гидденса и З. Баумана.

Интересно, что в массовом общественном сознании ценностная иерархия любовь/семья имеет иную конфигурацию. По данным опросов⁹, семья занимает высший ранг в системе приоритетов по сравнению с любовью и сексуальными отношениями: «семью, дом, уют» как очень важную сферу в жизни называет подавляющее большинство россиян (82%), тогда как «любовь» — 59%, а «секс» — только 37%. При этом семью как очень важную сферу жизни выбрали 90% респондентов в возрасте 35—44 лет; пик значений в выборе любви как высшей ценности (69%) пришелся на когорту молодых людей 18—24 лет, а секс чаще других (46%) выбирали респонденты 25—34 лет (в этот возрастной интервал

⁷ Сорокин П. А. Указ. соч. С. 126.

⁸ Levin J., Kaplan B. H. (2010) The Sorokin Multidimensional Inventory of Love Experience (SMILE): Development, Validation, and Religious Determinants. *Rev. of Religious Research*. Vol. 51. No. 4. P. 380—401.

⁹ Любовь после 50 // ВЦИОМ. 28.06.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ljubov-posle-50>.

попадает средний возраст рождения детей в России, который в 2018 г. составил 28,64 года¹⁰). Можно предположить, что на ценностные предпочтения россиян влияют фазы жизненного цикла индивида и семьи, обусловленные физиологическими особенностями и спецификой семейно-гендерных ролей и статусов. Однако распределение данных опроса возвращает нас к сущностным вопросам любви, семьи и сексуальности. Каким содержанием наполняется понятие семьи: любовью и сексуальными отношениями или же домом и уютной жизнью?

Отношение к любви и сексуальности в семье и обществе

Более ста лет назад влиятельная революционерка и феминистка Александра Коллонтай обратила внимание на кризисные явления в сфере любви и сексуальности: «Современное человечество переживает не только острый по форме, но <...> затяжной сексуальный кризис»¹¹. Она писала, что «современному человеку некогда любить», реальность характеризуется отсутствием «искусства любви»; люди не умеют поддерживать «светлые, ясные, окрыленные отношения, не знают всей цены „эротической дружбы“»¹². Объясняются данные тенденции внешними по отношению к семье детерминантами — господствующими в обществе социально-экономическими отношениями и индивидуалистической моралью, культивирующей в человеке черты крайнего индивидуализма и эгоцентричности.

Безусловно, макросоциальный контекст задает нормативно-ценностную рамку восприятия любви и сексуальных отношений. Но из фокуса внимания не должен ускользнуть *жизненный мир семьи*, внутри которого накапливается знание о половых отношениях, происходит ценностно-смысловое обозначение любви и сексуальности, формируются сексуальные и репродуктивные установки. Попробуем приоткрыть завесу над некоторыми проблемными зонами в семейном жизненном мире, выступающими, на наш взгляд, определенными препятствиями для обретения «искусства любви». Оставив в стороне аспекты семейных девиаций и социальных проблем, затронем вопросы сексуального просвещения, используя результаты разных опросов.

Для начала приведем данные половой переписи московского студенчества 1903/1904 гг. Исследование проводилось Студенческим медицинским обществом при Московском университете, участие в опросе было добровольным, всего

¹⁰ The Human Fertility Database. URL: <https://www.humanfertility.org/cgi-bin/main.php>.

¹¹ Коллонтай А. Отношение между полами и классовая борьба // Новая мораль и рабочий класс. М., 1919.

¹² Коллонтай А. Любовь и новая мораль // Новая мораль и рабочий класс. М., 1919. С. 45.

было опрошено 2150 человек¹³. Результаты данного исследования представляют интересный эмпирический материал, дающий информацию об отношении студенческой молодежи к вопросам сексуальности. Казалось бы, сексуальное раскрепощение в обществе начала XXI века достигло своего исторического акме. Но, судя по вопросам анкеты половой переписи, молодежь начала XX века была, вероятно, даже более открытой к обсуждению острых вопросов, касающихся сексуального поведения, тогда как нынешнее поколение молодых людей зачастую не готово к обсуждению многих щекотливых, но важных для репродуктивного здоровья тем. Одновременно эмпирические данные более чем столетней давности иллюстрируют укорененность проблем половой информированности. Один из блоков анкеты половой переписи включал вопросы сексуальной социализации молодежи — темы, до сих пор сохраняющей свою актуальность. Результаты опроса продемонстрировали табуированность вопросов полового информирования в российских семьях. Родители не занимались сексуальным просвещением своих детей, эта функция перекладывалась на другие референтные группы и значимых других. Так, на вопрос, старался ли кто-нибудь дать разъяснение относительно сущности половых процессов, 87 % респондентов ответили «нет», 13 % — «да». Среди тех, кто старался проинформировать молодых людей, врачи составили 15,8 %, преподаватели — 15,3 %, воспитатели — 6,6 %, товарищи — 62,4 %. Что же входило в перечень сексуального просвещения того времени? Разъяснялись следующие моменты: необходимость половых отношений, воздержания, нормальные границы половой жизни, вредные последствия ранней половой жизни, в том числе венерические заболевания.

Набор обозначенных тем сексуального просвещения отчасти пересекается с современными представлениями о содержании полового воспитания. Сегодня, по данным общероссийских опросов¹⁴, большинство россиян считают необходимым развитие нравственности в сексуальных отношениях и воспитание чувства ответственности (61 %), получение знаний по предупреждению венерических заболеваний (53 %) и предупреждению беременности (46 %), есть запрос на знания о влиянии ранней сексуальной жизни на здоровье (43 %) и на дальнейшую семейную жизнь (36 %). Причем молодежь осознает эту потребность в заметно большей степени, чем остальные респонденты (табл. 1).

¹³ Членов М. А. Половая перепись Московского студенчества и ее общественное значение. М., 1909. С. 28.

¹⁴ Далее приведены результаты общероссийских репрезентативных опросов населения, проведенных ВЦИОМ в 1989—2018 гг. В 1989 и 2014 гг. опросы проводились методом face-to-face (поквартирно), в 2018 г. — методом телефонного опроса. В 1989 г. опрашивалось население от 16 лет, объем выборки 1075 человек; в 2014 и 2018 гг. — население от 18 лет, выборка 1600 человек.

Таблица 1. Что должно быть в настоящее время центральным вопросом в половом воспитании молодежи?

(закрытый вопрос, любое число ответов)

	1989	2014	2018	
			Все опрошенные	18–24 года
Нравственная сторона ранних сексуальных отношений, воспитание чувства ответственности за свои поступки	62	57	61	60
Средства и методы предупреждения венерических заболеваний	18	44	53	69
Средства и методы предупреждения беременности	15	41	46	57
Влияние ранней сексуальной жизни на собственное здоровье и здоровье будущих детей	16	34	43	55
Влияние ранних сексуальных отношений на создание семей, на дальнейшую семейную жизнь	16	33	36	52
Влияние ранних сексуальных отношений на получение образования, приобретение профессии	4	19	27	29
Половое воспитание вообще не нужно	1	2	3	6
Другое	0	1	3	1
Затрудняюсь ответить	11	8	12	5

В семейный контур (по крайней мере, на уровне долженствования) функцию сексуального просвещения включает сегодня около половины россиян (47%). И это значительный шаг вперед по сравнению с ситуацией 1989 г., когда беседы с родителями о сексе считали приемлемыми только 19% (табл. 2). Тем не менее каждая вторая российская семья «закрыта» для обсуждения сексуальных аспектов половых отношений. При этом многие не против делегировать ответственность за сексуальное просвещение детей другим социальным субъектам — врачам-специалистам (37%) или школе (30%), либо следуют принципу «спасение утопающих — дело рук самих утопающих», полагая, что знания о сексуальной жизни можно получить самому из научно-популярного контента разного рода (литературы — 36%, фильмов — 24%).

Обратим внимание, что если доверие врачам в этом вопросе за последние 30 лет заметно выросло (37% при 22% в 1989 г.), то отдавать сексуальное воспитание на откуп школе готовы сегодня реже (30% при 46% в 1989 г.).

На общем фоне роста осознания важности сексуального воспитания и доверия разным источникам информации по этому вопросу наблюдается и рост доверия

«народным университетам» — с 5 % до 24 % выросла за 30 лет доля тех, кто полагает эффективным получение личных уроков от жизни, с 4 % до 14 % — получение информации от сверстников.

Таблица 2. Какие каналы получения информации по вопросам сексуальной жизни Вы считаете наиболее приемлемыми и эффективными?

(закрытый вопрос, любое число ответов)

	1989	2014	2018
Беседы с родителями	19	50	47
Консультации у врачей-специалистов	22	31	37
Специальная научно-популярная литература	44	26	36
Специальный учебный курс в школах, учебных заведениях	46	40	30
Специальные научно-популярные фильмы	27	24	24
Личный опыт	5	9	24
Обсуждение проблем сексуальной жизни со сверстниками	4	15	14
Просвещение молодежи в вопросах сексуальной жизни вообще не нужно	2	2	5
Другое	1	1	2
Затрудняюсь ответить	6	7	7

Несмотря на открытость современного российского общества, для многих семей сексуальные аспекты любовных отношений остаются закрытой темой, а табуирование сексуального просвещения внутри семьи и передача этой функции другим социальным субъектам — это в некотором роде исторически «воспроизводящаяся» практика в отечественной семейно-культурной традиции.

И в заключение приведем еще одно высказывание о любви А. Коллонтай, которое особенно актуально для нынешних поколений молодых людей, оказавшихся в новых реалиях цифрового и пандемийного мира: «распахнуть заповедную дверь, ведущую на вольный воздух, на путь более любовных, более близких, а, следовательно, и более счастливых отношений между полами может лишь коренное изменение человеческой психики — обогащение ее „любовной потенцией“»¹⁵.

¹⁵ Коллонтай А. Любовь и новая мораль // Новая мораль и рабочий класс. М., 1919. С. 38.

**МЕРЗЛЯКОВА
ВИКТОРИЯ НИКОЛАЕВНА**

кандидат культурологии,
доцент РГГУ и РАНХиГС

ЛЮБОВЬ К СЕБЕ: МЕЖДУ ДОЛГОМ, ТРЕНДОМ И КУЛЬТОМ ЭГОИЗМА

С января 2022 года ленты новостей и социальных сетей включились в активное обсуждение проекта указа Президента о сохранении и укреплении духовно-нравственных ценностей¹. В предложенном документе, в частности, шла речь не только о традиционных, но и о чуждых ценностях, ведущих к формированию разрушительной системы идей. В перечислении этих чуждых ориентиров встречается культ эгоизма. Само это словосочетание определяет высокую степень негативного отношения и выражает опасение насаждаемым эффектом повышенного одобряющего внимания к теме. Культ — слово из религиозного контекста, означающее служение божеству и связанные с этим обряды, а в переносном толковании оно означает преклонение и почитание². Получается, что в словосочетании культ эгоизма последний возводится буквально в ранг верования, а поскольку речь не идет об одном из традиционных видов религий, очевидно вступает в силу переносное значение, которое, в свою очередь, переопределяет эгоизм не как религию, а как некоторую систему ценностей (возможно, и обрядов), носящих не просто маргинальный, но сектантский оттенок. Негативное значение актуализирует и отрицательное отношение к слову, сформировавшееся еще в период доминирования ценностей коллективизма и заметно стершееся в постсоветский период активного развития индивидуалистических ценностей. Актуализация вопроса о значении темы эгоизма, внимания и любви к себе в современной коммуникативной среде стала поводом для дальнейших рассуждений.

¹ Подробнее о проекте см.: Минкультуры разработало проект указа президента по защите духовно-нравственных ценностей // Парламентская газета. 24.01.22. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/politics/minkult-razrabotal-proekt-po-zashhite-dukhovno-nravstvennykh-cennostey.html>.

² Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 2006. С. 313.

О ТОЛКОВАНИИ ПОНЯТИЯ «ЭГОИЗМ»

Если возможность негативного толкования категории эгоизма (и тем более признание нежелательности поддержания кем бы то ни было его культа) не вызывает сомнений, внимание к теме порождает потребность понять механику этого интереса.

Кроме того, возникает и необходимость поиска других категорий, складывающих это дискурсивное поле, обладающих нейтральным или позитивным значением, а также изучения широкого диапазона функций, задач и коммуникативных механизмов, лежащих в сфере популяризации тем, помещающих субъекта говорения в центр собственной картины мира. Поэтому начать имеет смысл с краткого определения рабочих категорий.

Стоит отметить, что среди специалистов нет единого мнения о природе эгоизма и терминологической характеристике применительно к свойствам личности: инстинкт, свойство характера, набор потребностей, круг ценностных ориентиров — существует множество трактовок сути феномена³. Какой бы ни была природа эгоизма, проявления его возможны в среде коммуникации, когда взаимодействие с другими членами группы запускает механизмы конкуренции, симпатии, эмпатии и антипатии⁴. Эгоизм как категория языка и культуры позволяет прояснить изменение и обострение негативной семантики в определенные исторические периоды⁵.

Толковый словарь русского языка дает определение слову «эгоист» как себялюбец, человек, который предпочитает свои личные интересы интересам других, проявляя пренебрежение к интересам общества в целом⁶. Тут же приведено и слово «эгоцентричный» как крайняя степень эгоистичного. Действительно, подобное толкование не оставляет места для позитивного восприятия такого типа поведения, ведь через категорию пренебрежения четко демонстрируется осознанное нарушение конвенций уважительного, заботливого, внимательного, партнерского отношения между людьми.

Слова себялюбец (устаревшее и вызывающее в повседневной речи чуть комичный и дополнительно негативирующий эффект) и эгоист обладают негативной семанти-

³ Ершова Р. В., Омельченко Е. В. Эгоизм: врожденное или приобретенное? // Вестник Российского университета дружбы народов. М., 2015. С. 7—15.

⁴ Лаверычева И. Г. Влияние эмпатии на проявления альтруизма и эгоизма // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. СПб., 2013. С. 65—74.

⁵ Здриковская Т. А. Национально-культурная специфика концепта «Эгоизм» на примере героя русского прецедентного текста // Вестник Омского университета. Омск, 2014. № 4. С. 180—184.

⁶ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 2006. С. 906.

кой. Однако слово эгоист теряло остроту отрицательных смыслов и заметно расширило палитру значений вместе с появлением целого ряда брендов (одежда, кофе, журнал, магазины), а также серий книг, энциклопедий и руководств, выносящих это слово в заглавие⁷. Отчасти опыт изменения спектра значений слова «эгоист» сопоставим с опытом изменения смысла ряда других негативных понятий, подхваченных популярной культурой в 1990—2000-е годы. Использование привычно отрицательных слов в новом положительном контексте стало маркетинговым ходом, скандальным поводом привлечь внимание аудитории. Изменение толкования слова как бы предлагает нечто новое, идущее вразрез с устаревшими стереотипами, преодолевающее косность или невидимый «стеклянный потолок» в развитии отношений и иерархий. Подобным путем на книжный рынок вышли десятки руководств и энциклопедий «настоящих стерв», которые строили карьеру, добивались власти, силы, уважения, демонстрируя некую новую смелую и проактивную позицию⁸. Появление такой широкой палитры востребованных значений транслирует запрос аудитории на поиск пошагового руководства по обретению нового желаемого образа жизни и косвенно свидетельствует о неудовлетворенности привычной моделью жизни, которая, возможно, и была одобряемой обществом, но не отвечала личным ожиданиям. В расширении позитивных коннотаций понятия эгоизма не последнюю роль играют маркетинг, стимулирующий более активную потребительскую позицию, и система публичных лидеров мнений глянца, транслирующая образцы идеальной жизни, недоступные большому количеству зрителей.

⁷ Например: Киршнер Дж. Искусство быть эгоистом. Как перестать подстраиваться и начать жить. СПб., 2011; Курпатов А. В. Пособие для эгоиста. СПб., 2005.

⁸ См., например: Аргов Ш. Стерва выходит замуж. Руководство по отношениям до и после свадьбы. М., 2021; Владимирская А. Деловая стерва или как выжить в мире мужчин. М., 2005; Кабанова Е. Стерва на капитанском мостике. Преимущества и издержки власти. СПб., 2004; Ульянина Р. Урок стервы. СПб., 2020; Шаткая Е. Стерва — хозяйка большого города. Искусство быть на первых ролях. М., 2009.

Категория «Любовь к себе»

Если слово эгоизм наделено негативными значениями неуважения, пренебрежения, разрушения надежных социальных связей, возникает закономерный вопрос о наличии определений одобряемой любви к себе и понимания личностных границ. Самоуважение, самооценка, самоконтроль, самостоятельность, самобытность отражают ориентированность на признание значимости развития целостной, зрелой, автономной личности со своими потребностями, интересами, сильными сторонами и границами. В английском и немецком языках мы можем наблюдать подобный принцип построения слов с началом *self-* и *selbst-* (само-), и большой круг образованных подобным образом понятий дублируется в трех основных языковых картинах. Но в русском языке нет аналога английскому *self-love* или немецкому *selbsliebe* — вместо слова *самолюбовь* (есть обладающее нейтральным или положительным значением *самолюбие* — понятие, отсылающее скорее к категории гордости⁹, и негативное *самолюбование*, связанное с высокомерием, необоснованным превознесением себя), что могло бы означать постоянное состояние или качество, русский язык предлагает сочетание *любовь к себе*, по своей структуре характеризующее не столько качество, сколько некоторое направленное действие к объекту. Поскольку ни одно из слов по отдельности не несет негативного значения, можно предположить, что и все сочетание не обладает негативной семантикой. В таком случае возникает вопрос, сопоставимы ли опасения по поводу культа эгоизма с опасениями культа любви к себе, можем ли мы говорить (пусть и в переносном значении) о культе любви к себе и что эта любовь подразумевает.

Описанием структуры и функций категории любви к себе занимаются специалисты в области психологии и психотерапии, философии, теории культуры. Еще в 1956 году в уже классическом труде «Искусство любить» немецкий социолог, философ, психоаналитик, представитель Франкфуртской школы критической философии Эрих Фромм противопоставил категории любви к себе и эгоизма. Он начинает с интерпретации традиционного религиозного отношения к любви к себе как к греху¹⁰ и показывает, что подобное суждение строится на представлении, будто любовь к себе автоматически означает превосходство любви к себе над любовью к другим, равнозначна эгоизму, а ссылаясь на труды Кальвина, сопоставима с чумой¹¹. А затем указывает на парадокс и логическую

⁹ Подробнее о категории см.: Омельченко Е. В. Самолюбие и себялюбие. Анализ понятий // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. № 3. С. 351–357.

¹⁰ Фромм Э. Искусство любить. М., 2018. С. 115.

¹¹ Calvin J. (1928) *Institutes of the Christian Religion*. Philadelphia: Presbyterian Board of Christian Education (цит. по: Фромм Э. Искусство любить. М., 2018).

ошибку внутри связи утверждений о любви к себе как исключаяющей любовь к другим: ведь если говорить о любви к человеческим существам как о добродетели, то и любовь к себе есть любовь к человеческому существу и, значит, добродетель¹². Более того, заповедь, предписывающая возлюбить ближнего как себя самого, неосуществима без понимания любви к себе, что, в свою очередь, «предполагает уважение к собственной целостности и уникальности, любовь и понимание себя, которые не могут быть отделены от уважения, любви и понимания другого человека. Любовь к собственной личности неразрывно связана с любовью к любому другому существу»¹³. Таким образом, дискурсивное поле эгоизма и любви к себе объединены общим объектом направленной деятельности и интереса, но представляют собой как бы два противоположных ценностных полюса.

Тренд на любовь к себе в цифровом пространстве

При таком комплексном понимании темы фокус внимания смещается с культуры к культуре, от интерпретации причин популярности к изучению смыслового наполнения и внутренних логик, определяющих практики.

По пользовательским запросам, хештегам, рубрикации, предлагаемой пользователями сетей, можно сделать выводы о значимости целевого запроса. «Яндекс.Метрика» показывает порядка 62 тыс. запросов в месяц по сочетанию «любовь к себе», около 200 тыс. за тот же период «любим себя» и почти 165 тыс. по запросу «эгоист». В сети Instagram по запросу «любовь к себе» предлагается выборка из 1 375 186 записей с хештегом #любовьксебе¹⁴ и порядка 60 аккаунтов, пользователи которых вывели эту фразу в название блога. Из них практически все (99%) ориентированы главным образом на женскую аудиторию — ведутся от имени женщин, в публикациях проговаривается обращение к читательнице, в цветовой палитре преобладают мягкие пастельные, розовые, бежевые или бордовые цвета. Один блог ведется автором-мужчиной. Более 90% ориентированы на продажи и представление экспертного контента: обучение, психология, наставничество, проведение тренингов, марафонов. Причем в категории «любовь к себе» можно выделить несколько направлений обучения: личностный рост и общая психологическая направленность (60%), красота, спорт, рас-

¹² Calvin J. (1928) Institutes of the Christian Religion. Philadelphia: Presbyterian Board of Christian Education (цит. по: Фромм Э. Искусство любить. М., 2018. С. 117.

¹³ Там же. С. 118.

¹⁴ Данные на февраль 2022.

тяжка (12%), гадание и астрология (5%), акцент на раскрытии женской энергии и сексуальности (10%).

В полутора миллионах записей по хештегам с вариациями сочетания «любовь к себе» обнаруживается большее разнообразие участников. Чтобы наметить общие тенденции, были проанализированы 200 постов выдачи по запросу «любовь к себе». В этой выборке уже более выражено присутствуют и мужские голоса — порядка 7%, и это продающие аккаунты экспертного характера. Причем, если примерно половина постов нацелена на мужскую и женскую аудитории (тренинги продаж, маркетинг, репрезентация собственного успешного пути и предложение наставничества), то остальные работают с обучением женской аудитории соответствию неким (предположительно мужским) ожиданиям — как себя вести, как выстраивать общение и др. Посты содержат либо женские фото крупным планом 60% (диалог и обращение к зрителю или демонстрация собственного «идеального» мира/тела — фото на фоне красивого пейзажа, дорогого автомобиля и других атрибутов благополучия, фото в окружении членов семьи в счастливом моменте, фото подтянутой спортивной фигуры), либо нейтральные картинки и тексты (порядка 30%). Популярность и количество видео, статей, блогов, посвященных теме любви к себе, показывает востребованность этой темы как в читательском, так и в авторском сегменте социальных сетей.

Выражение любви к себе: возможности, сценарии, потребительские коды

Теперь перейдем к содержательному наполнению определений и сценариев, возникающих в этом смысловом поле. Часто любовь к себе подается экспертами как иллюстрация желательного образа жизни (на следующем этапе, скорее всего, предлагается продукт, помогающий его достижению). В этом ключе тема любви к себе представляется не просто в формате важной составляющей гармоничного развития личности, но в виде достаточно жестко транслируемого коридора возможностей, желаний и потребностей, в котором любовь к себе предполагает соответствие заданному набору критериев, потребительской активности, соответствующих атрибутов. В проанализированных блогах наблюдается серия повторяющихся узнаваемых маркеров и сценариев проявления любви к себе. Одна из важных тенденций — акцент на запретах. Риторика часто выстраивается через запрет и отмену привычного образа мыслей и действий. Но это не внешний запрет, а регулируемый внутренними соображениями собственного блага. Запрет самому себе чего-то привычного приобретает образ

разделения мира на до и после. Запрет на плохое отношение к себе, запрет выбирать вначале действие-реакцию (на чью-то просьбу, проявление) вместо проективного желания. Неоднократно встречается метафора кислородной маски в самолете, которую мать должна надеть вначале на себя и лишь затем на ребенка. Забота о себе требует ставить свои потребности и интересы на первое место. И хоть на первый взгляд такой ход часто выглядит как словесная игра «запретить себе страдать», «запретить себе плохо о себе думать» и пр., частое повторение и апелляция к мотивам запрета и долга, даже если это касается, казалось бы, приятных или важных вещей (вы должны себя радовать, покупать себе подарки, принимать ванну при свечах, ходить на массаж, маникюр и др.), создает коридор возможностей и формирует объективирующие образы «правильных желаний», соответствующих «правильной» любви к себе. Культ молодости, уход за телом, спортивное телосложение часто идут в не подлежащем сомнению комплекте такой любви.

Еще один мотив, на который хотелось бы обратить внимание: популярный сюжет подарков самому себе и завоевание самого себя. Этот сюжет продолжает традиционный канон ролевого ухаживания в паре, но предписывает все необходимые в этом сценарии атрибуты ухаживания и завоевания произвести самому: свидание с собой, сводить себя в кино/ресторан, подарить себе цветы. Фактически речь идет о раздвоении ролевой модели, предписываемой в данном случае одному участнику: быть и субъектом, и объектом собственного ухаживания и заботы, но проявить их в достаточно традиционных конвенциональных сценариях парного ухаживания, закрепленного в традиционной патриархальной модели. При этом, если наградой в свидании становится укрепление связи в паре, наградой за свидание с собой должно быть укрепление чувства собственной ценности, цельности и автономности, что преподносится не только как важный шаг к обретению большей уверенности в себе, но часто как способ снять излишнее психологическое давление с партнера, не ждать от него дополнительных ухаживаний, не требовать разделяемого общего времени и интересов.

Внимание к ценности времени — еще одна важная тема. Она, с одной стороны, формирует фокус на важности концентрации и проективной деятельности, с другой — определяет риторику широкого круга агентов рынка, предлагающих разнообразный спектр услуг. Например, услуги сервисов по уборке, готовке, любому виду деятельности, который можно делегировать, и поощрение самого акта передачи. «Мы займемся этим, пока вы уделите время самому важному», — общая формула подобного типа предложений. Подобным образом формируются незаметные иерархии дел и каждодневных рутин, в которых повседневный

непроизводительный труд, буквально повторяя систему иерархий, предложенную еще Торстейном Вебленом в «Теории праздного класса», вновь признается второстепенным и непрестижным¹⁵.

Создается впечатление, что тема любви к себе, будучи центральной темой популярного экспертного мнения или блога, неизбежно становится полем спекуляций и навязывания жесткой сетки соответствия довольно стереотипизированному набору критериев и узнаваемых атрибутов успешности. Любовь к себе в этом ключе становится удобной ширмой для торговых предложений разных категорий товаров и услуг, аргументом, которому сложно противопоставить собственное сомнение и нежелание без опасения быть уличенным в недостаточном развитии уважения, принятия, любви, понимания себя.

Однако было бы неправильным полагать, что тема любви к себе раскрывается только сотнями кричащих картинок и зазывалами-продавцами, предлагающими в ряду своих товаров счастье, признание и успех.

Важную роль в формировании современного дискурса любви к себе играют эксперты, чьи профессиональные интересы лежат в плоскости работы с физическим и психическим здоровьем личности, — врачи, психотерапевты, психологи. Их подход отличает внимание к теме любви и заботы о себе в качестве фоновой, проговариваемой наравне с представлениями о заботе о себе. В ходе анализа 30 блогов практикующих докторов и психотерапевтов были намечены некоторые закономерности. Семантическое поле, соотносимое с комплексом значений любви к себе, работает скорее с категориями внимания, названия (артикуляции) испытываемых состояний, признания, заботы, принятия. Этот путь позволяет уйти от проговаривания запретов, которые мы обсуждали выше, в плоскость развития чуткости к себе и способности назвать, самостоятельно валидировать, подвергнуть критическому осмыслению собственные эмоции, желания, мысли. Кроме того, забота о себе предполагает усиление доверия специалистам помогающих профессий, что, с одной стороны, позволяет развивать культуру профилактической работы с проблемами, с другой — вновь говорит о формировании спроса на широкий круг услуг, в частности в сфере заботы о здоровье.

Итак, культура заботы о себе, любви к себе близка, но не тождественна эгоизму, не обязательно предполагает пренебрежение и конфликт внутри группы, может быть связана и явлена через систему определенных действий и ритуалов (днев-

¹⁵ Веблен Т. Теория праздного класса. М., 2011. С. 58.

ники благодарности, практики настройки и т. д.) или потребительских стратегий, а может быть выражена в развитии эмоционального и рационального контакта с собой. Любовь к себе как категория маркетинга позволяет поддерживать тревогу и ориентированность на соответствие широкому набору предлагаемых товаров и услуг, образов жизни и моделей потребительской активности. Любовь к себе как категория дискурса психотерапии позволяет разработать широкий круг понятий, связанных с налаживанием контакта с собственными потребностями и состояниями, развитием уважения, принятия и заботы по отношению к себе и близким. Тема любви к себе также может быть важной в процессе дестигматизации в обществе тем профессиональной медицинской, психотерапевтической помощи, популяризации идеи профилактики заболеваний и бережного, экологичного, уважительного отношения к себе и окружающим.

**ВИЛЕЙКИС
АЛЕКСАНДР ИГОРЕВИЧ**

философ, руководитель отдела культурно-просветительских проектов и программ библиотеки им. Н. А. Некрасова, продюсер книжных изданий ВЦИОМ

DR. MERKWÜRDIGLIEBE. ПОЧЕМУ МЕДИА КОНСТРУИРУЮТ ОБРАЗ ЗАВЕРШЕННОЙ ЛЮБВИ?

Современная массовая культура чаще всего затрагивает один вариант любви, имеющий завершённую форму. Это касается не только однотипных романтических комедий (где сюжетные рельсы подталкивают героев к позитивному финалу) и произведений неонуара (где сюжет начинается и заканчивается неудачливостью персонажа, у которого счастье ускользает из-под пальцев). Художественные произведения, раскрывающие самые разные аспекты социальности, рассматривают любовь в качестве некоторого феномена, который обязательно требует разрешения: травма должна быть проработана, процесс должен быть осознан как значимый, объект любви — воспринять себя как существо, не чуждое эмоций.

Любовный дуализм

Для подобных прочтений характерно, во-первых, что любовь — форма, особый модус восприятия, отличающийся от остальных. Влюбленные иначе чувствуют социальную реальность, их восприятие не вписывается в рамки «повседневного» состояния. Романтическая чувственность становится опытом, к которому необходимо приспособиться. Во-вторых — завершённость. Начиная от «жили долго и счастливо и умерли в один день», заканчивая терапией и новой жизнью после ухода партнера, любовь оказывается законченной формой, требующей итога, морального высказывания, объяснения и оправдания. Из произошедших событий необходимо извлечь некоторый смысл, который и станет их результатом.

Интересным примером является кинодиалогия Кеннета Брана об Эркюле Пуаро («Убийство в Восточном экспрессе» (2017) и «Смерть на Ниле» (2022)). Почему среди множества произведений искусства мы берем именно эти? Классический детектив, переработкой которого являются данные фильмы, пытается вытеснить любовь, как и другие эмоции, из жизни главного героя, ведь он должен оперировать исключительно логикой, а не чувствами. Возможность догадаться самому — главное правило «хорошего классического детектива», которое строится вокруг бесчувственной логики. Такой подход распространен не только потому, что авторам кажется — именно так преступления разгадываются эффективнее, а еще и для того, чтобы между читателем и главным героем не выросла стена, эмоции детектива читателю может оказаться трудно разделить.

Как только в детектив вклинивается любовная линия, Пуаро становится подвержен аффектам, его история приобретает завершенную форму. Теперь он перестает быть исключительно «глазами» и «головой», сыщик проходит по классической дуге страданий: от погибшей любви и «исцеления» к возможности новой любви. В первом фильме даются лишь легкие намеки на предположительно мертвую возлюбленную, во втором показана драма, обстоятельства, сделавшие Эркюля эмоциональным инвалидом, и новые чувства, с помощью которых детектив преодолел травму, наступило разрешение. И вот он уже, переборов прошлый опыт (сбрив усы, закрывающие раны, нанесенные на Первой мировой), сидит в баре и слушает блюз, смотря на новую возлюбленную.

Этот пример демонстрирует нам работу обеих механик: любовь — особенное состояние и завершенная форма. Пуаро действует так, а не иначе — потому что пережил гибель возлюбленной, она становится стержнем его персонажа, ключевой чертой до тех пор, пока он не переживет это состояние, подменив один смысл другим. Все завершилось для Пуаро не трагическим страданием по утерянным чувствам, но столкновением с новыми.

Подобная любовь не универсальна, точнее, она появляется в конкретных исторических обстоятельствах — в эпохе романтизма.

Романтическая любовь

Современные образы любви во многом наследуют размышлениям периода романтизма. Тогда наблюдатель впервые выносятся за скобки произведения — рождается так называемое третье лицо, а повествование требует извлечения

определенного «смысла» — завершения формы, совпадения обстоятельств со значениями. Романтизм максимально болезненно воспринимает любые нестабильности, откуда и рождаются необходимость форм и идея «судьбы», которая впоследствии становится важным инструментом социальной теории.

Немецкий социолог Георг Зиммель в тексте «Фрагмент о любви» отражает дух времени, описывая чувство именно в таких терминах. Законченное приключение, которое впоследствии становится частью судьбы, поглощает человека, обрабатывая жизненный материал целиком. Изначально кажется, что судьба включает в себя череду случайностей, но ее финалом всегда становится сборка — придание каждой случайности значения, позволяющего провести связи между ними. Зиммель — плоть от плоти мыслитель романтизма, для которого литературные категории становятся методологическими.

Общество, где господствуют формы, а ключевым способом познания социальной реальности для людей становится судьба, характерно для текстов Гёте, а не для актуальной действительности конца XIX — начала XX веков. Георг Зиммель выступает в качестве диагноста времени, фиксируя интеллектуальные представления эпохи о любви. Современники мыслили любовь в данных категориях, даже если переживали ее иначе.

XX век подарил романтизму пространство приземления, когда описанные выше сюжеты вошли в массовый кинематограф и литературу, определив «реалистичность» повествований о любви. Достоверным становится то, что соответствует социальным представлениям, а те, в свою очередь, во многом определяются массовой культурой.

Впоследствии важным элементом любви стала молодость, «нормальность» персонажей, испытывающих чувства. Это некоторое следствие развития рекламы и массового производства, о которых писал Зигфрид Кракауэр в «Служащих».

Индустрия начала XX века сделала любовь модной, молодой и желанной. Современная массовая культура борется с этими пережитками, делая персонажами тех, кто еще полвека назад считался недостойным испытывать высокие чувства, например, «неожиданно» выяснилось, что даже пожилые люди могут влюбляться. Но, несмотря на это, культура, готовая вытеснить представления о любви как о молодости и глянце, не готова выходить за рамки логики форм.

**«Нет никаких "вторых половинок".
Есть просто отрезки времени, в которые
нам с кем-то хорошо. Три минуты.
Два дня. Пять лет. Вся жизнь.»**

Антон Чехов

fit4brain

Другая любовь

Какой еще может быть любовь, кроме светлых грез романтизма?

Опасной. Барочная любовь — столкновение со страстью, которое могло не только обречь человека на гибель, но и исключить саму возможность спасения души. Истории доромантического периода показывают, что светлое чувство невозможно отличить от действия чар, которые несут в себе гибель несчастного, кому не повезло устоять перед ними.

Кроме исторических примеров есть и современные сюжеты, показывающие любовь, не вписывающуюся в логику романтизма. Видеоигра «Disco Elysium» 2019 года рассказывает историю полицейского, потерявшего память от причине алкоголизма, вызванного уходом возлюбленной. Игра не раскрывает четко причины расставания, не называет виновных и не пытается дать моральные оценки. Игроку предоставляется возможность начать с чистого листа в мире, «где нет бывших жен». Персонаж может вспомнить прошлое и выстроить свою идентичность вокруг разрыва с бывшей женой, раз за разом страдая и переживая ее уход, когда любые действия приводят к тому, что девушка берет чемодан и выходит за дверь (пусть и в его воспоминании); может «исцелиться», пережить травму, раскрыть себя для новой жизни, работы или отношений; не вспоминать и не обращать внимание на существование прошлого, буквально забыв о пережитом. Герой

игры может поступить практически любым образом: позволить чувству постоянно возвращаться или проигнорировать его.

Подобное понимание любви исключительно для актуальной массовой культуры как раз потому, что делает возможным понимать чувство не только как определенную форму, но как случайные обстоятельства, которые просто существуют. Любовь утрачивает романтический шарм, когда становится чем-то действительно повседневным, не интеллектуальным, где формы существуют только в представлениях, но далеко не всегда в реальности. К этому пониманию приближены произведения, базирующиеся не на литературном каноне и представлениях о реалистичности, но на повседневном опыте автора. В современном мире любовь может быть не только завершенной формой, но дурной бесконечностью или просто обстоятельством, как погода или курс валюты.

Взаимные обязательства и долг
в семье, браке,
родительских отношениях

**ИСУПОВА
ОЛЬГА ГЕНРИХОВНА**

PhD, доцент кафедры демографии Института демографии НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник научно-учебной лаборатории социально-демографической политики того же Института

МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ: ЕЩЕ ОДИН ВИД ДОЛГА, ОСНОВАННОГО НА ЛЮБВИ

Материнская любовь — это, похоже, последний оплот представлений о том, что в каких-то ситуациях любовь возникает автоматически и всегда, практически как по нажатию некой скрытой кнопки, которую при этом включает не сам человек. Женщина рождает ребенка, и сразу начинает его любить. Каждая женщина. В любых обстоятельствах. Конечно, всем известны случаи, когда это так не работает, но их стараются объяснить тем, что что-то пошло не так: женщина «поломалась» (у нее болезнь, депрессия); процесс родов был недостаточно естественным, слишком тяжелым или слишком легким; в конце концов, виновато и общество, которое подсказало женщине неправильные идеи насчет материнства или оставило ее без помощи... Конечно, все эти факторы могут обуславливать отсутствие любви у матери к ребенку, но точно только они? И почему мы не задаемся подобными вопросами, когда речь идет о романтической любви — к мужу, жене, любимому человеку? Почему в той области мы говорим о чувстве, которое очень избирательно и не подчиняется установлениям и регулярностям, может возникнуть в совершенно неподходящих обстоятельствах, но имеет полное право в любой момент и прекратиться (например, мужчина может разлюбить мать своих маленьких детей, при этом молодую и красивую женщину)? А материнская любовь в наших представлениях — как восход солнца, возникает обязательно, сразу после рождения, у каждой матери по отношению к каждому младенцу, и не прекращается до дня смерти матери и/или ребеночка, даже если этот момент наступает лет через 60?

Не странно ли при этом, что и то и другое мы называем словом «любовь»? Скорее всего, использование этого слова в обоих случаях связано с тем, что любовью

на уровне повседневных представлений мы часто обосновываем очень много бесплатной работы. Именно это характерно для обоих описываемых случаев. Поскольку мать любит ребенка, она должна ему примерно все и еще немного больше. Поскольку женщина любит мужчину, она рискует ради него жизнью, а также повседневно обслуживает его, кормит, обстирывает, напоминает принять таблетку и следит за тем, чтобы не расползеть. А если мужчина любит женщину, то он, ну, что-нибудь придумает и раздобудет огромное количество денег для нее.

При этом никто из любящих даже помыслить не может, что за такую любовь/работу ему что-то причитается в ответ. О стакане воды в старости неприлично не только говорить, но и думать, да и вообще лет до тридцати все трансферты направлены скорее в сторону «ребенка», а не родителей. Любящая женщина не может и помыслить, что не только ей надо оставаться всегда красивой и, например, каждое утро готовить любимому завтрак, но и он мог бы что-то уже сделать со своим пивным животиком. Любящий мужчина не будет рассуждать о меркантильности женщин, потому что ему не жаль как угодно напрягаться ради любимой, раз уж так сложилось, что ей нужна не луна с неба, а более земные блага.

При этом тем же словом — любовь — мы часто называем чувства в ситуациях довольно темных, оправдываем этим чувством самые отвратительные поступки. Не только «бьет — значит любит», но и убить из ревности может — ах, какая любовь! Или любящий создает любимому условия для того, чтобы убить кого-то третьего, помогает совершать другие преступления. Кстати, здесь многие могут вспомнить и материнскую любовь, известную этическую задачу, прятать ли матери сына-преступника: для многих очевидно, что материнская любовь безоглядна и поэтому да, конечно, что бы он ни совершил, мать всегда на стороне своего ребенка.

То есть мы имеем любопытную картину, когда, с одной стороны, любовь — это когда ты бесплатно делаешь для любимого чуть больше, чем можешь, и гораздо больше, чем в обществе принято делать для другого, нелюбимого человека, даже за деньги; с другой — это темные, страстные, сильные чувства, ведущие к разрушению, ничего не создающие. Это может прекрасно сочетаться в паре, где один делает все для другого, а второй любит вот так страстно, но может присутствовать и в одном человеке.

Допускаем ли мы, хотя бы в мыслях, существование подобных бездн и противоречий в любви материнской? Скорее нет, за исключением ситуации, когда мать идет на преступления, чтобы помочь своему ребенку. И тем не менее этот вид

любви мы называем тем же словом. Видимо, чаще все же понятие «любовь» используется для оправдания огромного количества заботы, которое надо вменить всем и каждой, на условиях бесплатности и «нормальности». Обществу так проще, это — устои. Но семантика слова, огромный и противоречивый контекст его употребления в языке позволяют, однако, задавать неудобные вопросы и в ситуации материнства. Почему нельзя просто любить, а менять памперсы будет кто-то другой? Можно ли отделить любовь от заботы? И, например, вообще отстраненно наблюдать со стороны, как деятельность по заботе осуществляет кто-то другой, в то время как я просто люблю в своем сердце, радуюсь существованию этого человека? Почему именно в области материнства любовь до такой степени приравнена к всесторонней ответственности (и бог с ними, с памперсами, гораздо важнее личные усилия и коммерческие вложения в образование, например)? В этой ситуации совершенно не удивительны высказывания информанток Орны Донат «я люблю своих детей, но ненавижу материнство»: люблю — людей, которых я в определенном смысле создала и которые живут уже давно рядом со мной, но не готова принять ту степень ответственности, которую на меня в этой связи накладывает общество, тем более что конкретное содержание этой ответственности и перечень того, что я должна делать, постоянно меняется. Любовь оказывается неким высшим императивом, оправдывающим все что угодно. Но есть одна проблема — что делать, если материнская любовь по нажатию некой кнопки не включилась? Кто должен искать эту кнопку и нажимать на нее? Должен ли? И почему вообще надо ее включать? Ведь если кнопку не нажать, придется понять, что деятельность по уходу за детьми и их воспитанию имеет рыночную цену. Только любовь может оправдать бесплатность и полную самоотдачу в ситуации всеобъемлющей материнской заботы.

Здесь и возникает понятие долга. Ведь научиться любви нельзя, это противоречило бы ее определению спонтанного и свободного чувства. Но можно научиться действиям, которые совершала бы любящая мать, и пошагово привыкнуть их выполнять. То есть долг появляется тогда, когда надо чем-то заменить отсутствующую любовь... Тогда почему же мы уже так далеко, с другой стороны, ушли от представлений о долге в отношениях между взрослыми? Почему там правильнее «быть честным и разойтись», а здесь надо оставаться ответственной за человека, какими бы ни были чувства к нему, не говоря уже о личных ресурсах?

Противоречие в связи с использованием одних и тех же слов — «любовь», «долг» — в ситуациях материнства и романтических отношений ощущается все сильнее и, возможно, здесь требуется пересмотр как понятийного аппарата, так и используемых для обозначения понятий слов.

**СОЛЕНОВ
ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ**

Всероссийская общественная организация
«Союз отцов»

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОТЦОВСТВА¹

Союз отцов — это организация, нацеленная на защиту традиционных семейных ценностей и борьбу за полноценную семью. Мы поддерживаем отцов-одиночек и разведенных отцов, которые борются за возможность быть рядом со своими детьми, участвовать в их воспитании. И культивируем идею отцов-профессионалов. Обычных компетенций у мужчины может быть много и работ тоже, но компетенции отца — специфические и очень важные, только вот им нигде не учат. Самое важное для мужчины в роли мужа и отца это цепочка смыслов: зачем семья, а значит, зачем трудиться над собой, зачем понимать супругу. Не имея этого понимания, человек начинает пренебрегать заботой о ребенке, о супруге и даже о себе, плывет по течению, нередко — к изменам, психоактивным веществам, слому карьеры. Чтобы обрести смысл и идти осмысленной дорогой, и нужна эта постоянная работа — учиться быть отцом-профессионалом и быть им.

Синдром отчуждения детей и родителей

Даже в семьях, где традиционно высоки приоритеты семьи, в последние годы развивается синдром отчуждения родителя: супруги пренебрегают выполнением обязательств друг перед другом и перед ребенком. При разводе часто не поддерживают стремление «бывшего» продолжать участвовать в воспитании ребенка, вместо сотрудничества в его воспитании воюют за право единолично распоряжаться его жизнью. Синдром отчуждения имеет сегодня колоссальные

¹ По мотивам интервью специально для Социодиггера. Интервью брала Наталья Седова.

масштабы: более 1 миллиона детей находятся в группе риска — это дети, которых не воспитывают родители совместно. Что можем делать мы в этой ситуации? Находясь на «передовой» взаимоотношений родителей и детей, стараемся привлекать к проблеме отчуждения внимание общественности, говорить о подобных кейсах в медиа, добиваться реакции со стороны властей: уполномоченных по правам человека, по правам ребенка.

Семья и ее среда — источник ответственности

Ответственность воспитывается в семье и в среде, которая эту семью окружает. Ребенок, выросший в атмосфере взаимной ответственности, будет сам ответственным семьянином и будет тяготеть к сообществам, в которых сильна традиция ответственности. Девиз нашего Союза: «нет чужих детей, есть окружение моего ребенка». Мы считаем важным влияние ребенка и родителей из полной, ответственной семьи на детей и родителей из семей менее благополучных. Например, практикуем, чтобы отец брал на наши мероприятия вместе со своим ребенком других детей из его окружения, растущих без отцов. Пример ответственного отцовского поведения особенно может быть полезен тем родителям, которые оказались растеряны в период развода и не знают, как теперь строить отношения со своими детьми, не имеют в голове адекватного и позитивного сценария, способного уменьшить травмы ребенка из-за развода.

Доверие и партнерство — ключ к семейному благополучию

Опыт работы с сотнями супружеских пар в рамках нашего родительского университета говорит о том, что для благополучия в семье первостепенное значение имеет уверенность супругов друг в друге. Доверительные отношения оказываются важнее денег, квартирного вопроса, работы. И наоборот, именно недоверие к супругу становится важнейшим фактором, удерживающим, например, от рождения второго ребенка.

Второй ключ к семейному благополучию — понимание, что сегодня идеальный муж это уже давно не только и не столько «мачо». Роли супругов сближаются, муж и жена часто выполняют одни и те же функции, подменяют друг друга. Мы не пропагандируем идею отцовского декрета, но считаем, что, если женщина видит в себе потенциал воплотить свои таланты, сделать карьеру — муж ей может в этом помочь, беря на себя домашние заботы. Когда супруги вместе идут к цели,

понимаемой как счастье детей и воспитание их достойными членами общества, когда они готовы к ролям родителей-партнеров, — тогда в семье будет появляться и два, и три, и пять детей.

Кстати, когда я говорю, что являюсь отцом пятерых детей и считаю это главным достижением своей жизни, мне нередко приходится уточнять, что все мои дети — от одной женщины. Но сегодня многие мужчины включают в свою «копилку успеха» по-мимо карьеры, отпуска на Лазурном побережье, домов и т. д. еще и семь или восемь детей, но от нескольких женщин. Характерный альтернативный сюжет: муж хорошо зарабатывает, ведет бизнес, возит семью в отпуска в престижные локации, — а жена внезапно уходит к другому, оставляя нескольких детей. Это — от отсутствия знаний и умения быть счастливым со своей единственной супругой/супругом, от непонимания, что тот же хороший заработок складывается в конечном счете из того, что супруги помогают друг другу развиваться

Помощь ценна усилием

Тренд на отчуждение и ослабление взаимного доверия, который мы наблюдаем в семейных отношениях, проявляется и шире, например, в том, насколько вообще людям сегодня легко или сложно принимать и оказывать помощь, обращаться за поддержкой. Если раньше довольно легко можно было по дружбе занять сколько нужно денег, то сегодня ситуация совершенно иная, мы становимся более непроницаемыми, эгоистичными, боимся, что нами воспользуются.

Как ни парадоксально, в изменении отношений взаимопомощи негативную роль, мне кажется, играет развивающаяся культура дистанционной благотворительности. Оказывая помощь, человек обязательно должен прилагать усилия и лично общаться с человеком, которому помогает, — такие усилия придают действию особую ценность. В Швеции практически каждый пожилой человек лично участвует в нескольких благотворительных организациях, это дает им чувство нужности, востребованности, а заодно заставляет поддерживать себя в хорошей физической форме. Когда же человеку достаточно набрать четыре цифры и отправить смс, чтобы оказать помощь, когда в этом нет усилия и личного контакта, то само это действие обесценивается.

**МАХОВСКАЯ
ОЛЬГА ИВАНОВНА**

психолог и публицист, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН, автор книг «Запасная женщина» и «Антибрачный синдром у мужчин»

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНИМАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ ДОЛГА И ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СЕМЬЕ: МНЕНИЕ СЕМЕЙНОГО ПСИХОЛОГА¹

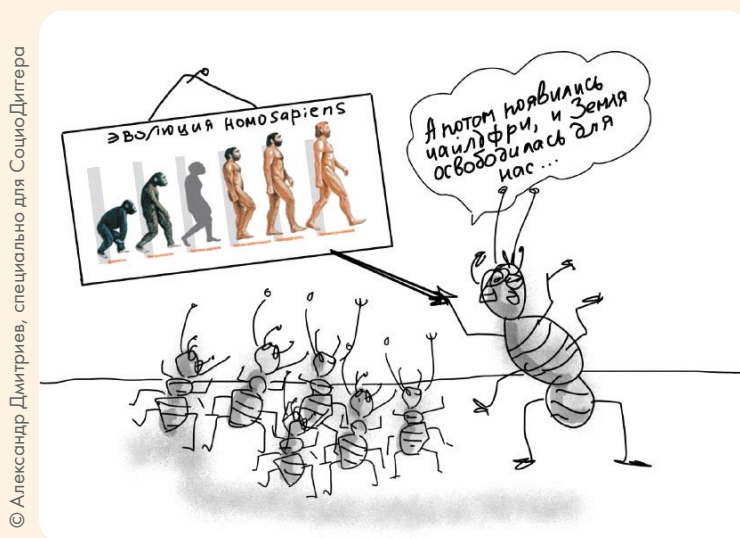
Как психолог-исследователь, занимающийся семейными отношениями, могу сказать, что в последние десятилетия представления об ответственности серьезно меняются и у мужчин, и у женщин. Внутри семьи происходит перераспределение долженствования, особенно если сравнивать с советским периодом.

В типичной советской семье мужчина — это авторитет, чья главная миссия — принимать решения, а основной груз ответственности, в том числе за реализацию этих решений, лежит на женщине. Женщины долго боролись за то, чтобы ситуация начала меняться, за симметричное участие мужчин в быту. Претензии, воплощенные в сакраментальном «кто будет выносить мусорное ведро», стали одной из главных называемых причин семейных конфликтов. С другой стороны, понятно, что это скорее образ, наглядно передающий неудовлетворенность (чаще женщины) долженствованием, прописанным в традиционной модели семьи, которая предполагала, что муж — добытчик, а жена — хранительница домашнего очага.

Советские времена приучили нашу женщину бороться. Иногда эта борьба была похожа на многолетнее партизанское движение, когда мужчина не знал, как на самом деле живет его семья, откуда берутся ресурсы, почему складывается его карьера. Женщина внешне проявляла лояльное отношение к семье и мужу, но испытывала мощное внутреннее сопротивление. Кроме того, советской женщине зачастую

¹ По мотивам интервью специально для Социодиггера. Интервью брала Наталья Седова.

был свойственен синдром отличницы, выражающийся прежде всего в гиперответственности и высокой критичности, не способствующих сохранению отношений.

Изменения начались в середине 1980-х годов, с перестройки, которая дала ощущение внутренней и внешней свободы. Но при этом на ее содержание заметное влияние оказала протестантская, прежде всего американская, культура. Вместе с актуализацией ценностей партнерства, личного успеха по-другому стала строиться и семья. Мы обнаружили, что есть более гармоничный тип семьи с участвующим, заботливым и любящим мужчиной. Но для россиянки принять это оказалось непросто, поскольку она привыкла перераспределять ответственность так, чтобы справляться с перенагрузкой.

Если в советское время продвигалась ценность жертвенности, когда женщины готовы на все для семьи и детей, то сегодня их дочери выступают против этого, полагая, что излишняя самоотдача снижает самооценку и привлекательность женщины как для партнера, так и для работодателя. Становятся популярными ценности движения childfree, а деторождение откладывается на более поздний возраст, и в этом в том числе находит отражение желание продлить период проб и удовольствий, отложить наступление ответственности за детей. С другой стороны, появились лозунги «я же мать!» как ответ на претензию «Ну ты же мать! Ты должна делать то-то и то-то», когда и психологи, и родители учат женщину, как и что делать. И эта мать ищет более комфортные способы выживания с детьми, не очень беспокоясь об их воспитании и социализации.

Происходят изменения и в многопоколенных семьях. Во-первых, бабушки, следуя тренду «самоценная женщина», объявили, что они слишком молоды, чтобы

сидеть дома. Бабушки с пирогами уже давно нет. Но даже если она печет пироги, то у нее полно дел — скандинавская ходьба, пение в хоре или занятия йогой. Во-вторых, многие живут отдельно, поэтому «поколение бабушек», прежде всего свекрови, утрачивают свою власть: даже если они хотят помогать, участвовать, это не всегда находит понимание у молодой семьи. В-третьих, играет роль такой фактор, как возраст. Поскольку бабушками становятся позже, не в 40 лет, а часто в 60 и старше, они не могут столь же активно и полноценно участвовать в жизни семей своих детей, как это было в предыдущих поколениях.

Трансформацию в семейных отношениях и в представлениях об обязанностях партнеров хорошо иллюстрирует также изменение в том, что является предметом спора между супругами. В советские времена, когда денег особо не было, конфликтующие муж и жена чаще говорили о несходстве характеров, о психологической несовместимости и неудовлетворенности. В тот период любовь компенсировала бедность. Сегодня маятник качнулся в другую сторону, теперь уже деньги компенсируют любовь, и основные предметы спора в современных семьях носят в первую очередь экономический характер. Но при этом, имея в виду наступление общества постматериальных ценностей, нельзя исключать и того, что рано или поздно любовь снова «возьмет свое» и эмоциональное измерение отношений станет важнее экономического. В этой связи на ум приходит метафора «заношенных» историй: иногда нам кажется, что мы радикально что-то меняем, а на самом деле просто надеваем наизнанку ту же одежду, а потом придут наши дети и внуки, снова вывернут все наизнанку, и мы увидим, что мы это уже «носили».

Очень важным предметом спора в современной семье является также время. Время формализует претензии. Чаще в качестве временного интервала или аргумента выступает целая жизнь: «Я на тебя целую жизнь потратил! Я не хочу тратить жизнь!». Временные претензии имеют выраженное гендерное измерение: предполагается, что мужчина более свободен, ему не надо бежать домой, стирать, гладить и готовить, поэтому женщина находится в более уязвимом положении.

Многие конфликты в семье происходят из-за неуверенности в завтрашнем дне. В связи с этим неудивительно, что постепенно растет важность брачных контрактов, особенно у состоятельных людей. Брачные контракты помогают с самого начала понимать, кто на что рассчитывает, особенно при наличии предыдущих семей. Я за контракты, потому что они снижают напряженность в семье. Контракт защищает более слабую сторону и прежде всего — женщину с детьми. Хотя известны истории, когда контракт и мужчин с детьми прикрывает. Контракт

можно заключить не только перед походом в ЗАГС, но и в любой момент совместной жизни, когда вы вдруг почувствуете, что что-то происходит, что любимый и надежный супруг не так надежен, и в этом случае денежные гарантии могут стабилизировать ситуацию.

Но в целом, несмотря на изменения в последние десятилетия представлений людей о взаимном долге, взаимных обязательствах в семье или в паре, семья остается амортизатором и для детей, и для родителей, продолжая выполнять множество функций. В том числе претендовать на серьезную должность, когда ты не семьянин, во многих сферах довольно трудно, хотя никто не скажет об этом прямо. Человека, у которого есть семья, есть ребенок, лучше принимает общество. Семейный человек более защищен, чем несемейный. Семья в определенном смысле становится более функциональной, а решение создать семью — более осознанным.

**МЕНЬШИКОВА
ЕКАТЕРИНА ЕВГЕНЬЕВНА**

доктор психологических наук, главный научный сотрудник
Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ

«НИКТО НИКОМУ НЕ ДОЛЖЕН» — ЭТО «МНЕ ВСЕ ДОЛЖНЫ»

О динамике представлений о взаимном долге и обязательствах

С тем, как в последнее время меняются представления людей о взаимном долге, взаимных обязательствах в семье или в паре, ситуация неоднозначна. С одной стороны, активно заявляются новые ценности — бóльшая свобода, равноправие партнеров, право строить отношения так, «как мы считаем нужным». С другой стороны, мы родились и выросли в семьях, сложившихся в реалиях советского времени. И далее, в перестроечные и постперестроечные времена, ответственность друг за друга, чувство долга, необходимость «поднимать детей» часто становились условием выживания. Оттого до сих пор так велика ценность семьи, которая основана на противостоянии трудностям. И здесь у нынешних молодых людей часто происходит конфликт — между радужными представлениями о семье и неосознанными потребностями, убеждениями, которые тянутся из детства. Хорошо, что теперь появилась возможность обращаться к психологам, психотерапевтам, стала доступной информация на тему саморазвития, — это, безусловно, ведет к психологическому взрослению и более осознанной жизни, в том числе в супружестве.

Если говорить о тенденциях, хотелось бы надеяться, что чем больше поколений вырастает в мирное время, чем меньше у нас страхов, тем больше любви, предпосылок для семьи, которая является полем для взаимного роста и развития, воспитания детей, где много места для радости, свободы быть собой, поддержки уникальности каждого. Но тем не менее в каждом времени в разных стратах есть свои вызовы и поводы для личностного конфликта.

Не «никто никому не должен», а «сбросить оковы и начать новую жизнь»?

«Никто никому не должен» — это крайность, обратная сторона медали «мне все должны». Или надо добавлять — «кроме того, о чем мы договорились». Иначе, если мы говорим про супругов, кто будет обеспечивать семью, водить детей в школу, выносить мусор?.. Откуда возникает «буду делать только то, что хочу»? Есть этапы психологического взросления. Сначала мы с восторгом смотрим на родителей или учителей — делаем, что нам говорят. Потом все отрицаем, бунтуем. Если есть ресурсы реализовать бунт, право делать по-другому, то результатом подросткового кризиса становится психологическое взросление, ответственность за себя. Если нет, то, независимо от количества прожитых лет, можно зависнуть в стадии «отморожу уши назло маме» и вечно делать из всех такую «маму», чтобы наконец пройти кризис и повзрослеть. Вы видели такую семью, где никто никому не должен? Зато часто встречается конфигурация, где один из супругов в детской позиции: ничего не должен, делаю, что хочу. И тогда второй вынужден быть в родительской: все могу и всем должен.

Сейчас много пишут и говорят о подходе «от всего отказаться, сбросить оковы и начать новую жизнь». Часто эти самые оковы — золотые. Мастерство человека, талант формируются в условиях трудностей, преодоления. И в этом много ценного для самого человека. А когда кто-то резко решает отказаться от трудностей, то вместе с ними часто теряет собственную ценность.

Несколько предыдущих поколений выжило именно благодаря установкам: «раньше думай о Родине, а потом о себе», «если завтра война, если завтра в поход», быстро встать на ноги, чтобы не быть обузой для семьи. И вдруг, послушав блогеров или почитав умные книги, вы решаете думать сначала о себе. Возможно, это получается некоторое время. Но если сценарий про долг и первоочередную ответственность перед другими людьми связан с выживаемостью, безопасностью, социальным одобрением, то новый, как правило, даст сбой — будет вызывать тревожность, эмоциональные качели или вовсе уложит в постель с болезнью.

Поэтому нужно добавлять новые смыслы, включать внутренние ресурсы, формировать глубинную демократию, систему самоподдержки, а не избавляться от опыта и создавать еще большее давление на себя. Я не говорю о ситуациях, когда повышенная ответственность, чувство долга — часть профессионального мастерства. У меня был такой случай в практике, когда пришел на консультацию мужчина и с порога заявил, что хочет перестать все контролировать. Спросила,

кем работает, оказалось — детский хирург. В результате учились не избавляться от контроля, а расслабляться вне работы, давать себе отдых.

Поддержка поддержке рознь

Отношение к тому, чтобы обращаться за помощью, поддержкой, зависит от того, какие установки человек получил в семье, какой у него был жизненный опыт, какое поведение приветствуют в его окружении. Бывает, что забота, поддержка в семье выдаются «в пакете» с обесцениванием: «мы же тебе говорили», «надо было сразу делать, как мы сказали», и тому подобное.

Приведу пример из практики. Молодая женщина сообщает матери, что ждет второго ребенка. Такая радостная новость! А мама говорит в ответ: «Как ты могла решиться, ты же не справишься!» И годы проходят, а женщина все доказывает и доказывает, что она справится. Уже с ног падает от усталости, но любая помощь от мамы воспринимается как унижение, а потому неприемлема.

Изменения здесь есть. На мой взгляд, они опять-таки связаны с популяризацией психологических знаний. Становится нормальным прояснять, спрашивать — нужна ли помощь, какая именно. Не бояться отказать в помощи, когда за этим нет страха быть отвергнутым или желания чувствовать себя значимым за счет помощи другому человеку.

Когда глубинная причина семейного конфликта — ты сам...

Семейные конфликты имеют разную природу. Есть внешние конфликты — какие-то ситуации, серьезные или, как говорят сами партнеры, нелепые. А есть глубинные темы, противоречия, которые эти ситуации проявляют. Вот они остаются практически неизменными: поиск любви, уважения, обесценивание, предательство, одиночество... Например, если человек вырос с дефицитом любви, ему всегда недостаточно внимания: на работе, в отношениях, от кассира в магазине. Этот дефицит не закрывают ни материальные ресурсы, ни путешествия, ни другие люди.

Так что основной ресурс, который приходится возвращать человеку в кабинете психолога, — он сам. И это напрямую относится к теме долга. Потому что алгоритм

«отдать свою жизнь родным (коллегам, друзьям), а взамен ждать или требовать их жизнь, радость, время, внимание, деньги...» — очень уж ненадежен.

Внутренняя свобода и внутренняя ответственность

Самый тяжелый долг — тот, в который мы вгоняем себя сами. Пытаясь соответствовать неким идеям, представлениям о том, как правильно, какими мы должны казаться для других людей, для своих близких. Часто это не имеет отношения к реальности. Например, детям совершенно точно нужны здоровые и жизнерадостные родители, а не загнавшие себя «ради детей».

На консультацию к психологу чаще приходят люди, которым ответственность, родительская позиция по отношению к окружающим уже порядком надоела: «всем от меня что-то надо»; «я один вынужден все везти»; «за всех отвечаю и дома, и на работе»... Но чем больше обязательств человек берет на себя, тем больше лютуют кредиторы. И тем сильнее хочется вырваться на свободу.

Хотелось бы уйти от шаблона, что свобода и долг — всегда полярности.

Возможно быть внутренне свободным и одновременно ответственным. Если научиться ощущать ценность своей жизни и приносить ее во все, что делаешь: в отношения, в дело, служение... А не закладывать свою жизнь, чтобы обрести признание и смысл.

**РУБЦОВА
АНАСТАСИЯ**

психотерапевт,
психоаналитик, блогер

ЛЮБОВЬ МЕНЯЕТСЯ ТОЛЬКО НА ЛЮБОВЬ¹

Я всегда говорю, что путь ведической жены опасен, тернист и ведет строго в обратном направлении от рая.

Приторная схема «ты ему любовь, уютный дом и пироги, и вообще ты красивая и наполненная женской энергией, а он за это весь мир к твоим ногам и станет директором завода». Это, кстати, и сами ведические жены с сожалением подтверждают.

Формула «ты ему любовь, а он тебе деньги и заботу» ошибочна в каждом слове.

Мы можем посмотреть на эту сделку с точки зрения обмена ресурсами в паре. Самья, да любой союз двоих — место, где мы обмениваемся ресурсами. Любовь меняется на любовь, забота на заботу. Деньги — ресурс другого, более низкого порядка, они ни на заботу, ни тем более на любовь не меняются.

Вернее, меняются, но на коротких и ультракоротких отрезках. На ночь — да. На полгода — вполне. Дольше — у обеих сторон нарастает ощущение, что они грубо обмануты и «тиграм в зоопарке недокладывают мяса».

Пироги, уютный дом и секс, а также красота и «женская сила» — это еще не любовь. Это в лучшем случае сервисное обслуживание. Любовь все-таки — сейчас мы очень сильно упростим — это на первом этапе гормональный коктейль, а дальше — способность видеть человека со всеми его уникальностями и трещинками, и любование в некотором смысле этими трещинками, и чистый бескорыстный интерес к ним.

¹ Источник: <https://www.facebook.com/anastasiya.rubtsova.75/posts/3885706861473469>. Публикуется с разрешения автора.

Любовь может быть и без пирогов — не все, знаете ли, любят пироги. Может быть и без секса. Любовь — уникальный ресурс, потому что когда другой человек действительно готов нас — именно нас! — не отворачиваясь разглядывать и слушать с интересом, и поддерживать, и быть рядом — это бесценно.

Сервисное обслуживание при этом совершенно не уникально. Его, конечно, можно поменять на деньги. Но надо договариваться о цене и объеме оказываемых услуг.

Сложность в том, что ни одна ведическая жена не хочет менять себя на деньги — это оскорбительно звучит, — а хочет менять на заботу, на восхищение, на чувство собственной незаменимости. А они тут, в общем-то, не подразумеваются, если сервис уже оплачен деньгами. Но ей ведь на тренингах и в статьях по раскрытию женственности это обещали! Отсюда нарастают обида и чувство горькой несправедливости.

Я, конечно, добавила бы еще, что когда мы пытаемся менять «просто быть красивой и заниматься домом» на все-все-все, что нам нужно для жизни, когда пытаемся оживить коммунистический принцип «от меня по способностям — мне по потребностям», то занимаем позицию совершенно детскую и инфантильную.

Это ребенку достаточно просто быть и ничего особенного не делать, чтобы получить все родительские ресурсы. Но по мере взросления из памперсов этот принцип работает все хуже.

И чтобы ведическая схема работала хоть как-то, нужно взаимно инфантилизировать друг друга. Убедить себя и партнера, что семья и отношения — поле приложения сил, вполне достаточное для взрослой женщины. А потом убедить его, что сам он в быту обслуживать себя не сможет. И пельменей сам себе не сварит, и полы не помоеет.

Хотя все самое желанное — заботу, финансовую безопасность и восхищение — намного проще бывает получить в союзе равных. Где оба имеют некоторую презентацию во внешнем мире и заняты чем-то, кроме семьи и отношений. Оба зарабатывают, оба варят пельмени и как-то пополам заботятся о детях, хотя это самый трудный пункт.

Здесь вообще можно спорить по многим пунктам. И про то, что не все ресурсы, которыми обмениваются в паре, видимы глазу — даже сами участники никогда

не могут точно сказать, чем они обмениваются. И про то, что дети оттягивают на себя большую часть ресурсов системы, а в некоторые периоды выгребают все до капли. И чем тогда делятся несчастные родители, кроме усталости, раздражения и вины? Да ничем.

Но любовь меняется только на любовь. И в этом есть одновременно и некоторое сожаление, и надежда.

**МИНЯЕВ
ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ**

семейный юрист, медиатор,
руководитель компании «Семейный Адвокат»

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ РАЗВОДА

Ко мне обращаются люди, которые решили разводиться или уже разводятся. Основной моей задачей является максимальная защита интересов клиента в суде. Как правило, эти интересы связаны с недвижимостью и деньгами. Об алиментах мало кто добровольно вспоминает и заинтересован в том, чтобы их платить. Примерно десять процентов клиентов хотят уладить дело миром, чтобы продолжить строить жизнь и планы, остальные же погружаются в судебные баталии на годы. В основном клиенты, несмотря на все уговоры, не хотят слышать друг друга, развязывая с супругом настоящую войну, исход которой зависит от профессионализма юристов.

Моя практика показывает, что за последние десять лет представления людей о взаимном долге существенно изменились. Новое поколение разделяет ценности общества потребления и шеринга (аренды и пользования). Люди не стремятся связывать себя обязательствами, не несущими прибыль или выгоду, готовы к крутым поворотам в жизни ради карьерного роста (вплоть до переезда в другую страну), реже вступают в зарегистрированный брак, отношение к детям не всегда ответственное. Дети нередко считаются чем-то не слишком важным, некоторый вариант нормы после развода — родители (чаще отцы) не общаются с детьми, не платят алименты. При разводе делят, как правило, даже ложки и вилки, но не особо думают о том, как и на что будут жить их дети. Такую ситуацию, помимо влияния «новых веяний», я связываю с тотальным обнищанием основной массы населения. Когда люди находятся в «состоянии изобилия», когда растет благосостояние, тогда и алименты выплачиваются охотнее, и больше ресурса на выстраивание отношений. Чаще всего разводы случаются в течение первых семи лет после заключения брака, у людей до 42 лет. Люди постарше по разным причинам разводятся реже.

В СССР браки тоже распадались, число зарегистрированных разводов на 1 тыс. брачных пар увеличилось в целом по СССР в конце 1960-х годов, после изменений в законодательстве, до 11,5, тогда как в конце 1950-х оно составляло всего

5,3¹. За первые полгода 2021 года только в Самарской области количество разводов превысило количество свадеб: на 4133 свадьбы пришлось 4376 разводов². Мои наблюдения показывают, что в целом люди сегодня меньше держатся друг за друга, почти любые привязанности стали по большому счету временным явлением. Такой рост числа разводов, мне кажется, мог быть спровоцирован пандемией, самоизоляцией, разного рода ограничениями.

Фраза «мы в ответе за тех, кого приручили» сегодня фактически потеряла актуальность. Во многом это произошло, на мой взгляд, благодаря психологам и блогерам, дающим советы по построению отношений и их сохранению. Люди не так часто задаются вопросами, кто и на каком основании, с какой целью раздает советы. Иногда это выглядит так, будто у психологов есть заинтересованность в том, чтобы увеличивать число одиноких людей и не оставаться без работы... Порой складывается впечатление, будто убеждения, которыми люди руководствуются при разделе имущества, составлении брачных контрактов и т. д., напрямую следуют из рекомендаций поп-психологов.

Фраза «никто никому ничего не должен» прекрасно подходит для построения бизнеса, но не семьи. При этом именно она, судя по практике бракоразводных процессов, регулярно становится основанием для современных отношений среди людей до 35 лет. Семейные юристы видят, что при малейших колебаниях в материальном отношении или в плане здоровья мужчины и женщины начинают искать замену своим партнерам. Другим основанием для расторжения брака становится наличие любовников и любовниц. И все-таки самые острые конфликты в современных семьях возникают из-за падения доходов, утраты имущества и прочих финансовых проблем.

© Александр Дмитриев, специально для СоциоДиггера

¹ Тольц М. Ничего личного // Газета.ру. 23.07.2014. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2014/07/22_x_6129129.shtml.

² Число разводов в Самарской области превысило количество свадеб // Известия. 20.07.2021. URL: <https://iz.ru/1195759/2021-07-20/chislo-razvodov-v-samarskoi-oblasti-prevysilo-kolichestvo-svadeb>.

Кредиты, займы, падение дохода — самые частые причины разводов. Еще одна причина — отсутствие ответственности. Отношения на стороне нередко имеют последствия (например, в виде внебрачных детей), ведя к расторжению брака. Как правило, лишь начиная со второго брака люди приходят к осознанию ценности отношений и брака в целом.

Думаю, для гармоничного существования в браке важно, чтобы супруг и супруга умели не только брать, но и давать. Потом у них появляются дети, которые тоже и дают и берут. Своеобразный круговорот. Если кто-то только берет или только дает, нарушается баланс. Но и ситуация дисбаланса может всех устраивать, в конце концов, треть россиян приветствует браки по расчету³. Но когда наступает развод, здесь уже точно все хотят друг у друга только брать, не думая о будущем, будто жизни после развода не существует. Но она есть. Люди снова вступают в брак и рожают детей. В этом никто не ограничен.

Опыт работы с парами, регистрирующими брак, показывает, что молодоженам лозунг «никто никому ничего должен» в голову не приходит или, по крайней мере, никогда не озвучивается. В фокусе их внимания — пожелания и ожидания счастья, которое определяют так: «Когда рядом человек, который тебя понимает», «Когда мы вместе, ничего не страшно», «Когда легко говорить друг другу правду». И никто не говорит, что счастье — это «когда никто ничего не должен».

Причины расторжения брака, озвучиваемые при разрешении имущественных споров в связи с разводом, — это чаще всего алкоголизм, измена, «мы очень разные», претензии в нежелании иметь детей, «квартирный вопрос». При этом сегодня, по наблюдениям сотрудников органов ЗАГС, появилась **тенденция желать счастья и при разводе**. Развод воспринимается нередко как шаг в новую жизнь, с новым стремлением к счастью.

Из интервью специально для Социодиггера с **Ольгой Николаевной Чернышовой** — разработчиком программы «Организация и проведение торжественных церемоний в органах ЗАГС Москвы», доцентом кафедры государственного управления и кадровой политики Университета Правительства Москвы

³ Треть россиян положительно относится к браку по расчету // РИА Новости. 08.07.2021. URL: <https://ria.ru/20210708/svadba-1740369966.html>.

**ЖУКОВИЧ
ВЛАДИСЛАВ КОНСТАНТИНОВИЧ**

председатель Союза православных предпринимателей,
вице-президент НП «ОПОРА», Комитет по ценностно-
ориентированному предпринимательству
«ОПОРА СОЗИДАНИЕ»

КУЛЬТУРА ДОГОВОРА В СЕМЬЕ И БИЗНЕСЕ¹

Между контрактами в бизнесе и брачными контрактами есть принципиальные различия и есть общие черты.

В бизнесе партнеры чаще, чем в семейных отношениях, стараются договориться о правилах «на берегу», изначально подходя к делу с «холодным сердцем». Но даже в бизнесе культура фиксации договоренностей об условиях будущего партнерства развита не одинаково в разных сегментах. В крупном бизнесе она находится на довольно высоком уровне, а вот в малом и среднем — меньше, поскольку в нем, как правило, заняты люди с разным опытом и образованием.

При этом бизнес — очень непредсказуемый род деятельности, взаимодействие партнеров здесь, с одной стороны, обусловлено их экономическими, финансовыми целями и ресурсами, с другой — деловыми качествами, профессиональными знаниями и умениями, а с третьей — сходством или столкновением представлений о жизни, ценностей. Прежде чем создавать общее дело, очень важно учитывать и проговаривать в том числе и эти внеэкономические сюжеты сходства и различия, иначе даже продуманный и просчитанный бизнес может стать жертвой непримиримых разногласий и конфликтов ценностного свойства.

В семейных отношениях все еще сложнее. По сравнению со стартом партнерского бизнес-проекта, создание семьи и заключение брака — это совсем другая ситуация с точки зрения эмоциональной нагрузки. Что же касается культуры договорных отношений в браке, то она у нас несопоставимо слабее, чем в бизнесе, который, как я уже сказал, тоже еще далек от совершенства. Особенно

¹ По мотивам интервью специально для Социодиггера. Интервью брала Наталья Седова.

хорошо видно это отставание по сравнению с западными странами, США. У нас, если один из супругов или будущих супругов предлагает заключить брачный договор, это как ушат холодной воды для другого, особенно в период влюбленности. Абстрагироваться от своих чувств и занять прагматичную позицию может не каждый.

С одной стороны, в том, чтобы заранее договориться о принципиально важных вопросах в отношениях в будущей семье, как и в бизнесе, есть большой смысл, это страховка от всевозможных рисков. Будущие супруги имеют возможность заранее погрузиться в различные сценарии и подумать, как они будут действовать в той или иной ситуации. С другой стороны, с таким погружением в будущие возможные коллизии пропадает таинство в отношениях. А оно, в отличие от бизнеса, в романтических и семейных отношениях очень важно.

Зачастую предлагают заключить брачный договор люди, имеющие неудачный опыт первого брака, например раздел имущества, особенно крупного, люди из бизнеса, привыкшие к заключению договоров в деловой сфере. Такой «пострадавший», вступая во второй брак, будет стараться себя обезопасить.

Помимо брачных договоров, в ситуациях, когда партнер «дует на воду» и хочет подстраховать свои интересы в семейных отношениях, используются и другие инструменты. Например, боясь оскорбить чувства своего нового возлюбленного или по другим причинам, человек на брачном договоре не настаивает, ничего не прописывает, но до брака переписывает свое имущество на кого-то из близких.

Еще одна важная форма письменного закрепления отдельных позиций в отношениях в семье — составление завещаний или письменных инструкций. Особенно это важно для ситуаций, когда в семье есть основной кормилец, от которого зависят все остальные. Часто бывает, когда после смерти мужа-бизнесмена его жена даже не представляет толком, какой у него был бизнес, какая в нем экономическая ситуация, какие остались обязательства, как можно с выгодой для семьи распорядиться теми или иными доходами и т. д. Подобные завещания могли бы решить много споров, возникающих между наследниками, что сильно облегчило бы жизнь овдовевшей супруги.

**ЕПИСКОП
КОНСТАНТИН БЕНДАС**

президент Фонда поддержки христианской культуры, науки и образования

НЕВЕРНЫЙ В МАЛОМ НЕВЕРЕН В БОЛЬШОМ: БРАК, СЕМЬЯ И ДОВЕРИЕ ГЛАЗАМИ ПРОТЕСТАНТА¹

Представления людей о долге и взаимных обязательствах значительно изменились за последнее время. То, что отвоевывалось и устанавливалось на протяжении столетий, потерпело серьезный ущерб за промежуток всего в несколько десятилетий. Эти изменения вызваны разными причинами.

Секуляризация общества и секуляризация брака

Прежде всего, конечно, мы говорим о секуляризации. Во многих странах снижается число людей, практикующих вероисповедание. В России вообще особая ситуация. Для большинства наших сограждан исполнение заповедей, ответственность за свои слова и поступки перед Богом в вечности — пустые слова. Значение придается текущим потребностям, ожиданиям и ответственности прежде всего перед самим собой ради достижения какой-то цели. А в остальном — «я никому ничего не должен». Но человек, который неверен в одном, скорее всего, в зависимости от обстоятельств, времени, возможностей, будет неверен и в другом. Евангельский принцип говорит, что «неверный в малом неверен и в большом, неверен во многом».

В свете этого принципа хорошо видна суть светских брачных контрактов, которые производят разграничение: у нас общие дети, общая постель, общий борщ, но что касается бизнеса, денег — это принадлежит мне, это принадлежит тебе, я имею

¹ По мотивам интервью специально для Социодиггера. Интервью брала Наталья Седова.

право на это, а ты имеешь право на это. Такое разграничение противоречит самой идее религиозного брачного союза как единства, доверия и совместной ответственности во всем, лучше всего выражаемой в обете, который произносится при венчании: любить друг друга и оставаться верными в богатстве и в бедности, в здравии и в болезни, когда находятся вместе и когда разделены расстоянием, покуда смерть не разлучит. Иными словами, если доверие — то во всем. Согласно Евангелию, даже если человек неверен по отношению к Богу, то Бог все равно остается верным. С религиозной точки зрения принцип «нет права поступить с другим человеком так же, как он поступил со мной», распространяется на все жизненные ситуации, в том числе в семье или в парах. Даже если один партнер поступил вероломно, жестоко, несправедливо, это не развязывает руки другому поступить так же. Например, неверность одного в супружеских отношениях не дает права поступать так же другому, вне зависимости от того, в чем на самом деле была причина неверности. Утрата такого понимания брака оставляет семью незащищенной.

Сегодня изменения в представлениях о долге и обязательствах наблюдаются и у верующих людей. Если раньше верующие супружеские пары, сталкиваясь с проблемами в отношениях, даже не имея рядом священника или просто наставника, стремились сохранить семью из чувства ответственности перед Богом, то в настоящее время уровень консерватизма снижается. Расстающаяся пара объясняет это «своим правом на счастье», в том числе под влиянием средств массовой информации. Доступность и разнообразие любого контента усиливает этот процесс и в религиозной среде. В гламурных журналах тиражируются образы прекрасно выглядящих улыбающихся женщин, не обремененных фартуком, детьми, пленками, мужем, который что-то требует. И женщина говорит себе: «все, я свободна, до свидания, иду заниматься своими вопросами». Не все способны или не все хотят отличить журнальный гламур от реальной жизни. В результате, несмотря на то что в религиозном сообществе христианской евангельской церкви, к которой я принадлежу, разводов на порядок меньше, чем в светском обществе, в последние годы и среди наших верующих выросла статистика разводов. Если в 1990-е годы в нашей общине в год случался один развод, то теперь, к сожалению, их три-пять. Я все чаще встречаюсь с парами, которые оказались в кризисе, и у них риторика примерно следующая: «У меня есть право на счастье. Он/она не мог сделать меня счастливым. Я уже не молодой человек / не молодая женщина, у меня впереди 20—30 лет активной жизни, я все-таки хочу быть счастливым».

Однако на самом деле в семейных конфликтах меняется не их предмет, а риторика его описания — под влиянием психологов, сериалов и социальных сетей

словарный запас для оправдания расторжения брака стал богаче. А ключевая причина одна, это трактовка того, что такое семья, брачный союз. Сегодня массовое понимание брака дрейфует от христианской традиции его трактовки как «брачного завета» к светскому пониманию как «контракта». Между тем эти трактовки принципиально различны. Контракт — это определенные, очень конкретные, описанные и «подсчитанные» обязательства. Завет — не просто обязательства, а полная отдача двумя людьми друг другу себя и всего своего без каких-либо условий. Неслучайно писание говорит, что «жена не принадлежит себе, она принадлежит мужу, равно и муж не принадлежит себе, он принадлежит жене». Здесь, кстати, не остается места ни для ультрапатриархальных, ни для ультраматриархальных идей. Если такого понимания брака, как завет, нет, если оно подменяется «контрактным», то всегда найдутся поводы для разобщения, разочарования и расставания.

Религиозная община как залог консервативного понимания брака

Отличаются ли долженствование и обязательства в так называемых гражданских браках от официальных браков, а также венчанных браков, нельзя сказать однозначно. Как государственная процедура заключения брака — это определенная формальность, которая может не повлиять на отношения, так и церковный обряд венчания скорее относится к вероучительной практике как результату развития христианской церкви, чем к вероучению, это не регламентируется Евангелием. В реальности XXI века в Российской Федерации что делают священники? Мы ставим условия двум людям, испытывающим любовь друг к другу и желающим объединить свои жизни. Если ваши намерения настолько серьезные, что вы готовы перед Богом обещать быть верными и любить всю жизнь, пока смерть не разлучит, то соблюдайте следующие формальности. Во-первых, заключайте официальный государственный брак. Во-вторых, заключайте союз перед церковью и в присутствии священника с получением благословения. Кроме того, государственный и церковный брак означает определенные взаимные обязательства относительно совместно нажитого имущества, детей и т. д., особенно важные в случае потери одного из супругов.

Поэтому для современной российской протестантской церкви без заключения гражданского официального брака и венчания в церкви союз не считается ни семьей, ни браком, а считается сожительством, жизнью в блуде. Сожительство, которое давно стало социальной нормой, в религиозной среде нормой пока не становится. Однозначное консервативное понимание брака распространено

среди всех протестантских религиозных течений, прежде всего благодаря тому, что в России мы сумели сохранить реальную общинность — даже в мегаполисах люди друг друга знают, встречаются не только на богослужениях, но и помогают друг другу в воспитании детей, ведут совместные бизнес-проекты, делятся ресурсами, вместе семьями ездят отдыхать, помогают строить друг другу дома и дачи. Поэтому мы практически не разделяем требования и ожидания от священнослужителей и требования и ожидания от прихожан. За 25 лет активного служения не припомню ни одного случая отказа от государственной регистрация брака кого-то из наших церковных людей.

Доверие и взаимопомощь: заповеди против уроков мошенничества

Происходят изменения и в отношении того, насколько легко человеку обратиться за помощью, в том числе занять деньги, или самому оказать поддержку. К сожалению, и в религиозной церковной среде наблюдается снижение уровня доверия и открытости другому. Частично это объясняется эксплуатацией милосердия и примерами различного мошенничества. Сложно найти человека, который бы не слышал или сам бы не сталкивался с мошенничеством. Так, хорошо известны мафия попрошайек или деятельность многочисленных фиктивных благотворительных организаций с зеркальными сайтами, счетами и пр. Поэтому люди все больше «дуют на воду», стараются не просить, особенно если это не близкий круг. Все больше представителей, в том числе молодого поколения, не готовы и не способны принимать, боятся попросить. Эту растущую разобщенность хорошо иллюстрируют поговорки, которые как будто обретают сегодня второе дыхание: «каждый кузнец кует свое счастье», «в большой семье клювом не щелкай»; «кто первым встал, того и тапки».

Поэтому люди удивляются и пытаются одарить взамен или ожидают подвоха, когда предлагаешь донести сумку, открыть дверь и пропустить вперед, уступить место в метро, уступить очередь в магазине. Есть такой анекдот. Учительница спрашивает учеников в классе: «Дети, какие пословицы, поговорки, крылатые выражения, отражающие жизненные принципы, используются в вашей семье, у ваших родителей?». Встает Ванечка: «Мой папа всегда говорит, что блаженнее давать, нежели принимать». Учитель: «Наверное, твой папа пастор, священник?» — «Нет, он боксер». К счастью, давать — это не только принцип боксеров, но и заповедь одного из блаженств Нагорной проповеди. В церковной среде, где сохраняются принципы общинной жизни, уровень взаимопомощи и доверия, конечно, выше. Мы по-прежнему даем, даем в долг, даем без долга.

**ХАСЬМИНСКИЙ
МИХАИЛ ИГОРЕВИЧ**

кризисный психолог, руководитель
Центра кризисной психологии
при храме Воскресения Христова на Семеновской

ТРАДИЦИОННОЕ И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМА ПЕРЕНОСА КОНЦЕПТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ¹

Представления людей об ответственности, взаимном долге, взаимных обязательствах меняются уже довольно долго. В традиционном обществе концепт ответственности выстраивался из религиозного понимания этого термина, ответственность предполагала ответственность перед Богом. Такое понимание ответственности относилось и к супружеской жизни, люди учились нравственности и жертвенности, готовности отдавать свое время и другие ресурсы семье. Права шли в одном «пакете» с ответственностью. Самый младший ребенок имел минимум прав и ответственности, а больше всех их имел отец. Чем старше становился ребенок, тем больше у него появлялось обязанностей, он включался в хозяйственную жизнь семьи, приучаясь к труду и к ответственности за младших братьев и сестер, за семью и отношения.

Гуманистическая парадигма, в рамках которой человек есть мерило всего, способствует разрушению реального содержания всей сетки терминов, связанных смысловым образом со словом «ответственность». Концепт «я — пуп земли» способствует развитию эгоизма, эгоист же не стремится жертвовать. Сегодня детей даже поливать цветы в классе не просят, потому что это якобы принуждение к детскому труду. Как следствие, дети вырастают совершенно беспомощными: ответственность и обязательства сменяются на выученную беспомощность. Это практически безальтернативный вариант развития событий в картине мира, из которой убран Бог — а, следовательно, и концепт ответственности со всем должным семантическим флером.

¹ По мотивам интервью специально для Социодиггера. Интервью брала Наталья Седова.

Кроме того, эгоизм приводит к неспособности договариваться. Вместо поиска компромисса человек высказывает только свои претензии, вследствие чего семья распадается. Проблемы семьи могут быть связаны с деньгами, вниманием, сексом и т. п., но ключевая причина ее разрушения — это эгоизм и неумение договариваться.

Невозможно создать семью, оперируя лишь четким формальным распределением обязанностей. Это «костыль» для эгоистов, но костыль нефункциональный. Сочетание обязательств и прав в семье выстраивается неформально между людьми, которые любят друг друга. Там, где господствует эгоизм, нет места и любви. Даже если подробно расписать в брачном контракте, кто кому что должен, на выходе получится мертвая семья, а не живое сообщество.

Если смотреть на вопрос доверия и ответственности шире, то можно заметить, что сегодня в целом привычка и навык обращаться друг к другу за помощью критически ослабли, общество атомизировано до предела. Не существует институтов, способных заменить сети взаимной помощи: банки, занятые своим обогащением, и благотворительные фонды с плохой репутацией отучили людей от доверия институтам. Без любви все социальные отношения высыхают и ломаются, как плохой цемент. Без традиционных отношений между людьми невозможна нормальная социальная жизнь, а традиционные отношения немыслимы без религиозной составляющей, без Бога.

Ясно вижу тенденцию: потребительское общество выдавливает традиционное. Эта тенденция касается даже Кавказа, где традиции еще в целом живы. Только среди старообрядцев сохраняются традиционные семьи, прежде всего в силу того, что старообрядцы живут общинами, охраняя их по возможности от влияния меняющегося окружающего мира. Я не знаю, как остановить этот процесс выдавливания. Возможно, в случае какой-либо масштабной катастрофы, ставящей под вопрос само выживание людей, возродится традиционное общество, вернуться к жизни старые ценности. Однако сейчас потребительское общество наступает, а быть потребительским и непотребительским одновременно невозможно, совместить не удастся. Ну и, конечно, надежда на Бога.

**АЛЯУТДИНОВ
ИЛЬДАР РИФАТОВИЧ**
муфтий Москвы

НАСТОЯЩАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ — В ЕЕ ОСОЗНАНИИ (ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИСЛАМА)

Ислам и современные семейные практики — о взаимном долге и обязательствах

В современных реалиях представления людей о взаимном долге и обязательствах перед партнерами заметно меняются. Люди чаще стали говорить о собственных правах, о любви к себе и своих желаниях. Эта тенденция наблюдается повсеместно, зачастую такой эгоцентризм транслируется в массы через сомнительные марафоны и тренинги. Несомненно, тема познания себя и своих потребностей очень важна: истинная любовь к себе порождает такое же отношение к окружающим, так формируются здоровые отношения, основанные на взаимоуважении и взаимоподдержке. Однако при этом человек должен осознавать ответственность и помнить не только о своих правах, но и об обязанностях. Когда мы одни, мы отвечаем лишь за себя: свои поступки, дела, слова, устремления, намерения. Но когда мы становимся частью семьи, ответственность значительно приумножается. И если мы не смогли на основе предписаний Всевышнего воспитать в себе данное важное качество, то сохранение гармоничных внутрисемейных отношений может оказаться под вопросом.

Нередко звучащая сегодня идея «никто никому ничего не должен» отрывает людей от важнейших принципов, превращая общество в серую массу, где каждый только за себя. Как результат, люди перестают быть частью чего-то большего: семьи, рода, клана и пр. На самом деле не существует разумных причин, которые подталкивали бы людей жить разрозненно и игнорировать друг друга. Наоборот, истинные мотивы, построенные на правильной логике и чистых чувствах, побуждают людей проявлять мягкость друг к другу и тем самым вносить свой вклад в отношения (в рамках семьи,

сообщества и общества в целом). В едином организме нет второстепенных ролей, также и в отношениях, семье, обществе каждый ценен и значим. Развитие и прогресс возможны только тогда, когда есть здоровое взаимодействие между людьми.

Многие сегодня вступают в брак, ограничиваясь мыслями о счастье лишь для мирской жизни, совершенно не задумываясь об отчете перед Создателем. Между тем муж и жена должны помогать друг другу удаляться от адского наказания, что требует участия каждого из супругов. Некоторых такая ответственность может напугать, ведь мы не в силах повлиять на другого человека. Как следствие, уже при первых трудностях и недопонимании молодые люди готовы пойти на развод. На самом же деле гармония и взаимопонимание в семье достигаются только тогда, когда каждый из супругов осознает свою роль. Мужчина — глава семьи, он несет ответственность за своих домочадцев и их благополучие. Женщина, в свою очередь, ответственна за создание в доме благоприятной атмосферы, поддержание уюта и взаимопонимания. Как бы парадоксально это ни звучало, но настоящая ответственность друг за друга выражается в осознании собственной ответственности. Когда мы осознаем свою роль, понимаем и принимаем свои обязательства, мы даем возможность раскрыться, расти тем, кто рядом. Семья с точки зрения ислама — это маленький райский уголок, где каждый из ее членов находит спокойствие и умиротворение, где царит атмосфера любви и взаимопочтения, где зарождаются благородные ростки прекрасного будущего.

О причинах семейных конфликтов

Каждый из нас уникален, отношения в семьях также неповторимые. Поэтому и причины конфликтов могут быть самые разные. Величайшее заблуждение — считать, что семейные отношения прерываются, когда уходит влюбленность. На самом деле пары расстаются потому, что теряется другое чувство — чувство ответственности перед Создателем и друг перед другом. Многие века назад посланник Аллаха (да благословит его Всевышний и приветствует) подчеркивал: «Каждый из вас ответственен за свое управление: имам ответственен за тех, кто за ним, и будет спрошен о них; муж — глава семьи, и [он] ответственен за нее [свою семью]; жена ответственна за домашний очаг (за домашнее хозяйство), за что и будет спрошена. Слуга (наемный рабочий) ответственен за имущество своего хозяина (работодателя) и будет спрошен за это. Каждый из вас — управляющий, и будет спрошен за управляемое им».

Возможной причиной семейных трений и проблем является и то, что люди не работают над такой чертой своего характера, которая в Коране и хадисах называется

солах, то есть правильность, праведность, благочестие. Причем данное слово в коранических и пророческих повествованиях употребляется обычно именно в контексте семьи. Священный Коран гласит: «Сочетайтесь браком с людьми благочестивыми, благонравными. Если кто-то из вас будет беден, Всевышний обогатит вас по милости Своей» (Св. Коран, 24:32).

Некоторые создают семьи по инерции, не задумываясь, чего они ждут от совместной жизни. Порой отсутствие общих целей и идеалов способно разрушить отношения гораздо быстрее, чем ссоры и конфликты. Когда один духовно растет, поднимается и взлетает, а другому не до духовного роста — лишь бы с повседневными заботами справиться, — возникает кризис в отношениях супругов.

Прочность взаимосвязи супругов зависит и от того, насколько хорошо они понимают друг друга. Некоторые предпочитают не задумываться над своим поведением, отрицают трудности в общении, не обсуждают их. Но общение важно, потому что нет иного пути, чтобы совместно разрешить сложности во взаимоотношениях. Важно терпеливо и мирно обговаривать друг с другом проблемные моменты, контролировать свои переживания и учиться видеть себя со стороны. Также важно умение слушать и слышать друг друга, без него общения не получится: вместо диалога будут звучать два монолога.

Семья — Божий дар, который нужно беречь. Различия между мужчиной и женщиной должны обогащать нашу жизнь стремлением к гармонии, возможностью внутренне расти и совершенствоваться вместе. Семейные отношения необходимо строить вдвоем. Каждый день и на протяжении всей совместной жизни. Только так можно быть уверенными, что вы на истинном пути.

Текучая любовь:
секс, интимность, близость
за пределами брака и моногамии

**ТРАВКОВА
МАРИНА РАХИМЖОНОВНА**

системный семейный психотерапевт,
преподаватель НИУ ВШЭ

МИНИМАЛЬНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ВОЗНИКАЮТ В АБСОЛЮТНО ЛЮБОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ КОНТАКТЕ¹

Идеал романтической любви во многом строится на представлении о том, что в отношениях двоих самое главное обязательство друг перед другом — это верность. Однако под «верностью» люди могут понимать разные вещи. Для кого-то она в первую очередь означает сексуальную эксклюзивность. Для кого-то — эксклюзивность эмоциональную. Что может случиться, когда в отношениях двоих появляется кто-то третий? Как пары справляются с неверностью? И подразумевают ли «отношения на стороне» полное отсутствие обязательств друг перед другом? Об этом «СоциоДиггер» поговорил с Мариной Травковой — психологом, семейным психотерапевтом, автором книги «Неверность» (М.: Бомбора, 2021).

От партнерства ждут именно партнерства

Представления о взаимных обязательствах в браке постепенно меняются, хоть и незначительно. В первую очередь это касается женского городского населения. У женщин, которые работают и зарабатывают, появляется желание, чтобы мужчина иначе распоряжался своим временем и уделял больше внимания бытовым вопросам. От партнерства ждут именно *партнерства*, и уже сходит на нет женская идея о том, что выйти замуж — само по себе большая радость, а все,

¹ По мотивам интервью специально для СоциоДиггера. Интервью брала Полина Аронсон.

что к этому замужеству прилагается, — это по умолчанию твои женские обязанности. То есть сомнению подвергается сам концепт женских обязанностей и, соответственно, идет их перераспределение — с опорой на финансовую независимость.

Моя выборка не вполне репрезентативна, ведь на консультации приходят только с проблемными случаями. Но если судить по ней, то многие конфликты случаются именно из-за того, что в семье или в паре, где есть два работающих партнера, неравномерно распределяются время и финансы. Иногда женщина зарабатывает гораздо больше мужчины, а время, которое уделяется хозяйству и детям, распределяется по старой, традиционной схеме, бóльшая часть бытовых обязанностей ложится на женщину. Это почва для недовольства: невовлеченный, непонимающий партнер, которого уже не оправдать мифическим «добыванием мамонта». Мужчины видят это по-своему: «бабы испортились», «феминистки виноваты». Нередко это защита: мужчины в современном мире чувствуют себя уязвимыми. Роль «добытчика» и «кормильца» с них снята еще не полностью, а одновременно с этим пришли новые правила игры, которых они не понимают или готовы в них увидеть только одно — «меня больше не уважают». За этим обычно следует защитное поведение, в том числе агрессивное.

Много недовольства тем, что женщины руководят «эмоциональным менеджментом» всей семьи, а мужчина — на подпевках, сбоку. Или, как обычно говорят, «помогает». Я часто слышу: «Он может просто завернуть к Васе на пиво, потому что на меня можно положиться. Но мне, чтобы увидаться с подругой, нужно организовывать няню и всех предупреждать». То есть по умолчанию расписание семьи и дети остаются на женщине. Многих обременяет «строительство» отношений между супругом и детьми, и даже супругом и его родственниками. Сюда относятся, например, подарки детям на праздники и дни рождения, «от папы» или «от нас с папой», подарки свекрови. Гендерная социализация по-прежнему обуславливает расклад, в котором кто-то думает обо всех и за всех, а кто-то просто может отступить в сторону. Повторюсь, это не про все семьи, и встречаются обратные истории: когда за хозяйство, детей и эмоциональный труд в большей степени отвечает папа. Но такое случается реже.

До сих пор сохраняются отголоски гендерных различий в понимании брака как чего-то, что очень нужно женщине, а бравый мужчина этому сопротивляется изо всех сил — и если уж его заарканили, то он все-таки герой, который внутри до конца не сдался. Такие аспекты меняются медленно, а помимо прочего, у нас еще и «сверху» задан ориентир на загадочные «традиционные ценности»,

и от отцов требуется, скорее, быть готовыми к военной мобилизации, нежели быть привязанными к своим детям.

Развестись, не разводясь

Нередко люди не расстаются исключительно из экономических соображений, потому что понимают — и это произносится прямым текстом, — что уже ничего не хочется, но разъехаться на два домохозяйства экономически невыгодно, это ударит по всем. Многие семьи живут в режиме выживания: две карьеры — не роскошь, а необходимость. А если дети есть и их несколько, это и логистика, и финансы: тут проще все держать под одной крышей. Появляется своего рода отложенный развод, переход к со-родительству. Фактический развод происходит, когда дети подрастают и уходят, или не случается совсем, потому что — какой смысл?

В России есть такой интересный вариант: развестись не разведясь, «дачное супружество». Если у семьи есть городская квартира и есть дача, особенно приспособленная для жизни в холодное время года, то часто жена может месяцами жить в городе, а ее муж — на даче, или наоборот. Это можно назвать полугостевым браком: счастливы в разных местах, иногда уже и с другими людьми, но развода нет, а по большим праздникам перед детьми, друзьями и внуками они снова выступают как пара.

Быть в безопасности от вранья

Полиаморные люди обсуждают заранее то, что люди в моногамных отношениях нередко начинают обсуждать уже после того, как кто-то «сорвался», изменил, случилось какое-то страшное преступление против парности. Суть полиаморных отношений в идеальном мире — честность и коммуникация. Из таких обсуждений рождаются какие-то регламентации, правила, нарушение которых тоже может быть болезненно — не в меньшей степени, чем в моногамных парах. Например: «ты идешь на свидание, но пусть оно будет разовое»; «каждый из нас имеет право дарить любовникам подарки, но не больше такой-то суммы»; «целоваться можно туда-то, а туда-то нельзя», — и тому подобное. И еще это риск, потому что никто заранее не знает, насколько кто-то удержится, чтобы не влюбиться не нарушить договоренности.

Казалось бы, в полиамории больше дозволено и должно быть проще. Но это так же сложно, как и в моногамии. В полиамории люди тоже друг от друга многого ждут — той же поддержки, принятия, того, что их не исключат, что их желания и интересы будут услышаны и соблюдены.

Одна из распространенных мотиваций прихода к полиамории: у меня есть любимый человек, от которого я не хочу отказываться, и появился еще один, не хочу никому врать и никого терять. Другая мотивация — это быть в безопасности от вранья. Напуганные неудавшейся моногамией окружающих, люди экспериментируют, стараясь отменить ревность и построить иные отношения. Интересно, что с похожей мотивацией кто-то вступает в отношения с заведомо несвободными людьми, женатыми, замужними или в отношениях: если обманывают со мной, значит — обманывают не меня. Это кажется более безопасным. В полиамории тоже есть этот мотив: участники берут обязательство быть открытыми и проговаривать свои желания, ревность и переживания. Но и эти, даже честно выполненные обязательства, не дадут вечных гарантий: не всё на свете догадаешься проговорить заранее. Сюрпризы возможны в любой форме отношений, еще и просто потому, что люди меняются.

Скажем, мужчина, живущий в открытых отношениях, иерархической полиамории (когда основной партнер остается главным), съездил к одной из своих партнерш, помог ей починить кран, а жена дома обиделась, потому что с ней это не согласовали. И он может ей говорить: «Но ведь мы же с тобой обсуждали, что мы можем, не согласуя друг с другом, если это не вредит никаким нашим бытовым делам, обязанностям, взять и съездить в течение дня на час-два». На что он может услышать, что одно дело — всего лишь секс на два часа, а другое — вот такая бытовая интимная помощь, такая классическая мужская помощь «дамочке в беде» — это уже совсем другое. И вот то, что это «совсем другое», не узнаешь, пока не столкнешься с этим в жизни, будь ты хоть моногамен, хоть полиаморен. И поэтому многие специалисты упражняются в создании длинных больших списков того, что нужно обсудить в отношениях, и при переходе к открытым отношениям в частности. Думаю, абсолютного списка нет, и как моногамные, так и полиаморные люди все равно вынуждены сжиться с идеей, что другого человека, других людей придется узнавать и переузнавать, и что тотальной безопасности в отношениях не может быть. Они всегда — риск, риск потери самих отношений, риск потери партнера, риск оказаться тем, кто разлюбил первый.

В полиаморных отношениях есть границы, просто в моногамных парах они чаще проходят по контуру сексуальной эксклюзивности, а здесь границы в другом

месте. У каждой пары, или поликулы², своя мини-культура, свои правила. Для кого-то «сходила с коллегой в кино, а сказала, что была у подружки», — достаточный повод, чтобы ощутить укол, почувствовать, что происходит «не то». Для кого-то «лгал двум своим партнершам о наличии третьей» — та же неверность, так же болит, пусть все и жили в открытых отношениях. Да, — скажут вам, — открытых, но не лживых же.

В полиаморной среде много фольклора, юмора про то, что все думают, что полиаморы все затеяли для секса, а у них столько разговоров и обсуждений, что до секса порой и не доходит. Классическая полиамория, построенная по принципу «букета моногамий» (где участников просто больше, чем два) — это не форма гедонизма, это форма преодоления моногамных ограничений, преодоление идеи о том, что ты прикован всю жизнь к одному партнеру и должен отказаться от других людей, другого себя, от того, чтобы быть и с одним, и с другим любимым человеком. Гедонистами разве что выглядят те, кому нравится знать, что у них есть постоянный партнер, но при этом себе они разрешают сексуальное и интимное разнообразие, которое партнеру либо не разрешено, либо попросту не нужно. Во втором случае это довольно удачный компромисс при разнице сексуальных желаний или appetitov. Но обязательства есть и в этом случае, про границы, про тайминг, про финансы, про социальное окружение. Иногда они эксплицитные, то есть про них поговорили. А иногда имплицитные — молчаливый договор про «не говори, не спрашивай». Или «делай что хочешь, только не в открытую». Это уже формы того, что удачно означается словечком «monogamish».

Полиамория как «чистая идея» куда прозрачнее и честнее моногамии, она предполагает обсуждение влечения к людям за пределами пары. Требования абсолютной моногамии для большинства людей просто невыполнимы. Кто не согрешил хотя бы в сердце своем? Кто не фантазировал о других? Не влюблялся хотя бы платонически и безответно? Кто все еще верит, что можно прожить от юности до глубокой старости только с одним партнером? Если однолюбы и есть среди нас — их бы стоило рассматривать как уникальное явление. Абсолютное большинство идет через серию отношений. Если они эксклюзивные — нехорошо иметь двух партнеров разом. Но сначала одного, а потом другого — можно. Полиамория преодолевает именно эту инерцию. В каком-то смысле она подхватывает знамя «любви до гроба» — через отказ идти сквозь эту серийность.

² Группа людей, связанных сексуальными, интимными, любовными отношениями.

Неверность стала такой страшной, потому что она отрицает всего человека целиком

К неверности люди относятся по-разному, есть определенный процент тех, кто скажет: «Господи, дело житейское, да, неприятно, да, больно, но бывает. Поскандалили, поразбирались, но не разрушились». Кого-то защищает стереотип, свойственный культуре, что неверность — это нечто неизбежное, судьба или нечто «по природе», «все они такие». То есть это не про него, это не про меня, это просто такой общий случай. Да, неприятно, как град, побивший посевы, но бывает, со всеми случается, переживаемо.

Остро воспринимается, пугает хуже смерти, когда чувствуешь себя больше «мы», чем «я», когда отношения — жизненный проект или единственная призма, через которую смотришь на себя и оцениваешь себя. Мы впитали в себя романтический дискурс (который по-прежнему звучит из примерно каждого утюга) — что где-то есть один уникальный, для тебя созданный человек, который даст тебе все, пазл сложится: и эмоционально, и финансово, и как друзья, и как любовники, и как родители. И тогда, выходит, то ли выбрали не тебя («что со мной не так?»), то ли ты сам не умеешь выбирать («что-то со мной не так») — это бьет по субъектности. Неверность стала такой страшной, потому что она отрицает всего человека целиком. Особенно первые недели, месяцы — экзистенциальный ужас, страх смерти и исчезновения, самый настоящий, наверное, сравнимый с эмоциями ребенка, у которого внезапно не стало мамы, а с ней и всего тепла, подтверждения собственной значимости, безопасности и поддержки.

Неверность — это коммуникативный акт

Часто неверность — это коммуникативный акт, и не всегда это высказывание в сторону партнера. От осознания этого факта может стать легче. Как сексом, так и любовью, и вообще любым поведением, так и неверностью, многое можно сказать; в коммуникации всегда несколько уровней. Есть фактическое содержание, буквально слова, а есть еще один уровень — интонациями можно выражать противоположное. (Попробуйте сквозь зубы злобно прошипеть «Люблю тебя» — и вы поймете, о чем речь.) Есть так называемый командный аспект: в коммуникативный акт вшито, кто имеет право быть его инициатором и как эта инициатива проявляется. В этом смысле неверность мужчины жене, которую он не отрицает, но искренне подает ей как «ну и что, это потому что ты все время

с ребенком, куда мне было деваться», содержит помимо самого факта неверности еще и интонацию — он ей сообщает, что не раскаивается, и командный аспект — он считает свое прочтение реальности единственно верным, и в этой реальности «все можно, если тебе не уделяют внимания» (здравствуй, гендерная социализация). И, наконец, еще один над-уровень: он сообщает ей, что для него эта неверность функциональна, технична. Некуда было деваться, пришлось прибегнуть к аутсорсингу.

Что еще можно сказать изменой, неверностью? Что угодно. Ею можно сказать: «Я тоже сделаю тебе больно», если ты обижен на партнера. Она может вообще к партнеру не относиться, это может быть сообщение миру про «когда мне тревожно, я не справляюсь», «возьмите меня кто-нибудь на ручки». Секс как телесная практика позволяет избавиться от невыносимости себя, дает временную возможность раствориться в ком-то, если партнера нет под рукой или есть, но он занят, эмоционально недоступен. Есть люди, которые уверены, что они не хороши и рано или поздно в них все разочаруются. Поэтому неплохо бы строить «запасные аэродромы», иметь подстраховки. Неверностью можно отомстить, она может быть демонстративной, она может сказать «между нами все кончено», она может быть призывной: «смотри, что я творю, останови меня».

Есть целый ряд ситуаций, когда неверность оказывается связана с тем, что у нас по-прежнему нет культуры хорошего расставания, хотя тема «хорошего распада», наверное, осваивается года с 1995, когда перевели на русский книгу калифорнийской социологини Констанции Аронс, и теперь уже книжных рекомендаций немало³. Но хорошее расставание после дейтинга, особенно хорошее расставание в социальных сетях, в виртуальном пространстве — оно «пишется» прямо сейчас у нас на глазах. И вот кто-то вместо разговора глаза в глаза про «между нами все кончено» предпочитает «выдвинуть» вперед фигуру любовника и самому несколько устраниваться, прикрыться новыми отношениями, как щитом, чтобы не обсуждать старые.

Есть устойчивые треугольники, в которых третий рано или поздно вступает в косвенную или прямую борьбу/соперничество с основным партнером, и пока эти двое — любовник/любовница и основной партнер, которому неверны, — занимают перетягиванием каната, у «виновника торжества» — «лапки». Он или она позволяет за себя бороться. Напряжение ходит между тремя сторонами, а случись одной из них отвалиться, высока вероятность, что не выдержат совместности

³ 6 полезных книг о разводе // Psychologies. URL: <https://www.psychologies.ru/wellbeing/6-poleznyih-knig-o-razvode/>.

и остальные две — уж слишком оно велико. Люди часто видят неверность как глыбу, внезапно выросшую на их жизненном ясном пути. Но для меня это скорее перекресток многих дорог и факторов, и это процесс, у которого есть развитие в прошлом и последствия в будущем. Если не брать случаи ситуативные — «по пьяни завертелось». Но последствия есть и у них.

Полиамория спасает от необходимости прерывать одни значимые отношения, когда появляются другие значимые отношения

От неверности полиамория не спасет. Полиаморные люди тоже изменяют — это случается, просто границы, за которые выходит кто-то из поликулы, могут быть и не про секс, но и про время, финансы и прочие совместные практики. Полиамория спасает от необходимости прерывать значимые для тебя отношения, когда у тебя появляются другие значимые отношения. Но, в общем, от всего прочего — ревности, например, она спасти не может. Переходя к открытым отношениям, люди с ревностью справляются, тренируются не поддаваться ей — это вполне возможно. Кроме того, это иной быт. Что-то проще делить на троих взрослых, но... Если в квартире живут два человека и кто-то оставил незакрытым молоко, оно прокисло, то все знают, кто это сделал. Если их трое или больше, возникает масса вариантов, которые известны, в общем-то, всем людям, живущим хотя бы с одним ребенком: я не я, я не видел, я не знаю, это он, это она или кто-то берет ответственность на себя, чтобы мама кого-нибудь не ругала или папа не возмущался. Возникают альянсы, коалиции, тайны, секретники на двоих, где третьего исключают. Поэтому так важна честность.

Под честностью моногамия понимает разрыв одних отношений во имя других. Полиамория спрашивает: «А, собственно говоря, почему?». Дэн Сэвидж, американский журналист и писатель, рассказывает в фильме «Моногамиш» о знакомом, гордящемся тем, что верен своим женам, которых он менял одну на другую каждые три-четыре года. И спрашивает: чем же это хорошо? Не лучше ли полиамория, которая не разрывает семью, не заставляет родителей разъезжаться, лишая детей привычного им мира?

Не сказать, что какая-то из форм проще. У моногамии полным-полно подводных камней, она очень хрупкая. И у полиамории немало рисков и вызовов, и она не менее хрупкая. Полиамория еще и стигматизируется, периодически звучат какие-то законодательные инициативы, стремление запретить подобные «нетра-

диционные» ценности. И, конечно, гендер, будь он неладен: в полиаморной тройке из одного мужчины и двух женщин по отношению к женщинам будет немного нездоровое любопытство «ох, как же это вы себя так не уважаете». А мужчина будет героем в глазах многих: с двумя живет, хорошо устроился. Если это одна женщина и двое мужчин, нелицеприятно будет маркирована ее сексуальная активность. Но если мы будем честными, большинству из нас придется признать, что браков и отношений, которые долго удерживаются в границах исключительно моногамных отношений, куда меньше, чем принято себе представлять. Большинство из нас, скорее всего, — «моногамиш».

o Любовнику или любовнице ты тоже должен

Какие-то минимальные обязательства возникают абсолютно в любом человеческом контакте. Даже если ты приходишь на работу в офис, у тебя есть обязательства здороваться с коллегами, если кто-то в комнате говорит: «Девочки, где степлер?», на это откликаются и отвлекаются более-менее все.

Многие люди, уверяющие, что не хотят ничего, кроме чистого секса, могут сами себя удивить. Согласно исследованию Ширли Гласс⁴, люди, иницирующие контакт «только ради секса», после него все равно меняют свое эмоциональное отношение к другому на более теплое, вовлеченное. К тому же для женщин при случайном сексе риски быть подвергнутыми насилию, принуждению, огласке выше, чем для мужчин — и особенно в России. Есть и страх забеременеть. Поэтому многие стараются сначала проверить партнера на «эмоциональную состоятельность», на безопасность.

Обязательства по отношению к любовникам есть, ими все пронизано, мне кажется, их можно найти в довольно ранних нарративах. Эти нарративы где-то скабрзные, как в «Декамероне», где-то шаловливые, где-то морализующие, они так или иначе рассказывают, как тебе быть, когда ты в отношениях помимо брака и чего тебе ждать от брака. И сейчас тоже живут идеи о том, что «хороший муж — это не тот, кто не изменяет, а тот, кто правильно скрывает», что «тигр не охотится в своих владениях», что «хороший левак укрепляет брак» и проч. Для женщин: «мудрая жена не видит», она ждет, «когда он перебесится», «со всеми бывает» и «ночная кукушка дневную перекукует» — намек на то, что где лучше секс и где ночуют, там и сердце.

⁴Glass S. (2003) Not «Just Friends»: Rebuilding Trust and Recovering Your Sanity After Infidelity. NY: Atria Books.

Любовнику или любовнице ты должен, для начала, хранить вашу общую тайну. Это — несущая конструкция. В книге Ульриха Клемента «Когда любовь идет на-лево» я впервые встретила рекомендации не морализирующего толка: правила для тех, кто изменяет, для их партнеров и для любовников⁵.

Упоение, которое люди переживают, когда влюбляются, когда флиртуют, когда роман в самом его начале, часто связано с чистым, детским состоянием: мы шалим, и никто еще нас не застукал, никто еще не сказал «нельзя» и никто еще не напомнил, что тебе за это будет. Но обязательства между тем, кто изменяет, и любовником/любовницей все равно появляются: например, про то, когда можно звонить или писать, где можно себя афишировать, а где нет, и проч. И для очень многих таких афер появление обязательств на стороне — это и есть начало их конца, просто потому что из прекрасной шалости они превращаются в нечто знакомое — отношения с обязательствами, такие же, которые уже есть с супругом/супругой.

⁵ Clement U. (2014) Wenn Liebe fremdgeht: Vom richtigen Umgang mit Affären. Ullstein. URL: <https://www.psychologies.ru/standpoint/a-ved-ya-tebe-tak-veril-a-pravila-dlya-teh-komu-izmenili/>

**ЛУНИН
ИГОРЬ ИЛЬИЧ**

кандидат психологических наук,
исследователь НПФ «Свирк» (СПб-Торонто)

ПОДХОДИТ ЛИ СЛОВО «ИЗМЕНА» ДЛЯ ОПИСАНИЯ ВНЕБРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ?

Секс — сложная для описания сторона человеческих отношений. При этом важно различать житейский и научный язык. В СССР, например, тема секса была табуирована, даже ученые не осмеливались ее широко изучать. Сам секс считался легитимным лишь в браке мужчины и женщины, «освященном» государственной регистрацией. Именно поэтому он делился на добрачный, брачный и внебрачный. Добрачный и внебрачный секс осуждался, правильным и «законным» был секс в браке, внебрачный секс в житейском и юридическом языке назывался изменой. Это слово прижилось настолько прочно, что и в современной России оно широко распространено. И именно на нем я хотел бы остановиться подробнее, рассмотреть его с логической, исторической, лингвистической, этической и научной точек зрения.

Логическое противоречие

В русском языке есть два устойчивых понятия: «измена Родине» и «супружеская измена». В обоих случаях «измена» означает нечто очень плохое и необратимое, чему нет и не может быть прощения. Смешение в одном понятии социального и личного приводит к тому, что социальные коннотации перекрывают любые оттенки на личностном уровне. В результате термин «внебрачные отношения», названный «изменой», вместо того чтобы объяснять ситуацию или явление, закрывает практически все пути для его полноценного, безоценочного изучения и осмысления. И все-таки именно слово «измена» — как слово и как понятие — используется российскими психологами и социологами в работах, связанных

с исследованием «внебрачных отношений», при переводе книг о «внебрачных отношениях»¹.

Заметим, что в целом труднее понимать суть явления или ситуации, когда разные события называют одним и тем же словом, чем когда одно и то же событие определяется разными словами.

Историческая несправедливость

Сторонники использования слова «измена» для описания внебрачных отношений ссылаются на то, что в советской и российской психологии этим словом пользовались еще 50 лет назад. Долгое время единственным средством описания интимной жизни на русском языке был язык сексопатологии. Секс рассматривался через оптику извращений и перверсий.

Но в 1988 году вышла книга Игоря Кона «Введение в сексологию», первая в России научная книга по исследованию сексуальности. Игорь Кон не только смог размедикализировать и раскриминализовать сексуальную жизнь человека, но и ввел в речь адекватный научный язык для описания сексуальности.

Он создал тезаурус описания секса, научил российское общество говорить о сексе спокойно, избегая оценочных терминов. Благодаря Кону появилась возможность описывать сексуальные переживания не только в научной литературе, но и на житейском уровне². Кон никогда не пользовался словом «измена», а называл внебрачные отношения «внебрачными связями» или «параллельными отношениями».

Лингвистическая ловушка

Искажение смысла нередко связано с качеством перевода.

В только что изданной на русском языке книге американского психолога Ширли Гласс (Shirly P. Glass) «Не только друзья» есть такие фразы: «Способствовать

¹ См. например: Спринг Дж., Спринг М. Измена. Как справиться с болью, восстановить доверие и начать жить заново. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021; Афанасьев А., Миронова М., Самортова А., Гуэдова С. Почему я сплю с другими? Психология измены. М.: Феникс, 2021; Димитрошкина Л. Верность и измена. Книга-тренинг. М., 2013.

² Кон И. С. Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. 2-е издание. М.: Айрис-пресс, 2005. Подробнее о работах И. Кона см.: Тартаковская И. Н., Лунин И. И. Социальные трансформации гендера и сексуальности в свете идей И. С. Кона // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 4–19. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.01>.

измене могут окружение и внешние обстоятельства. Кроме того, нужна возможность изменить... Не все изменники одинаковы»³. Можно подумать, что это пишет не американская психолог, а сотрудник ФСБ, но это всего лишь неправильный перевод. В оригинале использовано слово *infidelity*, которое на русский переводится как неверность.

Наука — явление международное и должна быть понятна ученым разных стран, говорящим на разных языках. В межкультурных исследованиях для обеспечения адекватности перевода обычно используется процедура прямого, а потом обратного перевода. Если обратный перевод не дает исходного значения, значит, перевод неадекватен и должен быть скорректирован. Так вот, обратный перевод на английский слова измена по словарям выдает *changes* — изменения или *treason* — предательство, но никак не неверность, которую имела в виду Ширли Гласс.

Научное изучение проблемы

Слово «измена» могло быть адекватным для описания определенных внутренних переживаний и общественного отношения к сексу в определенный исторический период, когда единственным вариантом легитимного секса был секс в узаконенном браке. Однако сегодня оно оценочно-осуждающее, а потому непригодно для научного языка: дело науки не судить, а понимать. В науке должен быть научный язык, и житейские слова далеко не всегда подходят для точного и адекватного описания явлений сексуальности.

Есть и этическая сторона вопроса. Недопустимо, чтобы внебрачные отношения изучались с позиций морального превосходства или в оценочных терминах. Это попросту нарушает профессиональную этику.

³ Гласс Ш. Не просто друзья. 2021.

**ЛОМАКИН
ИЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВИЧ**

стажер-исследователь Лаборатории сравнительных социальных исследований им. Р. Ф. Инглхарта, НИУ ВШЭ;
редактор-переводчик, Всероссийский центр изучения общественного мнения

ОДНОПОЛЫЕ СОЮЗЫ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Интимная гомосексуальная пара — явление относительно новое. Как сложились практики постоянного партнерства, сожительства и брака в однополых союзах? Одна из точек зрения предлагает обратиться к важному сюжету квир-истории западных обществ (в первую очередь США) — старту эпидемии СПИДа в 1981 году. Именно гомосексуальные мужчины, часто ведущие крайне интенсивную половую жизнь¹ (в этом контексте интересно вспомнить изначальное значение англоязычного слова *gay* — веселый, беззаботный, ничем не обремененный), стали первыми жертвами быстро распространявшейся болезни, которую поначалу даже называли «раком геев» (*gay cancer*)². Одно из исследований нью-йоркских геев начала 1990-х годов установило, что около трети опрошенных потеряли близкого друга или партнера из-за СПИДа³. Эпидемия сильно поменяла ЛГБТ-, и в первую очередь гей-сообщество. Под ее воздействием выросла сексуальная тревожность: гомосексуалы вынуждены были стремительно менять свои сексуальные практики, стремясь сделать секс максимально безопасным и защищенным. Помимо множества психологических изменений, в таких условиях усилился акцент на верности как одной из основных ценностей в отношениях. Стабильные партнерские отношения и моногамия становились особо ценными, желанными, в то время как не так давно казавшиеся привлекательными «радикальный секс» и круговорот партнеров начали подвергаться критике⁴.

¹ Как отмечает Игорь Кон, «одно из главных общих отличий мужской сексуальности от женской состоит в ее экстенсивности и инструментальности: мужчины имеют значительно больше сексуальных партнеров, чаще меняют их, легче вступают в случайные, безлюбвные связи и т. д. Это имеет под собой как социальные (господствующее положение мужчин), так и биологические основания. По этому чисто количественному критерию (количество и сменяемость партнеров) мужчины-гомосексуалы оставляют далеко позади даже самых завязатых гетеросексуальных донжуанов» (Кон И. С. Лики и маски однополрой любви. Лунный свет на заре. М.: Астрель: АСТ, 2003. С. 418).

² Сегодня этот исторический период довольно пристально исследуется в западной популярной культуре. Сериал «Это грех» (*It's a Sin*, 2021), телефильм «Обыкновенное сердце» (*The Normal Heart*, 2014) или оscarоносный «Далласский клуб покупателей» (*Dallas Buyers Club*, 2013) — пожалуй, одни из самых ярких примеров данного тренда.

³ Patterson C. J. (2000) Family Relationships of Lesbians and Gay Men. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 62. No. 4. P. 1054.

⁴ Кон И. С. Лики и маски однополрой любви. Лунный свет на заре. М.: Астрель: АСТ, 2003. С. 302—304.

Стабильность, уровень удовлетворенности и благополучия

Сожительствующие лесбийские и гей-пары в целом чаще расходятся, нежели женатые гетеросексуалы, поскольку зачастую не видят перед собой институциональных барьеров: социальных, религиозных, правовых. Отсутствие таких барьеров сопряжено и с недостатком как институциональной, так и любой другой поддержки (в том числе и со стороны близких), что особенно верно для России. К таким выводам приходят психологи и социологи семьи, основываясь на долгосрочных наблюдениях за однополыми союзами. В частности, исследование Джонатана Мора и Рут Фассингер подтвердило влияние гомофобных условий на качество взаимоотношений и, как следствие, на удовлетворенность партнеров: респонденты, менее озабоченные своей гомосексуальностью и негативным отношением общества к себе, оценивали качество своих взаимоотношений выше, и наоборот⁵. Авторы отмечают, что эти выводы более справедливы для геев, объясняя результаты тем, что социальное осуждение мужской гомосексуальности сильнее, нежели женской.

Такая ситуация особенно актуальна для стран, в которых отсутствует правовая база для юридического закрепления однополого партнерства. К примеру, даже несмотря на то, что российские ЛГБТК+ сегодня имеют возможность «цивилизованно», через специализированные агентства, заключить брак в Дании, Португалии или Мексике⁶, в России он признан не будет: при прочих равных подобные союзы признаются лишь в странах, обеспечивших своим гражданам брачное равенство. Так пропадает еще одна сдерживающая нить. Исследования подтверждают, что для однополых пар формально заключенный брак обеспечивает эмоциональное здоровье и удовлетворенность текущими взаимоотношениями, что позволяет говорить о более высоком качестве таких взаимоотношений, большем благополучии⁷. Нелишним здесь будет и напоминание о том, что брак несет целый ряд правовых возможностей для партнеров, а в его отсутствие два фактически близких человека с юридической точки зрения остаются друг другу никем. Это влечет за собой много сложностей в случае тяжелой болезни или смерти одного из партнеров, расставания, раздела совместно нажитого имущества и т. п.

Существуют также своего рода стереотипы, состоящие в том, что гомосексуальные пары не могут построить крепкого союза. Эмпирические данные этот тезис опровергают. Впечатляющим представляется то, что в условиях дискриминации

⁵ Mohr J. J., Fassinger R. E. (2006) Sexual Orientation Identity and Romantic Relationship Quality in Same – Sex Couples. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 32. No. 8. P. 1095.

⁶ См., например: Равный брак. URL: <https://ravnyiibрак.com/> (дата обращения: 12.02.2022).

⁷ Fingerhut A. W., Maisel N. C. (2010) Relationship Formalization and Individual and Relationship Well-being among Same – Sex Couples. *Journal of Social and Personal Relationships*. Vol. 27. No. 7. P. 965.

и отсутствия поддержки государственных институтов, доступной гетеросексуалам, однополые пары, пусть и намного реже, но все-таки способны выстраивать достаточно долгосрочные отношения. Крупное демографическое исследование, изучавшее *lesbigay*-население Калифорнии, фиксировало, что длительность отношений между партнерами, зарегистрировавшими свое сожитительство, оказалась больше, чем между теми, кто этого не делал⁸. Важным фактором долгосрочности гомосексуальных партнерств является их выстроенность на эмоциональной сплоченности, любви, поддержке, эмпатии, общих интересах и ценностях⁹.

Под одной крышей: распределение обязанностей и конфликты

В любом сожительствующем союзе — гетеро- или гомосексуальном, — по умолчанию или договариваясь, партнеры утверждают, что каждый должен вносить свой вклад. Таким образом, возникает вопрос: «Who does what?» Западные исследования утверждают, что вследствие специфики распределения каких бы то ни было ролей в однополых союзах разделение домашнего труда у геев и лесбиянок само по себе намного более гибкое. Партнеры стремятся распределять объемы работы в соответствии со своими возможностями и предпочтениями, причем часто так, чтобы каждый из них выполнял равное количество различных видов деятельности. Также известно, что геям больше свойственно разделение обязанностей при условии закрепления за тем или иным партнером определенного спектра обязанностей (то есть происходит своего рода специализация партнеров), в то время как лесбиянки стремятся разделять между собой каждый род деятельности¹⁰. Есть, однако, российские исследования, отмечающие «прослеживающееся влияние гетеронормативной среды»: гомосексуальные пары могут называть друг друга в бинарных категориях по типу «муж/жена» или «он/она», а «распределение домашних обязанностей и труда [может] выстраиваться по „традиционному сценарию“»¹¹.

В большинстве семей геев и лесбиянок отсутствует модель одного кормильца, то есть оба партнера работают, что обеспечивает определенный уровень их

⁸ Carpenter C., Gates G.J. (2008) Gay and Lesbian Partnership: Evidence from California. *Demography*. Vol. 45. No. 3. P. 584—585.

⁹ Нартова Н. Лесбийские семьи: реальность за стеной молчания // Семейные узы: модели для сборки. Кн. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 314.

¹⁰ Kurdek L. A. (1993) The Allocation of Household Labor in Gay, Lesbian, and Heterosexual Married Couples. *Journal of Social Issues*. Vol. 49. No. 3. P. 136.

¹¹ Егорова Н., Шорыгин Е. (2020) Партнерство, семья и родительство в нарративах незарегистрированных пар // Журнал исследований социальной политики. Т. 18. № 2. С. 244.

экономической независимости. Безусловно, доминирование одного из супругов в семейных делах, обеспеченное более высоким уровнем дохода, образования, старшим возрастом и т. д., может иметь место (особенно в гей-парах)¹², однако определено, что в гомосексуальных сожительставах существует более выраженная, чем у гетеросексуалов, установка на равное распределение домашнего труда. Кроме того, подобная модель балансирования между нуждами всех и возможностями каждого остается рабочей и когда у однополых пары появляются дети: обязанности по уходу за ребенком тоже распределяются наиболее справедливым образом¹³. Важно заметить, что даже в России «гомосексуальные пары хотят иметь детей не меньше, чем гетеросексуальные, только для первых это сложнее реализовать»¹⁴. При этом социальную поддержку гомосексуальные пары зачастую получают больше от друзей, нежели от родственников, отношения с которыми ввиду гомофобии могут быть сильно ограничены или вовсе разорваны¹⁵. Для таких союзов друзья порой оказываются «единственным источником внешнего подтверждения статуса пары»¹⁶.

Проблемы и разногласия неизбежны в любых тесных взаимоотношениях, и можно утверждать, что корни конфликтов в гомосексуальных партнерствах по сути те же, что и в гетеросексуальных. Так, внутрисемейные трудности возникают из-за религиозных, расовых, этнических, социально-экономических различий, а также из-за проблем на работе, денежных затруднений, разногласий с родственниками и т. д.¹⁷ В одном из исследований выделялись наиболее конфликтные сферы у лесбийских и гей-пар, куда вошли стиль вождения автомобиля, секс, чрезмерная критичность партнера, а также уже упоминавшиеся вопросы распределения домашних обязанностей и финансов¹⁸.

Конечно, существуют и поводы конфликтов, свойственные лишь однополым парам. Например, возникающие из-за негативного отношения общества к гомосексуальности споры между партнерами о степени публичности отношений между ними.

¹² Peplau L. A., Beals K. P. (2004) The Family Lives of Lesbians and Gay Men. In: Vangelisti A. L. (ed.) *Handbook of Family Communication*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. P. 240.

¹³ Patterson C. J. (1995) Adoption of Minor Children by Lesbian and Gay Adults: A Social Science Perspective. *Duke Journal of Gender Law & Policy*. Vol. 2. No. 1. P. 204–205.

¹⁴ Егорова Н., Шорыгин Е. (2020) Партнерство, семья и родительство в нарративах незарегистрированных пар // Журнал исследований социальной политики. Т. 18. № 2. С. 247.

¹⁵ Kurdek L. A. (2004) Are Gay and Lesbian Cohabiting Couples Really Different from Heterosexual Married Couples? *Journal of Marriage and Family*. Vol. 66. No. 4. P. 891.

¹⁶ Нартова Н. Лесбийские семьи: реальность за стеной молчания // Семейные узы: модели для сборки. Кн. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 314.

¹⁷ Patterson C. J. (2000) Family Relationships of Lesbians and Gay Men. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 62. No. 4. P. 1054.

¹⁸ Kurdek L. A. (1994) Areas of Conflict for Gay, Lesbian, and Heterosexual Couples: What Couples Argue about Influences Relationship Satisfaction. *Journal of Marriage and the Family*. Vol. 56. No. 4. P. 932.

Или недоверие и ревность, связанные с тем, что геи и лесбиянки, расставаясь с предыдущими партнерами, не рвут связи друг с другом, как это зачастую делают гетеросексуалы, а продолжают общаться и даже помогать друг другу¹⁹.

Разрешение конфликтов между партнерами одного пола, которые и мир видят в относительно схожем ракурсе, оказывается более легким. Некоторые исследователи даже делали предположение, что отношения гомосексуальных и гетеросексуальных партнеров могут работать на разных принципах²⁰. Дело в том, что в конфликте внутри пары, состоящей из мужчины и женщины, инициатор занимает позицию с выдающимися элементами властности и влияния: один партнер предъявляет требование, а другой — отступает. Гомосексуалам же удается спорить более эффективно и конструктивно — возможно, благодаря уже упомянутому выше стремлению к равноправию в союзе, компромиссам, а также отсутствию ориентации на некие гендерные предписания.

В поисках партнера

Примечательно, что при поиске потенциального партнера геи и лесбиянки обращают внимание в основном на те же характерные черты, что и гетеросексуалы. При этом имеют место половые различия: так, мужчины (гомо- и гетеросексуальные), формулируя в объявлениях о поиске партнера свои интересы, делали акцент на внешней привлекательности, в то время как женщины (гомо- и гетеросексуальные) — на личностных характеристиках²¹. Подобное различие на генеральной совокупности фиксировали и массовые опросы²².

Психологи из Университета Миссури в Сент-Луисе Дин Клинкаберг и Сюзанна Роуз исследовали²³ как гипотетические, так и фактические сценарии свиданий у гомосексуальных мужчин и женщин, выявив, что по последовательности событий они мало чем отличаются от свиданий у гетеросексуалов. Больше половины упомянутых действий у геев и лесбиянок сходятся между собой: это, например,

²⁰ Gottman J., Levenson R., Swanson C., Swanson K., Tyson R., Yoshimoto D. (2003) Observing Gay, Lesbian and Heterosexual Couples' Relationships: Mathematical Modeling of Conflict Interaction. *Journal of Homosexuality*. Vol. 45. No. 1. P. 83—88.

²¹ Peplau L. A., Spalding L. R. (2000) The Close Relationships of Lesbians, Gay Men and Bisexuals. In: Hendrick C., Hendrick S. S. (2000) *Close Relationships: A Sourcebook*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications. P. 113.

²² Как россияне строят крепкие отношения // ВЦИОМ. 2020. 14 февраля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kak-rossiyane-stroyat-krepkie-otnosheniya> (дата обращения: 11.02.2022).

²³ Klinkenberg D., Rose S. (1994) Dating Scripts of Gay Men and Lesbians. *Journal of Homosexuality*. Vol. 26. No. 4. P. 23—35.

обсуждение планов, более глубокое знакомство через разговор, посещение мероприятия (концерт, кинотеатр и т. п.), ужин и инициирование физического контакта. И те, и другие нервничают перед свиданием.

Обнаружились, однако, и достаточно важные различия. Так, сценарии у геев оказались более ориентированы на сексуальный контакт и меньше на интимную близость, нежели у лесбиянок: около 48 % мужчин указывали на наличие сексуального контакта уже на первом свидании (против 12 % среди женщин). Подобный сдвиг в сторону сексуального сценария отмечали и исследователи из Высшей школы экономики, изучавшие молодых гомосексуальных мужчин и зафиксировавшие, что те, говоря о своих постоянных практиках, рассказывали, что по преимуществу «ищут [в мобильных приложениях для знакомств] человека с целью удовлетворить свои „потребности“», а случаи развития «серьезных отношений» называли единичными²⁴. Впрочем, методология и выборка данного исследования, в сравнении с вышеупомянутой статьей американских коллег, представляются существенно более ограниченными.

В целом установлено, что, несмотря на большие сходства со сценариями гетеросексуалов, в отличие от последних, геи и лесбиянки неохотно примеряют на себя специфические гендерные роли во время свидания, придерживаясь более сбалансированного распределения власти в выстраиваемых отношениях.

Вместо заключения

Представьте себе, что вы вынуждены скрывать от окружающих, что у вас есть семья: любимый человек, а возможно и дети. Представьте, что не можете поделиться с коллегами впечатлениями о совместно проведенных на природе выходных или просто забавным случаем из личной жизни. Представьте, что не можете позволить себе выложить в социальных сетях совместные фотографии из отпуска на море. Представьте, что живете «на чемоданах» и в постоянном страхе, что у вас отберут вашего ребенка. Такова повседневная реальность однополых семей в современной России, в 2022 году.

Несмотря на то, что российское общество в зеркале опросов общественного мнения еще не так давно показывало тенденции к либерализации отношения

²⁴ Литвинова Л., Иванченков А. Специфика знакомств среди гей-молодежи: кейс Москвы. Учебное исследование. М.: Высшая школа экономики, 2016. С. 11–12.

к гетеронормативным сексуальностям²⁵, в последние годы, с принятием нашумевших поправок (о «пропаганде» гомосексуальности) в федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», а также закреплением в Конституции РФ положения об «институте брака как союзе мужчины и женщины» (п. «ж.1» ч. 1 ст. 72), был дан старт новому витку фактически санкционированным государством гомофобии, трансфобии и бифобии. Возросло не только общественное давление на представителей ЛГБТ+ или внимание СМИ к данной социальной группе²⁶, но и выросло количество реальных, поражающих своей жестокостью уголовных преступлений на почве ненависти, что фиксируют социологи права²⁷. При этом опросные данные показывают, что более чем три четверти россиян (77 %) лично даже не знакомы с гомосексуалами²⁸. В этом контексте интересен вывод социолога Александра Кондакова о том, что «у большинства россиян вообще нет никакого мнения по поводу гомосексуальности, а высказывание относительно конкретного вопроса формулируется каждым респондентом в момент его постановки»²⁹ полстерской компанией и сильно зависит от того, как сформулирован сам вопрос. Как результат, массовое отсутствие индивидуального опыта общения и взаимодействия с негетеросексуальными людьми создает благоприятные условия для разного рода манипуляций.

Время от времени не без помощи «блюстителей нравственности» в СМИ разгораются скандалы, которые при нынешнем положении дел, как правило, приводят к одному и тому же исходу: оказавшиеся в центре внимания ЛГБТ-пары и семьи рано или поздно уезжают из страны. Так, например, случилось с семьей Юмы, подвергшейся травле после участия в рекламной кампании сети «Вкусвилл»³⁰, или с парой Андрея и Евгения, воспитывавших двух приемных детей и вынужденных срочно эмигрировать из страны из-за преследования³¹. При таких, мягко говоря,

²⁵ Кон И. Гомофобия как лакмусовая бумажка российской демократии // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. № 4. С. 59–69.

²⁶ Например, историк Ирина Ролдугина полагает, что «именно российские СМИ сыграли ключевую роль в сознательном нагнетании атмосферы ненависти к ЛГБТ». См. подробнее: Ролдугина И. Российская гомофобия: история производства // Colta.ru. 2016. 26 августа. URL: <https://www.colta.ru/articles/raznoglasiya/12008-rossiyskaya-gomofobiya-istoriya-proizvodstva> (дата обращения: 12.02.2022).

²⁷ Шторн Е. Убийства негетеросексуалов на почве ненависти (анализ материалов судебных решений) // Социология власти. 2018. № 1. С. 60–78.

²⁸ Отношение к сексменьшинствам // Фонд «Общественное мнение». 2019. 13 июня. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14220> (дата обращения: 12.02.2022).

²⁹ Кондаков А. Гомосексуальность и общественное мнение в России: от негативных оценок до безразличия // Демоскоп Weekly. 2013. 2–15 сентября. № 565–566. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0565/analit05.php> (дата обращения: 12.02.2022).

³⁰ Семья из рекламы Вкусвилла: жизнь до и после травли // YouTube: Карен Шаинян. 2021. 4 августа. URL: <https://youtu.be/apA6OymuaF4> (дата обращения: 12.02.2022).

³¹ Голунов И. «Была жизнь. А теперь жизни нет» // Meduza. 2019. 12 августа. URL: <https://meduza.io/feature/2019/08/12/byla-zhizn-a-teper-zhizni-net> (дата обращения: 12.02.2022) (данный материал создан и распространен средством массовой информации, признанным выполняющим функции иностранного агента).

нелегких условиях существования невольно возникает вопрос о том, как вообще возможны однополые семьи в стране, не обеспечившей своим гражданам брачное равенство и выносящей отдельную социальную группу — причем достаточно многочисленную³², — за скобки, лишая ее полноценного гражданского статуса³³.

Довольно трудно ответить на этот вопрос, основываясь только на данных стран, где однополые союзы в той или иной форме регистрируются, а опросы общественного мнения показывают относительно высокие показатели толерантности. Что же касается исследований ЛГБТК+ в России, то в последние годы в центре их внимания в основном оказываются разные аспекты публичной (активистской) деятельности сообщества, а исследования внутренней структуры и особенностей гомосексуальных партнерств в России можно сосчитать по пальцам. Их сфера приватного по-прежнему остается в слепом пятне.

В условиях негативного информационного фона особенно трудно писать и рассуждать о жизни пар, вынужденных претерпевать море ограничений, о которых подавляющее большинство населения никогда даже не задумается. Но ведь все, что не убивает, делает сильнее. Несмотря на все сложности, в России, как и во всем мире, неизбежно меняются модели семейно-брачных отношений, возникают новые семейные практики, а среди молодых страт населения сегодня фиксируется все более толерантное отношение к гомосексуальности и однополым бракам.

³² По оценкам политолога Дмитрия Толкачева, проводившего онлайн-опрос российских гомосексуалов, основанный на невероятной выборке, «российская доля ЛГБТ может составлять около 10% всего населения». См. подробнее: Толкачев Д. Особенности исследований сексуальной ориентации: демографические характеристики российских гомосексуалов // Демографическое обозрение. 2021. Т. 8. № 3. С. 74—95.

³³ Кондаков А. Человек и гражданин: сексуальность как способ конструирования гражданственности в России // Неприкосновенный запас. 2012. № 5. С. 249—258.

**ЛАЙТ
ЭРНЕСТ**

Ph.D., директор Earnest Light
Psychophysics (Канада)

**КАРАНДАШЕВ
ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ**

доктор психологических наук,
профессор, Aquinas College (США)

ЭФФЕКТ РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТЫ И ЭФФЕКТ СОЦИАЛЬНОГО ОКРУЖЕНИЯ В ЛЮБОВНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ

Люди в обществах современного типа думают, что выбор партнера для отношений — это их личное дело, и надеются, что их выбор будет взаимным. Они, как свободные граждане, считают, что свободны в своем выборе и никому ничего не должны. Так ли это? И что происходит, если другие люди, например родственники или друзья, вмешиваются в эту свободу?

Насколько люди свободны в своих любовных предпочтениях? Как на них влияют окружающие? Должны ли дети, выбирая спутников жизни, слушаться или слушать мнение родителей?

Верящие в романтическую любовь убеждены, что вмешательство родителей в романтические отношения детей разрушает любовь. А может, это, наоборот, разжигает огонь любви? Вспомним Ромео и Джульетту. Как пылко они любили, несмотря на сопротивление родственников — Монтекки и Капулетти! Есть ли для этого научные основания и эмпирические свидетельства?

Опрос 140 любовных пар, проведенный в 1972 году, показал, что вмешательство родителей в любовные отношения их детей только усиливают романтические чувства партнеров и вызывают стремление продолжать отношения¹. Ученые назвали

¹ Driscoll R., Davis K. E., Lipetz M. E. (1972) Parental Interference and Romantic Love: The Romeo and Juliet effect. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 24. No. 1. P. 1–10. <https://doi.org/10.1037/h0033373>.

это явление эффектом Ромео и Джульетты и объяснили его тем, что, когда молодых людей принуждают к определенному поведению, они сопротивляются и часто проявляют повышенный интерес к поведению, которое пытаются ограничить. Другими словами, запретный плод сладок.

После этого исследования многие годы на эффект Ромео и Джульетты ссылались, как на факт. Однако последующие научные работы не давали подобных результатов². В частности, лонгитюдное исследование, которое проводилось два года, изучало динамику отношений в 101 любовной паре молодых людей из американского университета³. Авторы обратили внимание на то, как поддержка близких людей влияет на чувства юношей и девушек. Результаты показали, что ожидаемая поддержка от собственной семьи и друзей оказывает существенное влияние на качество отношений, причем в большей степени, чем ожидаемая поддержка от семьи и друзей партнера. Поддержка друзей, которые в XX веке, возможно, во многом выполняют роль родителей, особенно важна в развитии романтических отношений.

Однако в результате этого опроса не удалось подтвердить эффект Ромео и Джульетты. Многие другие исследования также обнаружили скорее обратный эффект социального окружения⁴, при котором неодобрение социального окружения — родителей и друзей — ведет к ухудшению качества романтических отношений⁵.

Исследования выявили более сложную систему влияния социального окружения, чем считалось раньше. Например, было показано⁶, что ожидание одобрения от собственных друзей и одобрение от родителей партнера повышают стабильность отношений. Автор работы объясняет этот факт тем, что друзья и родственники способны лучше предсказать перспективы отношений, чем сами партнеры. Близкие люди не смотрят на партнера через «розовые очки» и более реалистичны в его оценке, чем человек, вовлеченный в эти отношения. Также оказалось, что для стабильности отношений ожидание одобрения друзей часто важнее, чем

² Felmllee D. (2001) No Couple is an Island: A Social Stability Network Perspective on Dyadic Stability. *Social Forces*. Vol. 79. P. 1259—1287; Parks M. R., Stan C. M., Eggert L. L. (1983) Romantic Involvement and Social Network Involvement. *Social Psychology Quarterly*. Vol. 46. P. 116—131; Sprecher S. (2011) The Influence of Social Networks on Romantic Relationships: Through the Lens of the Social Network. *Personal Relationships*. Vol. 18. P. 630—644.

³ Sprecher S., Felmllee D. (1992) The Influence of Parents and Friends on the Quality and Stability of Romantic Relationships: A Three-Wave Longitudinal Investigation. *Journal of Marriage and the Family*. Vol. 54. No. 4. P. 888—900.

⁴ Social network effect, см.: Felmllee (2001). Указ. соч.

⁵ Метаанализ представлен в Sinclair H. C., Felmllee D., Sprecher S., Wright B. L. (2015) Don't Tell Me Who I Can't Love: A Multimethod Investigation of Social Network and Reactance Effects on Romantic Relationships. *Social Psychology Quarterly*. Vol. 78. No. 1. P. 77—99.

⁶ См., например: Felmllee (2001). Указ. соч.

реальное одобрение. Автор считает, что это исследование подтверждает эффект Ромео и Джульетты. Сопротивление родителей выбору детей, а также неодобрение других часто сближает пары, а не разъединяет их. Но это происходит только тогда, когда есть какая-то поддержка от друзей.

Несмотря на противоречивые результаты, научный миф об эффекте Ромео и Джульетты был популярен в течение многих лет и активно цитировался в популярной литературе, учебниках и статьях⁷.

Одна из проблем неоднозначности результатов заключалась в том, что последующие исследования не использовали оригинальных шкал измерения. Поэтому в начале 2000-х годов группа исследователей⁸ попыталась вновь проверить эффект Ромео и Джульетты, изучая влияние мнения социального окружения на романтические отношения. Ученые использовали те же шкалы измерения, что и в оригинальной работе 1972 года, и повторили анализ данных, однако не нашли свидетельств эффекта Ромео и Джульетты.

Скорее наоборот: в соответствии с эффектом социального окружения молодые люди, которые испытывали сильное давление и низкий уровень одобрения со стороны социального окружения, отмечали низкое качество отношений. И наоборот, чем больше одобрения и меньше сопротивления они получали со стороны близких, тем больше ощущали чувства любви, преданности и доверия.

Некоторые исследования показывают, что мнение друзей имеет больший вес, чем мнение родителей⁹. По крайней мере это верно в западных культурах¹⁰. Сходным образом другие ученые предположили, что одобрение определенной части социального окружения может служить буфером при наличии неодобрения или компенсировать другие источники негатива¹¹. Таким образом эффект Ромео и Джульетты, если он существует, связан не с неодобрением родителей, а скорее с влиянием социального окружения в целом. Даже у шекспировских Ромео и Джульетты важную роль в их отношениях играли монахи и няня.

⁷ См. обзор в Sinclair H. C., Hood K. B., Wright B. L. (2014) Revisiting the Romeo and Juliet Effect (Driscoll, Davis, & Lipetz, 1972): Reexamining the Links between Social Network Opinions and Romantic Relationship Outcomes. *Journal of Social Psychology*. Vol. 45. No. 3. P. 170–178. <https://econtent.hogrefe.com/doi/full/10.1027/1864-9335/a000181>.

⁸ Там же.

⁹ Etcheverry P. E., Agnew C. R. (2004) Subjective Norms and the Prediction of Romantic Relationship State and Fate. *Personal Relationships*. Vol. 11. P. 409–428.

¹⁰ MacDonald G., Jessica M. (2006) Family Approval as a Constraint in Dependency Regulation: Evidence from Australia and Indonesia. *Personal Relationships*. Vol. 13. P. 183–194.

¹¹ Wright B. L., Sinclair H. C. (2012) Pulling the Strings: Effects of Friend and Parent Opinions on Dating Choices. *Personal Relationships*. Vol. 19. P. 743–748.

Конечно, можно предположить, что необнаружение эффекта Ромео и Джульетты связано с тем, что исследование проводилось через 40 лет после открытия этого эффекта. За это время американское общество могло настолько измениться, что этот эффект сгладился и его стало труднее наблюдать.

Индивидуалистические и коллективистские культуры сильно различаются в ценности, которую они придают независимости и зависимости индивидов от влияния семьи и других близких людей, что существенно влияет на их взгляды, предпочтения, эмоции и действия в любовных отношениях¹².

Действительно, исследования эффекта Ромео и Джульетты проводились в странах с индивидуалистической культурой (большинство в США), где предполагается свобода выбора любовных отношений¹³. В таких индивидуалистических обществах естественно противостоять и сопротивляться влиянию семьи, тогда как в коллективистских обществах человек больше склонен считаться с мнением семьи. Например, в исследованиях, проведенных на кросс-культурных выборках участников из Нидерландов, Курдистана, Ирака, Канады, а также многочисленных студентов из других стран, обучающихся в Нидерландах, и канадских студентов с юго-восточными корнями¹⁴, было показано, что влияние семьи на выбор в любви преобладает в культурах с высокой степенью коллективизма. В индивидуалистических обществах семейное влияние гораздо слабее.

Во многих странах общество признает разнообразие любовных отношений, не только гетеросексуальных¹⁵. Романтическая любовь имеет значительные кросс-культурные различия и свободную гендерную конфигурацию. Поэтому исследования эффекта Ромео и Джульетты, так же как и эффекта социального окружения, на других культурных и гендерно-разнообразных выборках будет полезным и позволит выявить сходство и разнообразие. Например, мы полагаем, что данные, полученные на гетеросексуальных парах, во многих случаях приложимы и к любовным парам иных гендерных конфигураций¹⁶. В индивидуалистических обществах, где государство не лезет в постель к своим гражданам, наблюдается

¹² Karandashev V. (2017) *Romantic Love in Cultural Contexts*. Springer; Karandashev V. (2019) *Cross-Cultural Perspectives on the Experience and Expression of Love*. Springer; Karandashev V. (2021) *Cultural Models of Emotions*. Springer Nature.

¹³ Karandashev V. (2019). Указ. соч.

¹⁴ Buunk A. P., Park J. H., Duncan L. A. (2010) Cultural Variation in Parental Influence on Mate Choice. *Cross-Cultural Research*. Vol. 44. No. 1. P. 23–40.

¹⁵ Moreno A., Ardila R., Zervoulis K., Nel J. A., Light E., Chamberland L. (2020) Cross-Cultural Perspectives of LGBTQ Psychology from Five Different Countries: Current State and Recommendations. *Psychology & Sexuality*. Vol. 11. No. 1–2. P. 5–31.

¹⁶ Тартаковская И. Н., Лунин И. И. (2018) Социальные трансформации гендера и сексуальности в свете идей И. С. Кона // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6. С. 4–19. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.01>.

желание многих людей создавать прочные пары и отношения, которых раньше не было. Часто родителям однополых партнеров нелегко принять их романтическую любовь. То, что мы знаем об эффекте Ромео и Джульетты и эффекте социального окружения, скорее всего, верно и для однополых романтической любви. Чем раньше родители примут выбор своих детей и одобряют его, тем лучше будут отношения не только между брачными или романтическими партнерами, но и между детьми и родителями. К сожалению, в обществах, где у людей нет свободного выбора в любви, происходит больше личных трагедий, чем там, где этот выбор есть. Во многом это понятный и простой вывод. Собственно шекспировская повесть о Ромео и Джульетте, «печальнее которой нет на свете», остается горьким напоминанием о том, что любовь в условиях жестких ограничений приводит к трагедии.

© Александр Дмитриев, специально для СоциоДиггера

**ИЛЬИН
ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ**

доктор социологических наук,
профессор СПбГУ

МОДЕЛЬ СЕТЕВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Теоретическое введение

Глобализация, замешанная на цифровизации, делает неограниченным ассортимент доступных для выбора стилей жизни и в полной мере охватывает интимные отношения.

Самые разные стили сосуществуют, распространяются, игнорируя государственные и территориальные границы. Критерий выбора партнера по любви и по «мудрому» решению родителей, полиамория и многоженство, которое отнюдь не ограничено исламской культурой, скоротечные легкие отношения и один роман на всю жизнь, принцип «никто никому ничего не должен» и культ служения партнеру, беззаветная верность и открытые отношения, гетеросексуальные и гомосексуальные пары — все эти и другие модели не просто сосуществуют рядом, но и обретают статус «нормальности», стиля, который «каждый выбирает по себе». Норма относительна и отличается от девиации только моральной «колокольней», которую выбирает наблюдатель. В результате почти любая характеристика нашего времени является и правдой, и заблуждением.

Одна из моделей организации интимности опирается на культ независимости индивида, отказ от принципа верности как атрибута интимной пары, «текучую любовь» (термин З. Баумана), практики краткосрочных отношений, ориентацию на не прекращающийся поиск «самого-самого» партнера. В такой ценностно-нормативной системе интимная пара теряет свой замкнутый характер и становится узлом в сети отношений.

Наблюдение одной тусовки

На протяжении трех лет я наблюдаю одну тусовку, в которую входит более десяти мужчин и женщин в возрасте примерно от 25 до 35 лет с разным уровнем образования. Они отражают одну из граней современной реальности. Нельзя сказать, что происходящее в этой среде является безусловной нормой для общества в целом, но для данной группы людей, разделяющих ее ценности и установки, подобный стиль жизни абсолютно нормален.

В беседе они без колебаний высказываются в пользу ценности семьи, любви, верности и далее весь список добродетелей. Если бы они участвовали в формализованном опросе, мне кажется, они внесли бы вклад в формирование образа общества, верного традиционным ценностям.

Однако длительное наблюдение группы показывает иллюзорность такого образа, искренне декларируемые идеалы трактуются с поправкой на принцип относительности.

Явление, которое обычно называют любовью, в этой тусовке приобретает явно выраженный текучий характер, увлечения меняются в год не по одному разу.

Традиционное понимание любви связано с верностью как долгом и ожиданием. И на уровне обобщенных рассуждений члены этой тусовки с этим не спорят, однако дьявол кроется в деталях.

Аня¹ влюблена в Николая, отношения с которым только формируются, и рассматривает его как желанного брачного партнера. Однако он уезжает на пару недель в командировку, а она отправляется в недельную поездку со своим новым знакомым, который ей явно симпатизирует. Интимные отношения между ними уже были и подразумеваются в поездке. При этом планируемая поездка ни для кого не секрет. Все предельно открыто. Противоречия в декларируемых принципах и практиках объясняются легко:

*«Во-первых, наши отношения с Николаем еще не совсем ясны.
Во-вторых, что же я буду, как дура, его ждать две недели?»
(Ж., 30 лет, безработная)*

¹ Имена изменены.

© Александр Дмитриев, специально для СоциоДиггера

Принцип верности часто становится столь относительным, что ограничивает лишь от воздержания от группового секса, хотя и здесь возникают разночтения в определениях. Верность при желании возможна здесь и сейчас, но никто ничего не обещает на завтра.

Трое молодых мужчин поселились в одной трехкомнатной квартире. У всех есть постоянные девушки, которые регулярно приходят погостить. На поверхности — совершенно традиционные отношения. Однако режим интимности в парах носит парадоксальный характер. Надя была девушкой Виталия, но он был вынужден надолго уехать, поэтому она с его согласия перешла к Николаю, а когда тот был на работе, она переспала с его другом Михаилом. У последнего есть постоянная девушка, однако в его отсутствие она переспала с Николаем, которого об этом сразу проинформировали. Михаил, будучи приверженцем принципа верности, это не одобрил:

- Знаешь, — сказал он Николаю, — у нас общий холодильник, но не девушка.
- Понял, — ответит тот.

На этом инцидент был исчерпан.

Такими практиками переполнена повседневность этой тусовки. При этом никто не использует заморское слово «полиамория». «Нет, это не о нас!» — утверждают они.

Любимым досугом тусовки являются общегородские клубные вечеринки с участием десятков, а то и сотен танцующих людей без одежды. В такой модели интимная пара является неустойчивым и относительно открытым узлом в сети отношений.

Вывод

Многообразие вариантов организации интимности все больше расширяется, иногда то, что было однозначным пороком, становится одним из стилей поведения в группах, обретая характер субкультуры, в других случаях — сохраняется лишь на уровне девиации. Единая мораль, единообразие и единомыслие превращаются в миф, который как облако покрывает калейдоскоп моральных норм. У многих жителей больших городов сегодня есть возможность выбрать удобную для себя мораль и жить в соответствии с ней. При этом консервативная модель — опора на табу девственности, пожизненную моногамию, ориентацию на подготовку к созданию семьи и деторождению — самым причудливым образом сосуществует с вышеописанными сетевыми отношениями и культом радикально относительных норм. Насколько просто современному человеку делать выбор жизненной стратегии в такой ситуации — вопрос открытый. Очевидно, он требует высоких социальных компетенций и хорошего уровня рефлексии, стрессогенен и отвечает за него большей частью лишь сам индивид.

IV

А теперь:
любовь к Родине!

**ЗАМЯТИН
АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ**

муниципальный депутат района Зюзино в Москве,
куратор программы «Развитие местных сообществ»
в Шанинке (МВШСЭН), внештатный преподаватель
ИГСУ РАНХиГС

ЧТО СТОИТ ЗА СЛОВСОЧЕТАНИЯМИ «ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ» И «ГРАЖДАНСКИЙ ДОЛГ»?¹

Гражданский долг и любовь к Родине

Гражданский долг — удобный аргумент для обоснования своих политических действий. Проблема заключается в том, что это словосочетание неожиданно оказалось довольно пустым. Когда в ход идет аргумент про гражданский долг, чаще всего выясняется, что у человека попросту нет внутреннего понимания, например, почему он все-таки пошел голосовать. Может, проголосовать его заставило начальство, и, говоря в такой ситуации про «гражданский долг», он, вероятно, просто скрывает собственное недоумение по этому поводу. Обратите внимание, «гражданский долг» встречается в опросе «Левада-Центра»² в качестве одного из оснований, по которым люди ходят голосовать. В 2016 году среди тех, кто пошел на выборы, 39% сказали, что их звал туда именно он, то есть это главный мотив участия в голосовании.

«Гражданский долг» оказывается удобен и в ситуации протестов, становясь звучным аргументом, за которым нередко ничего не стоит, поскольку это общезначимый термин (в том смысле, что всегда можно сказать, мол, это мой гражданский долг, и любой человек кивнет в ответ: ну да, понятно, гражданский долг...). Когда на митингах говорят исключительно про любовь к стране и про долг, а больше ничего не говорят, это может быть признаком дефицита идей, отсутствия четкого

¹ По мотивам интервью специально для Социодиггера. Интервью брала Анна Кулешова.

² На выборы россияне ходят по привычке // Левада-Центр. 12.07.2016. URL: <https://www.levada.ru/2016/07/12/na-vybory-rossiyane-hodyat-po-privychke> (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции иностранного агента).

видения будущего. То есть в некотором смысле словосочетание «гражданский долг» помогает выразить чувство несправедливости и при этом одновременно скрыть, что нет внятного языка для описания происходящего. А его, этого языка, очень не хватает. Когда идут дискуссии о том, что в таком-то государстве есть сумасшедший диктатор, наш гражданский долг — спасти любимую Родину, это не политический язык, это просто выражение отношения, это никак не объясняет, почему так получилось, что жителям страны с этим делать, а важно же понимать, что за режим перед ними, какие социальные группы являются его бенефициарами... Ответственность политиков заключается не только в том, чтобы уметь мобилизовать с помощью эмоций достаточное количество людей, но и нести проработанное содержание.

Любовь к Родине нередко подают как установку, что ты должен любить того, кто сейчас у власти, никогда не критиковать его, ведь он и есть Родина. Стратегия элит заключается в следующем: давайте выкинем такие слова, как коллективность, социальная ответственность и так далее, а вместо этого предложим людям любовь к Родине. В оппозиции тоже есть те, кто считает такую стратегию хорошей: надо просто переприсвоить себе любовь к Родине.

Обращу внимание: я не призываю отменить любовь к Родине, не отказываю людям в способности испытывать ее. Безусловно, она есть. Но я против ее эксплуатации, когда ее подают как любовь к конкретным персоналиям. Важно, чтобы это словосочетание не было пустым, чтобы каждый гражданин страны мог четко сказать, что такое любовь к Родине, что в себя включает гражданский долг.

Обращу внимание, что долг бывает не только друг перед другом или перед государством, он может быть добровольным или принудительным. Человек неизбежно исполняет некоторые обязательства перед государством, например платит налоги. Но вопрос в том, как он их исполняет: добровольно или принудительно? Видит ли он в этом какой-то еще смысл, кроме отсутствия санкций за неисполнение? Давайте посмотрим, чем отличается понимание гражданского долга в России и Швеции. Для жителей Швеции (напомню, это государство всеобщего благосостояния) смысл существования государства заключается в том, чтобы оказывать социальную поддержку, в которой почти все, кроме узких групп граждан, иногда нуждаются. Государство в Швеции — это источник серьезных социальных гарантий. Российское государство не воспринимается как источник серьезных социальных гарантий. Они декларируются, это некоторое советское наследие, некоторая инерция (ведь нельзя просто взять и отменить бесплатное образование, например), в России государство воспринимается как источник небольших пода-

чек, копеек, на которые иногда можно недолго прожить. Государство в России не похоже на что-то надежное. И оно репрессивное. Судя по опросам, несправедливой расправы со стороны правоохранительных органов и государства как монополиста на насилие опасаются половина россиян³... Невозможно бояться и любить одновременно.

Зачем в Швеции человек сообщает государству, что у соседа незадекларированная дорогая машина? Он думает в категориях социальной справедливости: люди должны за равный трудовой вклад получать равные блага, не должно быть тех, кто что-то получает несправедливо. То есть само государство понимается как источник, обеспечивающий социальную справедливость. В России не принято думать о том, задекларирована ли машина у соседа. В Швеции ответ простой: если она не задекларирована, значит, сосед не платит налог, значит, пользуется общественным благом как фрирайдер, то есть как «заяц» в трамвае, он ездит на автомобиле, но не платит налог за дорогу и пр. А в России, когда человек платит налог, это воспринимается скорее не как источник наведения социально-экономического равенства, а как побор. Если я нажалуюсь, что у соседа незадекларированная машина, значит, я хочу, чтобы с него побор брали, как и с меня. То есть это некоторая форма агрессии, а не акт гражданской бдительности, как в случае Швеции. Там я как гражданин просто выступаю за социальное равенство и уверен, что с моим соседом ничего плохого не случится, с ним случится хорошее, он просто тоже будет платить налоги, чтобы у нас были хорошие дороги и какие-то экологические проблемы могли решать все вместе. Когда в России рассуждают о том, чтобы донести на соседа государству, то это воспринимается немного странно (в отличие от той же Швеции), ведь известно, что государство будет, вероятнее всего, расправляться репрессивно. А тогда приходится признать, что ты не только гражданин, но и садист, готовый натравить это репрессивное государство на своего соседа.

Кому мы должны: государству или друг другу?

Как муниципальный депутат регулярно сталкиваюсь с активностью горожан и вижу, что в ней мало мотивации от гражданского долга, любви к району, к Родине, этого всего почти нет. Есть отдельные кейсы, когда существует локаль-

³ Пытки в России: распространенность явления и отношение общества к проблеме // Левада-Центр. 27.06.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/06/27/pytki-v-rossii-rasprostranennost-yavleniya-i-otnoshenie-obshhestva-k-probleme-3> (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции иностранного агента).

ный патриотизм. Например, в микрорайоне Северное Чертаново имеет место идентичность, связанная с тем, что это особенный микрорайон, не типичный. Можно найти локальных патриотов, людей, мотивированных тем, что они любят свой микрорайон, поэтому погружаются в его историю, встают на защиту его архитектуры, но такая локальная идентичность есть далеко не везде. Например, в Зюзино я ее вообще не видел. Преобладают долговые обязательства друг перед другом, перед соседями.

Приведу бытовой и очень простой пример. В одном из домовых чатов Зюзино, в котором состою как депутат, разразился спор. Кто-то в подъезде дома оставляет мешки с мусором, не доносит до контейнера, был поднят вопрос, знает ли кто-нибудь, кто это делает, чтобы нерадивого соседа отчитать. Но мнения разделились: одни считают, что апеллировать в такой ситуации нужно к государству или к полиции, а другие — что не нужно никуда обращаться, надо разговаривать друг с другом и решать проблему своими силами (если это сосед, надо прийти к нему и поговорить с ним, убедить, что он поступает плохо; для этого не нужны третьи лица, не нужен президент, депутат или кто бы то ни было еще, чтобы решить сугубо коммунальную проблему).

В итоге спор зашел именно о том, кто кому и что должен. Одни выражали убежденность, что мы не должны мусорить у себя в подъезде, потому что это в некотором смысле наше обязательство перед государством. Другие настаивали, что чистота в подъезде — наши взаимные обязательства друг перед другом, это общий подъезд, мы на себя самостоятельно берем обязательства за чистоту в нем. Как видим, это два совершенно разных типа обязательств, из которых следует два разных типа политической активности.

Потом кто-то предложил, раз невозможно вычислить нарушителя, повесить камеру в подъезде. И к этому тоже было два варианта отношения: скинуться самим на камеру или написать заявление в «Жилищник», чтобы они ее повесили. Есть те, кто в первый вариант в принципе не верит, не верит в возможность взаимных добровольных обязательств.

Или другой пример. Кто-то считает, что хозяин должен убирать на улице за своей собакой, это его обязательство перед соседями, а есть те, кто уверен, что это некоторый долг перед государством, за неисполнение которого положен штраф в рамках административного правонарушения.

В ситуации, когда ко мне как к местному депутату обращаются с жалобами такого характера (например, соседи оставляют мешки с мусором в подъезде, не убирают за собаками), рассчитывают, что я могу решить эту проблему двумя способами: надавить на управляющую компанию, чтобы она лучше наводила чистоту; помочь соседям пересмотреть представления о коммунальной жизни. Иногда, но далеко не всегда, получается реализовать второй сценарий, показав, как организовать встречу с соседями по подъезду, как конструктивно обсудить проблему. В итоге выясняется, что соседи не ужасные монстры, а нормальные люди, с ними можно договариваться. То есть как депутат я помогаю бороться с предубеждениями и предрассудками. Но есть вопрос, насколько хорошо это масштабируется. Если так сделаю в 10 домах, а в районе 400 домов, такой подход в принципе заслуживает внимания? Думаю, да, ведь важно с чего-то начинать.

© Александр Дмитриев, специально для СоциоДиггера

**ОМЕЛЬЧЕНКО
ЕЛЕНА ЛЕОНИДОВНА**

профессор департамента социологии,
директор Центра молодежных исследований
НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге

МОЛОДЕЖЬ, РОДИНА И ГОСУДАРСТВО — (НЕ)ВЗАИМНАЯ ЛЮБОВЬ¹

Что россияне понимают под «любовью к Родине», взаимна ли эта любовь? И главное — в чем она выражается: считают ли люди, что у них перед Родиной есть какие-то обязательства, или нет? А в чем могут выражаться обязательства Родины перед гражданами?

В поисках ответов на эти вопросы СоциоДиггер поговорил с социологом Еленой Омельченко, директором Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ. Исследования Центра, посвященные новым гражданским практикам молодых россиян, их миграционным планам, включению в молодежное («малое», крафтовое) предпринимательство, а также новым параметрам и горизонтам взросления миллениалов, так или иначе затрагивают темы, связанные с восприятием идей патриотического воспитания и ценностей «служения Родине».

Понятие долга уходит из повседневного общения

Когда мы говорим о взаимоотношениях молодежи с государством, — а не, например, со страной, родом, Родиной, — мы должны различать формальную, официальную риторику и повестку с одной стороны, и повседневную жизнь — с другой. В повседневной жизни молодежи речь идет не столько о каком-то «долге», сколько об осознанности, которая проявляется через бережное отношение к близким,

¹ По мотивам интервью специально для СоциоДиггера. Интервью брала Полина Аронсон.

внимание к своему здоровью, экологическое сознание, бережное отношение к взаимоотношениям. И как сейчас часто говорят, молодежь достаточно чувствительна к границам — физическим, моральным, культурным и так далее.

Понятие долга в его «советском» смысле, мне кажется, уходит из повседневного общения; оно присутствует только в качестве навязанного в официальном дискурсе, в политической повестке. С одной стороны, есть формально прописанные сверху правила, разнообразные программы патриотического воспитания, патриотическая риторика и прочее. С другой стороны, есть повседневные практики, проживание молодежью своих чувств к Родине. Это два параллельных мира. В чем-то они, конечно, пересекаются, и по большей части это плоскость прагматического. Какие-то страты молодежи — часто из не очень ресурсных семей, в ситуации депривации, которые продолжают реагировать на призывы сверху из своих собственных соображений, в том числе материальных. Например, участие, в «Юнармии» в будущем может стать привилегией при поступлении в высшие учебные заведения. Кадетские классы дают определенные привилегии мальчикам и девочкам из неполных семей или из семей военных, силовиков и так далее. Служение в армии тоже может быть прагматическим решением, а может быть связано с какими-то родительскими ценностями и представлениями: о воспитании характера, о так называемой мужественности, или мужскости. Но речи об обязанности отдать долг государству здесь не идет. Моя гипотеза, что юноши и девушки, причем из разных социальных групп и страт, будут говорить, что «я никому ничего не должен».

Родина, которую не жалко любить

Чувство «это же наша страна» возникает, например, в ситуациях, когда молодые люди выезжают за границу учиться или работать. Ощущение связи со страной и желание настаивать на том, что ты русский, отстаивать себя как русского, как россиянина возникает в ситуации столкновения с критикой или даже с недоброжелательством. Национальная или локальная идентичность в этих ситуациях как бы актуализируется, начинает ощущаться сильнее от столкновения с какими-то другими, чаще всего более привлекательными, вариантами жизни. Но признание, что твой вариант жизни не такой привлекательный, влияет на самооценку, ставит под вопрос картину твоего мира, ощущение, что с тобой все нормально, — и твою адекватность. И тогда возникает желание обороняться, доказывать, что в России, наоборот, все лучше.

Мы этот феномен фиксировали, когда на рубеже тысячелетий изучали отношение российской молодежи к Западу. Это исследование проходило в трех россий-

ских городах: специально выбраны были Москва, Самара как город среднего размера и Ульяновск как провинция. Мы тогда зафиксировали рост этого «обитанного» патриотизма. Зеркальная картинка формировалась в первую очередь через способность «наших», «своих» — опять же, очень важно это понятие «своих» компаний, — «нормально» посидеть, «нормально» поговорить, быть открытыми, душевными. Все то, что на Западе якобы отсутствует. Дескать, «там» в большей степени распространено лицемерие, вот эта неискренняя улыбка, которая не соответствует реальному отношению, а по-человечески поговорить ни с кем невозможно, на вечеринке ни выпить, ни покурить, ни песню затянуть. Тогда как у нас, дома, у российских, у русских, все совсем по-другому. И вот через эту систему аргументации выстраивался образ Родины — душевный, открытый, искренний, настоящий. Это Родина, которую могут любить, несмотря ни на что.

Сейчас в некоторых сферах воспроизводится что-то подобное, и мне кажется, государство (пропаганда, патриотическая машина) это улавливает и играет на какой-то неполноценности, которая нуждается в дополнительной «прививке» патриотизма. Но это работает не на всех. Информационное пространство стало другим, и можно найти все, что ты хочешь, и выработать свое собственное мнение.

Формальная патриотическая повестка и низовая гражданственность

Исследования нашего центра фиксируют многочисленные проявления низовой гражданственности, то есть гражданственности, связанной с заботой, вниманием и высокой чувствительностью к любого рода несправедливости. Такая низовая гражданственность формируется в рамках сообществ молодых людей — юношей, девушек, разделяющих общие ценности группы, ориентированных на реализацию своей «низовой» повестки и инициативы. Им важно видеть результат, понимать, что они могут на что-то влиять. Они проявляют себя как граждане в очень разных сферах. Это может быть забота, связанная с какой-то локальностью, помощь с транспортом или подвозом, активизм в сфере ЖКХ, забота о животных или другая благотворительная, неафишируемая помощь. Некоторые занимаются молодежным предпринимательством, например, созданием совместных пространств. Достижение какого-то нематериального результата для них подчас может быть значимее, чем получение сугубо материальной выгоды. Я думаю, что такие сообщества общего дела, реализуемые именно вне формального, административного ресурса и даже при прямом отказе от административной или бюджетной помощи, — это общая тенденция. В рамках такого совместного переживания или практики возникает ощущение собственной значимости и важности — но не долга.

Мы изучали, в частности, движения поисковиков. На первый взгляд кажется, что их деятельность формируется сверху, через повестку памяти о войне, значимости победы и даже гордости за нашу историю. Но когда мы изучаем эти движения более тщательно, мы видим, что в ходе самой экспедиции, при включении в рутинную, тяжелую и часто травмирующую работу по раскопкам останков погибших, у участников поискового отряда формируется другого рода солидарность, и другое, более личное понимание смысла «общего дела», другая идея — идея обиды, горечи за то, что существующая формальная патриотическая повестка никаким образом не помогает реально. В том числе и понимание того, что поиск погибших никому по большому счету не нужен. В этих совместных действиях, которые формально выглядят как очень пропатриотические, складывается своя, подчас даже оппозиционная и критически настроенная идея о том, что они делают важное дело, но оно приватное. Это дело реализации значимой для них задачи восстановления справедливости.

Любовь к малой Родине встроена в самореализацию

Многие молодые люди в ходе интервью говорят схожим образом: «да, я люблю страну, но ненавижу государство». Это очень странная вещь, она держится на уровне ощущений и очень личных переживаний, чувств. Кто-то из наших информантов сказал так: «Мне очень хорошо за границей, но я ее не люблю. И мне очень плохо здесь, в России, но я ее люблю». Вот как это, что это за противоречие? Как это может совмещаться?

Если говорить о молодежи, то мне кажется, что сейчас стоит говорить о тренде на детерриторизацию, в том числе патриотизма. Можно уехать, но оставаться патриотом, и это никак больше не связано. Да, я могу уехать учиться, работать, вернуться или не вернуться, это зависит от обстоятельств. Но при этом я буду продолжать любить Родину. То есть императив «где родился, там и пригодился», «где родился, там и умру» уже неактуален, потому что мир больше не мыслится в терминах обязательных, определенных границ, кусков земли. Мир мыслится и воспринимается современной молодежью иначе, в новых рамках и связан с другим ассоциативным рядом. Любовь к своему родному месту (место — важное слово, под ним понимается «дом», «свой круг», «свои») — это глубоко личная характеристика, потому что если ты не будешь любить свою Родину, то не будешь интересен своим собеседникам и сверстникам, в том числе в других странах. Поэтому нужно как бы культивировать эту часть твоей идентичности. Но при этом ты можешь с этой идентичностью ездить везде, пересекая любые границы и жить

там, где тебе нравится или где ты чувствуешь, что есть простор для реализации твоих планов и амбиций.

Самое важное — реализоваться, самое важное — достичь того результата в своей жизни, который ты сам (ты сама) или твоя компания, те люди, ценности которых ты разделяешь, поддерживают. То есть любовь к малой Родине встроена в самореализацию, в индивидуализм в хорошем смысле — в веру, в близость с семьей и друзьями.

Разговор с народом ведется очень издалека

Ощущение Родины-семьи, которое было характерно для советского времени и выражалось в формулах типа «отец нации» или «мать-Родина», сегодня ушло. Нет и нового образа близости. Мне кажется, власти не удалось сформировать такой язык разговора с нацией, с людьми, в котором присутствовали бы чувства. Наоборот, она усиленно работает на то, чтобы официальная политика была, во-первых, скучной. А во-вторых, очень далекой, на дистанции. Игра на образе Путина-мачо была нова в 2010-х годах и работала для отдельных групп, но сейчас уже не срабатывает. Разговор власти с гражданами ведется через требования, все новые обязательства, которые возлагаются на граждан, и прежде всего на молодежь: например, «вакцинируйтесь, от вас зависит будущее нации». При этом сколько было грубых, нетактичных, нетолерантных, не учитывающих особенности (в том числе и малоимущих) людей высказываний. Я уже не говорю про гендерную повестку — это никого во власти особенно не волнует.

Такое ощущение, что властью получен определенный карт-бланш на очень жесткий, строгий и очень отдаленный, отчужденный разговор. Из бункера тяжело общаться, разговор с народом ведется очень издалека. И нет ничего, что можно было бы прочесть как долг государства по отношению к гражданам.

Для тонкого, чувствительного, настраивающего на взаимную привязанность с народом разговора у нашего государства нет образа, с которым оно могло бы ассоциироваться. У него нет ни пола, ни гендера, ни тела. И кто тогда нам должен, если мы даже не можем это идентифицировать, с чем этот долг ассоциируется? С машиной если только, с какой-то структурой. Можно понимать, например, что тебе должен работодатель, если ты работаешь. Или научный руководитель, если ты учишься. Какие-то обязательства наверняка на себя берет партнер. А государство, я думаю, нет. И, мне кажется, это чувствуют все.

Есть потребность найти какой-то миф

Симптоматично, что сейчас у определенных групп молодых людей снова стала популярна музыка двухтысячных. Откуда-то взялась ностальгия по тому времени, которое они, собственно говоря, не проживали. Но в той музыке они находят нужную им и значимую для них чувственность, интимность, открытость, искренность. Популярность Меладзе — это отдельный предмет исследования. Есть потребность найти какой-то миф, найти какую-то историю — ведь обязательно должна быть какая-то история, в которой есть чувства. Пускай они могут слушать это и при этом смеяться, стесняться того, что поют это на вечеринке. Вечеринка может начаться всем чем угодно, но при этом закончится она Меладзе. И это тоже про Родину. Потому что эти голоса, эти песни, тексты, в них говорится о чем-то таком близком, разделяемом. Это еще раз доказывает, что запрос на чувства есть. Именно на чувства, а не на долг. Но Родина не отвечает взаимностью.

ПОДБОРКА ДАННЫХ ВЦИОМ «ЛЮБОВЬ (НЕ) ДОЛЖНА»

СКАЧАТЬ

БОЛЬШЕ ДАННЫХ В ОТКРЫТЫХ БАЗАХ НА САЙТЕ ВЦИОМ

[«Спутник»](#) (с января 2017 г. по настоящее время)

[«Архивариус»](#) (с 1992 г. по настоящее время)

САЙТ СОЦИОДИГГЕРА. ВСЕ ВЫПУСКИ

SOCIODIGGER.RU

НАД ВЫПУСКОМ РАБОТАЛИ

Анна Кулешова
главный редактор
и редактор по работе с авторами

Наталья Седова
проектный редактор
и редактор по работе с авторами

Софья Балакирева
работа с экспертами

Яна Гудкова
формирование тематической
подборки данных ВЦИОМ

Анна Кокарева
редактор, корректор

Александр Дмитриев
иллюстрации

Антон Соляев
верстка

wciom.ru

monitoringjournal.ru

[MOM @ZhurnalMonitoring](https://www.facebook.com/MOM@ZhurnalMonitoring)

[@WCIOMofficial](https://www.telegram.com/@WCIOMofficial)

[@wciom](https://twitter.com/wciom)

[@wciom](https://www.facebook.com/wciom)

[@wciompage](https://vk.com/wciompage)

[@wciom](https://www.instagram.com/wciom)

[@wciom](https://www.youtube.com/wciom)

[Я.Дзен ВЦИОМ](#)

[Подкасты ВЦИОМ](#)

ВЦИОМ

• Основан в 1987 году •